

В. А. Бачинин

ХРИСТИАНСКАЯ МЫСЛЬ:
Библия и культура.
Христианство и литература

Том X

Титульный лист

Ассоциация «Союз христиан»
Научно-исследовательский центр

В. А. Бачинин

ХРИСТИАНСКАЯ МЫСЛЬ:

Библия и культура.
Христианство и литература

Том X

Издается с 2004 г.

Адрес: 196105, Санкт-Петербург, а/я 275

Тел. (812) 316-14-14

Факс (812) 110-1079

E-mail: accr@accr.ru

www.accr.ru

Санкт-Петербург

2006

Бачинин В. А. Христианская мысль: Библия и культура. Христианство и литература. Том X. – СПб.: Издательство «Алетейя», 2006. – ... с.

Регулярное научно-просветительское издание «Христианская мысль» выполнено в жанре авторского журнала и носит периодический характер. Круг рассматриваемых проблем охватывает четыре ключевые категории – человека, государство, гражданское общество и культуру. Журнал включает статьи, в которых с христианских позиций освещаются разные аспекты религиозно-гражданской, социально-политической, морально-правовой, духовно-нравственной и художественно-эстетической жизни общества и личности. Издание ориентировано на преподавателей и студентов высших учебных заведений.

**Издательство «Алетейя»,
2006.**

**Приближается утро, но еще ночь.
(Ис. 21, 12)**

**Я свет миру;
кто последует за Мною,
тот не будет ходить во тьме,
но будет иметь свет жизни.**

(Ин. 8, 12)

СОДЕРЖАНИЕ

БИБЛЕЙСКИЕ ЦЕННОСТИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

ПРОРОК МОИСЕЙ И МОИСЕЕВО ПРАВО

ЧТО ИЗУЧАЕТ БИБЛЕЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ?

БИБЛИЯ И НАУКА

АКТУАЛЬНОЕ ХРИСТИАНСТВО

РОССИЙСКОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО НЕ
ХРИСТОЦЕНТРИЧНО (Четыре тезиса)

ИМЕЕТСЯ ЛИ СРЕДИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРАВО НА ГРЕХ?
(О религиозно-правовой позиции митрополита Кирилла)

О КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ АПОКРИФА
«ЕВАНГЕЛИЕ ИУДЫ»

КОТ ДАВИНЧИ, СОБАКА РУ И БУЛЬВАРНОЕ
РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ НОВОГО МЮНХГАУЗЕНА

ХРИСТИАНСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

У ИСТОКОВ БИБЛЕЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ

ХРИСТИАНСКАЯ НАУКА

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ О ЗЛОМ ДУХЕ БЕЗВЕРИЯ

ХРИСТИАНСТВО И ЛИТЕРАТУРА

ДОСТОЕВСКИЙ: ПУТЬ К ХРИСТУ И ХРИСТИАНСКОМУ
РЕАЛИЗМУ

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И ЕГО ПОЭМА «ГЛОССОЛАЛИЯ»

МУЗА ЛЕРМОНТОВА В ПЛЕНУ ДЕМОНИЧЕСКИХ СОБЛАЗНОВ

ИНФЕРНАЛЬНАЯ ПОЭТИКА «ЦВЕТОВ ЗЛА»

Об авторе

БИБЛЕЙСКИЕ ЦЕННОСТИ

ПРОРОК МОИСЕЙ И МОИСЕЕВО ПРАВО

1

Первые пять книг Ветхого Завета, Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие, носят общее название Пятикнижия Моисея. Для анализа проблем становления правового сознания израильского народа наибольший интерес представляет последняя, пятая по счету книга – Второзаконие. В греческом переводе Библии (Септуагинте) название этой книги, Дейтерономион, составлено из двух слов – дейтерос (второй) и номос (закон). Оно переводится как «второй закон» или «повторение закона». Существуют разные объяснения его происхождения и смысла, среди которых одно из наиболее достоверных – это предположение, что во Второзаконии представлено повторное изложение целого ряда тех норм, правил, законов, которые ранее были уже представлены в книгах Исход, Левит и Числа.

Автором Второзакония считается пророк Моисей, от лица которого ведется значительная часть повествования. Дата написания книги – XIII век до Р. Х. Впоследствии Второзаконие подвергалось редактированию и дополнениям со стороны позднейших переписчиков. Но основа этой книги, принадлежащая Моисею, оставалась в своей сути неизменной. Утверждение некоторых исследователей, будто Книга Второзаконие была найдена в иерусалимском храме в конце VII в. до Р. Х., а написана была незадолго до этого, представляется большинству библеистов и историков несостоятельным.

Из текста Второзакония следует, что автор книги стар: ему около 120 лет, и он готовится покинуть этот мир. Израильскому народу предстоит вступить в землю обетованную без него. Поэтому обращения пророка выглядят как прощальные напутствия и наставления. Книга наполнена нормативными предписаниями религиозного, этического и правового характера, которые Моисей доводит до своего народа. Он завещает, чтобы Закон Божий читался

вслух каждые семь лет для всех израильтян, мужчин, женщин, детей, пришельцев, дабы они слушали, учились, боялись Бога и исполняли Его требования.

Жанр Книги Второзаконие не может быть определен однозначно, поскольку она включает не только законы, но и проповеди, а также разнородный исторический материал. Как историческая книга, она рассказывает о последнем периоде жизни Моисея и о тех событиях, через которые он проходил вместе со своим народом. Важное место в ней занимают три пространных обращения пророка к народу. Они носят характер проповедей и завершаются благословениями.

В первом обращении (Втор. 1, 5. – Втор. 4, 40) говорится об испытаниях, перенесенных израильским народом. Рассказ пронизан чувством глубочайшей признательности Богу за то, что Он вывел Израиль из египетского рабства. Здесь же вспоминаются различные перипетии движения через пустыню и некоторые военные столкновения с языческими народами.

Второе обращение Моисея (Втор. 4, 44. – Втор. 11, 32) начинается с повторного изложения Десяти заповедей (первый раз о них говорилось в 20-й главе Книги Исход). Пророк призывает народ чтить Бога, перечисляет установления и законы, касающиеся многих сторон общественной жизни. В третьем обращении продолжается перечень наставлений, в числе которых важное место занимают предписания, указывающие, каким образом израильтяне смогут утвердиться на земле Ханаана.

Содержание Второзакония важно для понимания общей этической и религиозно-правовой концепции Ветхого Завета. Оно складывается из поучений пророка Моисея, ведущего соплеменников из египетского рабства в землю обетованную, излагающего заветы Бога, указывающего на то, что необходимо делать человеку, а что недопустимо. Те люди, которые некогда вышли из Египта, и с которыми Бог установил синайский завет, в своем большинстве уже умерли за время почти сорокалетних странствий по пустыне. Поэтому поучения Бога, передаваемые через Его пророка Моисея, обращены уже к новому поколению израильтян, к родившимся на свободе. Именно им предстояло войти в землю обетованную, расчищая себе путь мечом и огнем и изгоняя из обжитых мест обосновавшиеся там народы. Для этого опасного и многотрудного дела необходимы были отвага, мужество, решимость, дисциплина и организованность. Но самое главное, в чем нуждались израильтяне, - это в подтверждении того, что Бог будет сопровождать их на каждом шагу и поможет овладеть теми территориями, которые Он обещал отдать им.

Пророк Моисей – не мифологический герой, а реальная историческая личность. Он принадлежал к израильскому народу,

пребывавшему в египетском рабстве¹. Родился он ок. 1350 г. до Р. Х. в Египте и принадлежал к колену (роду) Левия. У него были старшая сестра Мариам и старший брат Аарона. Из-за того, что на момент рождения Моисея действовал приказ фараона избавляться от всех новорожденных израильских мальчиков, мать вынуждена была прятать его. Когда ребенку исполнилось три месяца, она положила его в корзину и оставила в речных зарослях тростника. Корзина была найдена дочерью египетского властелина, и та взяла мальчика во дворец, полюбила его и относилась к нему как к родному сыну. Случилось так, что в качестве кормилицы к Моисею была приглашена его родная мать. Он вырос во дворце, получив должное воспитание и наилучшее образование.

Моисею было сорок лет, когда случился неожиданный инцидент: он стал свидетелем сцены жестокого избиения израильтянина египетским надсмотрщиком. Вспышка гнева Моисея была столь сильна, что он утратил контроль над собой и в яростной стычке убил надсмотрщика. Опасаясь наказания, Моисей вынужден был через несколько дней бежать из Египта.

Следующие сорок лет жизни Моисея прошли вдали от Египта, среди пастушеских племен. С внешней стороны он, казалось бы, жил обычной, простой жизнью своего окружения - обзавелся женой и детьми, странствовал со стадами по пустынным просторам. Поворотным моментом жизни пророка стала его встреча с Богом в горной, пустынной местности Синай. Там он увидел горящий, но не сгорающий терновый куст и услышал голос: «Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова... Я увидел страдание народа Моего в Египте и услышал вопль его от приставников его; Я знаю скорби его и иду избавить его от руки Египтян и вывести его из земли сей в землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед» (Исх. 3, 6 – 8).

Моисею открылось, что его народ будет избавлен от рабства и возвращен в землю обетованную не человеческими усилиями, ни политическими талантами его лучших сынов, а только волей и силой всемогущего Бога.

Когда Бог повелел Моисею отправиться в Египет, то вооружил его несокрушимой верой в успех этой миссии, наделил всеми необходимыми лидерскими качествами великого народоводителя, отметил печатью Божьего избранничества – харизмой, дал ему всё то, чем должен обладать пророк, духовный вождь, политический лидер, духовный предводитель и законоучитель.

Как свидетельствует Библия, Моисей, выслушав повеление Бога, оправился в Египет. И здесь начинается совершенно новая глава

¹ Предположения З. Фрейда о том, что Моисей был египтянином, а не израильтянином, высказанные им в работе «Человек Моисей и монотеистическая религия» (1939), признаны большинством историков религии как несостоятельными.

в жизни Моисея, связанная с его особой религиозно-политической миссией.

То, что Моисей предложил фараону отпустить израильский народ, можно назвать безумным политическим проектом. Но Бог дал ему все необходимое, чтобы помочь его народу вырваться из-под ига идолопоклонников. После преодоления невероятных трудностей сопротивление деспота было сломлено, и израильский народ освободился от рабства, в котором пребывал 400 лет.

3

Моисею, как народоводителю, изначально было присуще обостренное чувство справедливости. В своей жизни он неоднократно выступал в роли правозащитника, вставая на пути у тех, кто пытался грубо попирать права других людей. Так, в Египте он выступил в защиту израильтянина, которого избивал египтянин. В земле Мадямской он защитил от грубости чужих пастухов дочерей священника Мадямского, набиравших воду.

После исхода из Египта, Моисей, ведший за собой многотысячный народ, вынужден был выступать в роли судьи, каждодневно участвующего в разбирательствах многочисленных конфликтных ситуаций. Мудрый совет его тестя Иофора помог ему заложить организационные основы системы правосудия. В Книге Исход так рассказывается об этом: «На другой день сел Моисей судить народ, и стоял народ пред Моисеем с утра до вечера. И видел тесть Моисеев все, что он делает с народом, и сказал: что это такое делаешь ты с народом, а весь народ стоит пред тобою с утра до вечера? И сказал Моисей тестю своему: народ приходит ко мне просить суда у Бога; когда случается у них какое дело, они приходят ко мне, и я сужу между тем и другим, и объявляю уставы Божии и законы Его. Но тесть Моисеев сказал ему: не хорошо это ты делаешь: ты измучишь и себя и народ сей, который с тобою, ибо слишком тяжело для тебя это дело: ты один не можешь исправлять его; итак, послушай слов моих; я дам тебе совет, и будет Бог с тобою: будь ты для народа посредником пред Богом и представляй Богу дела его; научай их уставам и законам Божиим, указывай им путь Его, по которому они должны идти, и дела, которые они должны делать; ты же усмотри из всего народа людей способных, боящихся Бога, людей правдивых, ненавидящих корысть, и поставь их над ним тысяченачальниками, стона начальниками, пятидесятиначальниками и десятиначальниками; пусть они судят народ во всякое время и о всяком важном деле доносят тебе, а все малые дела судят сами: и будет тебе легче, и они понесут с тобою бремя; если ты сделаешь это, и Бог повелит тебе, то ты можешь устоять, и весь народ сей будет отходить в свое место с миром. И послушал Моисей слов тестя своего и сделал все, что он говорил» (Исх. 18, 13 - 24).

Судьи должны внимательно следить за тем, чтобы показания свидетелей не были ложными. Если же обнаруживалось лжесвидетельство, то доносчика следовало наказать, сделав ему то, что он умышлял предпринять против брата своего.

Наставляя судей, Моисей говорил каждому из них: «Не извращай закона, не смотри на лица и не бери даров, ибо дары ослепляют глаза мудрых и превращают дело правых; правды, правды ищи, дабы ты был жив и овладел землею, которую Господь, Бог твой, дает тебе» (Втор. 16, 19 – 20). Пророк апеллировал не только к будущему Израиля, но и к его прошлому, когда он был в египетском рабстве: «Не суди превратно пришельца, сироту и у вдовы не бери одежды в залог; помни, что и ты был рабом в Египте, и Господь, Бог твой освободил тебя оттуда: посему я и повелеваю тебе делать сие» (Втор. 24, 18).

На эти два типа апелляций, к прошлому и будущему, опирается этическая аргументация Моисея, взывающего к честности и неподкупности судей.

Моисей не только ввел институт судей, которого прежде не было у израильского народа, но и заложил основания гражданского и уголовного законодательства. Формулируя правовые требования, пророк-законодатель подкреплял их религиозно-этическими аргументами. Он постоянно подчеркивал, что следует соблюдать законы, «ибо мерзок пред Господом всякий делающий неправду». Призывая исполнять требования морали и нормы права, он напоминал, что это важно делать, «дабы Бог продлил дни твои на земле».

4

Ценностно-нормативной сердцевиной Второзакония является Декалог (Десятословие) - десять библейских заповедей. Среди исследователей Библии принято различать этический Декалог (Исх. 20, 1 – 17) и Декалог ритуальный (Исх. 34, 14, 17 – 26). В этический Декалог входят заповеди, содержащиеся в Книге Исход (20, 1 – 17) и Книге Второзаконие (5, 6 – 12).

Эти заповеди посланы людям через пророка Моисея, который при обращении к народу Израиля так рассказывал об этом событии: «Вы приблизились и стали под горою, а гора горела огнем до самых небес, и была тьма, облако и мрак. И говорил Господь к вам из среды огня; глас слов Его вы слышали, но образа не видели, а только глас; и объявил Он вам завет Свой, который повелел вам исполнять, десятословие, и написал его на двух каменных скрижалях; и повелел мне Господь в то время научить вас постановлениям и законам, дабы вы исполняли их в той земле, в которую вы входите, чтоб овладеть ею» (Втор. 4, 11 – 14).

Этический Декалог включал следующие заповеди:

1. «Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим» (Втор. 5, 7);
2. «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в водах ниже земли...» (Втор. 5, 8);
3. «Не произноси имени Господа Бога твоего, напрасно...» (Втор. 5, 11);
4. «Наблюдай день субботний, чтобы свято хранить его, как заповедал тебе Господь, Бог твой; шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу Богу твоему» (Втор. 5, 12 – 14);
5. «Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой, чтобы продлились дни твои...» (Втор. 5, 16);
6. «Не убивай» (Втор. 5, 17);
7. «Не прелюбодействуй» (Втор. 5, 18);
8. «Не кради» (Втор. 5, 19);
9. «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего» (Втор. 5, 20);
10. «Не желай жены ближнего твоего и не желай дома ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабы его, ни вола его, ни осла его, ни всего, что есть у ближнего твоего» (Втор. 5, 21).

Неукоснительное соблюдение как всех этих заповедей, так и предписаний, вытекающих из них, - обязательное условие сохранения верности Богу. Такая верность несовместима ни с какими формами язычества. Поэтому первые заповеди категорически запрещают любые проявления идолопоклонства.

В Книгах «Исход», «Левит», «Числа» и «Второзаконие» излагаются моральные и правовые требования более частного характера, в которых конкретизируются исходные заповеди Десятословия. В них говорится об ответственности за религиозные и уголовные преступления, об охране частной собственности, о правовых вопросах семейно-брачных отношений, землепользования и о многом другом. Но все они имеют своим непосредственным основанием заповеди Декалога.

Изложение десяти заповедей напоминает форму международных договоров, заключавшихся на Древнем Востоке. Нормативность Декалога представляет собой нечто среднее между конвенциональностью религиозного завета и категоричностью правовых требований. Монотеистическая подоплека придает последним совершенно особый характер, отличает их от сходных требований, встречавшихся у других древних народов, например, у египтян, в «Книге мертвых». У тех они были встроены в языческие контексты магических ритуалов и обрядов и не имели той нормативной мощи, которая присутствует в ветхозаветном Десятословии.

Заповеди Декалога – одно из важнейших свидетельств завета-договора, заключенного между Богом и израильским народом, представителем которого выступил пророк. «Моисея можно рассматривать как посредника завета, поскольку, выступая в роли посланника Бога, он оглашает условия договора. В хеттских договорах запечатлены только тексты соглашений, но ничего не говорится о роли посланников, преподносивших эти договоры народам. Но другие тексты позволяют составить некоторое представление о роли посланника. Обычно он провозглашал свою весть устно, хотя имел письменный экземпляр текста, подтверждающий его слова и предназначенный для помещения в архив. Обращенные к народу увещания Моисея о необходимости выполнения условий завета полностью соответствуют тому, что полагалось говорить царскому посланнику. Вассалу следовало напомнить о том, что его привлечение к участию в этом соглашении – большая привилегия, и потому было бы разумно воздержаться от всяких действий, угрожающих этой привилегии»²

В заповедях Декалога обнаружился новый шаг по пути развития древнего морально-правового сознания по сравнению, например, с вавилонским кодексом Хаммурапи. Здесь, как отмечают историки права, уже нет логики традиционных для архаического сознания умозаключений: «Если некто совершил то-то, он заслуживает того-то». В основу Декалога легли общие категорические императивы универсального характера: «Делай только это» или «Этого не делай никогда».

Заповеди Моисея носят безапелляционный характер и требуют безусловного послушания, поскольку за ними стоит сверхличность Бога с Его абсолютным авторитетом. В отличие от архаических табу первобытных язычников, носивших исключительно внутриплеменной характер, Декалог содержит нормативный потенциал универсальной значимости. Не случайно он не остался достоянием только еврейского национального сознания, а был в последующие века воспринят многими народами мира и выступил в роли фундаментального основания формировавшихся систем многих национально-государственных правовых систем.

Десять заповедей, при всей их подчеркнутой лапидарности, имеют всеобъемлющий, универсальный характер. Они охватывают важнейшие сферы духовной и практической жизни человека – религиозную, нравственную, правовую. Подобный триединый охват фундаментальных начал человеческого бытия придает Декалогу свойства краеугольного камня мировой цивилизации, статус непреложного условия ее успешного развития. Любые попытки «вынуть» этот «камень» из основания, заменить заповеди что-то

² Библейский культурно-исторический комментарий: В 2 ч. Ч. I: Ветхий Завет. Пер. с англ. – СПб., 2003. С. 16.

другим, предложить народам существовать по каким-то иным законам чреватых катастрофическими последствиями. С изъятием десяти заповедей обрушивается вся нормативная система, а с нею гибнут вера, нравственность, право, распадается хозяйственно-экономическая жизнь народов, деградирует культура их повседневного существования, начинается повсеместное духовное и физическое вырождение. И история знает такие примеры.

5

В Пятикнижии Моисея содержится, кроме этического Декалога, еще и ритуальный Декалог. Его возникновение непосредственно связано с драматической коллизией богоотступничества израильтян, когда они сделали себе золотого тельца и были сурово наказаны за это. Когда Моисей увидел идолопоклоннические пляски, он в гневе разбил скрижали. Спустя время, Бог повелел пророку вырубить из камня две новые скрижали и пообещал написать на них заповеди. Моисей выполнил повеление, поднялся на гору Синай, пал там на землю и поклонился Богу. Господь изрек заповедное слово и сказал Моисею: «Напиши себе слова сии, ибо в сих словах Я заключаю завет с тобою и с Израилем» (Исх. 34, 27).

Ритуальный Декалог гласил: «Ибо ты не должен поклоняться богу иному, кроме Господа, потому что имя Его – «ревнитель»; Он – Бог «ревнитель»... Не делай себе богов литых. Праздник опресноков соблюдай: семь дней ешь пресный хлеб, как Я повелел тебе, в назначенное время месяца Авива, ибо в месяце Авива вышел ты из Египта. Все, разверзающее ложесна, Мне, как и весь скот твой мужеского пола, разверзающий ложесна, из волов и овец; первородное из ослов заменяй агнцем, а если не заменишь, выкупи его; всех первенцев из сынов твоих выкупай; пусть не являются пред лицо Мое с пустыми руками. Шесть дней работай, а в седьмой день покойся; покойся и во время посева и жатвы. И праздник седмиц совершай, праздник начатков жатвы пшеницы и праздник собирания плодов в конце года. Три раза в году должен являться весь мужеский пол твой пред лицо Владыки, Господа, Бога Израилева, ибо Я прогоню народы от лица твоего и распространю пределы твои, и никто не пожелает земли твоей, если ты будешь являться пред лицо Господа, Бога твоего, три раза в году. Не изливай крови жертвы Моей на квасное, и жертва праздника Пасхи не должна переночевать до утра. Самые первые плоды земли твоей принеси в дом Господа, Бога твоего. Не вари козленка в молоке матери его» (Исх. 34, 14, 17 – 26).

Ритуальный Декалог, в отличие от Декалога этического, представляет собой совокупность богослужебных, ритуально-обрядовых поучений. При этом оба Декалога взаимно дополняют друг друга и создают мощное религиозно-этическое ядро всей нормативной системы Ветхого Завета.

Нормы религиозного характера стоят на первом месте среди предписаний, излагаемых Моисеем. Пророк говорит о том, как важно для израильтян хранить верность своему Богу, Который проявляет всеобъемлющую заботу о Своем народе. Хотя израильтян поджидают впереди многие трудности и опасности, и они должны готовиться ко многим кровопролитным сражениям за овладение землей обетованной, им не следует страшиться. На их стороне Бог, Который обещал Аврааму, Исааку, Иакову отдать эти земли, и Который сдержит Свое обещание.

Моисей предостерегает израильтян против соблазнов идолопоклонства: «Берегитесь, чтобы не забыть вам завета Господа, Бога вашего, который Он поставил с вами, и чтобы не делать себе кумиров, изображающих что-либо, как повелел тебе Господь, Бог твой» (Втор. 4, 23).

Моисей уверяет израильский народ, что за свое послушание он будут благословлен Господом. Бог истребит их врагов, размножит их самих и их стада, даст им много серебра и золота. И напротив, отступников ждут неисчислимые бедствия. К ним обращены серьезные предупреждения: «За то, что ты не служил Господу Богу твоему с веселием и радостью сердца, при изобилии всего, будешь служить врагу твоему, которого пошлет на тебя Господь, в голоде, и жажде, и нагоде и во всяком недостатке; он возложит на шею твое яро, так что измучит тебя» (Втор. 28, 47 – 48).

6

Содержание обоих Декалогов конкретизируется в целом ряде частных моральных предписаний. Во Второзаконии формулируются требования, регулирующие процессы формирования и функционирования первоначальных социальных, в том числе деятельности властных, структур, военачальников и судей. В адрес последних Моисей обращает требования сберечь в первоначальном виде божественные заповеди и законы, ничего не прибавляя к ним и не убавляя от них, судить справедливо, невзирая на лица, не принимая даров, вести суд при наличии двух или трех свидетелей и т. д.

Значительное место отведено заповедям, регулирующим сексуальные, семейно-брачные отношения, освещающим вопросы развода, супружеской измены, сексуальных преступлений, их последствий и т. д.

Нравственные предписания Моисея отличаются строгой, непреклонной категоричностью там, где речь идет об отношении детей к родителям. Он требует сурово наказывать сыновей, не повинующихся родителям: «Если у кого будет сын буйный и непокорный, неповиновущийся голосу отца своего и голосу матери своей, и они наказывали его, но он не слушает их, - то отец его и мать

его пусть возьмут его и приведут его к старейшинам города своего и к воротам своего местопребывания и скажут старейшинам города своего: «сей сын наш буен и непокорен, не слушает слов наших, мот и пьяница»; тогда все жители города его пусть побьют его камнями до смерти; и так истреби зло из среды себя, и все Израильтяне услышат и убоятся» (Втор. 21, 18 – 21).

Среди моральных предписаний особое место занимает закон прощения. Моисей говорит о необходимости каждый седьмой год прощать долги ближним, давать займы нищим и не взыскивать с них. Это правило не распространяется на иноземцев. Если израильтянин продаст себя в рабство, то через шесть лет, на седьмой год его следует отпустить на свободу и сделать так, чтобы он ушел не с пустыми руками. Говоря так, Моисей напоминает, что все они были рабами в земле египетской и должны не забывать о тяжести рабского удела

Тот, кто прощает долги, не останется в убытке, поскольку Бог непременно благословит его: «Ты будешь давать займы многим народам, а сам не будешь брать займы; и господствовать будешь над многими народами, а они над тобою не будут господствовать» (Втор. 15, 6).

Перечень моральных предписаний, провозглашенных Моисеем, достаточно пространен, включает большое число требований, в том числе следующие:

- строго наказывать детей, не повинующихся своим родителям;
- нашедший чье-либо потерявшееся домашнее животное, обязан вернуть его хозяину;
- мужчина, который возляжет с необрученной девицей, обязан жениться на ней и во всю свою жизнь не сможет развестись с ней;
- ни сын блудницы, ни его потомки до десятого поколения не смогут войти в общество Господне;
- если войдешь в виноградник ближнего своего, то можешь есть ягоды досыта, но в сосуд свой их не складывай;
- не обижай бедного, нищего, наемного, в тот же день отдай ему плату его, чтоб он не возопил к Господу, и чтобы не было на тебе греха;
- когда жнущий на поле своем забыл сноп, то ему не следует возвращаться за ним. Так же и обирающий виноград или плоды с маслины не должен уносить все, до последней ягоды. Пусть оставшееся достанется пришельцу, сироте и вдове.

Мощным средством противодействия всем попыткам нарушить основополагающие моральные заповеди служит проклятие. Его вправе произносить священнослужители-левиты. По их слову должен быть проклят всякий, кто не исполняет слов закона - кто злословит

отца и мать, нарушает установленную межу, сбивает слепого с пути, превратно судит пришельца, сироту и вдову, ложится с женою отца своего, сестрой, тещей, скотом, тайно убивает ближнего своего, берет подкуп, чтобы пролить кровь невинную. Тот, кто не будет исполнять заповеди Бога, не укроется от проклятий: «Пошлет Господь на тебя проклятие, смятение и несчастье во всяком деле рук твоих, какое ни станешь ты делать, доколе не будешь истреблен, - и ты скоро погибнешь за злые дела твои, за то, что ты оставил Меня... Поразит тебя Господь чахлостью, горячкою, лихорадкою, воспалением, засухою, палящим ветром и ржавчиною, и они будут преследовать тебя, доколе не погибнешь... И ты будешь ощупью ходить в полдень, как слепой ощупью ходит впотьмах, и не будешь иметь успеха в путях твоих, и будут теснить и обижать тебя всякий день, и никто не защитит тебя» (Втор. 28, 20, 22, 29).

И напротив, кто исполняет закон, поступает по слову его, того ожидают благословения за послушание: «Придут на тебя все благословения сии и исполнятся на тебе, если будешь слушать гласа Господа, Бога твоего; благословен ты в городе и благословен на поле. Благословен плод чрева твоего, и плод земли твоей, и плод скота твоего, и плод твоих волов, и плод овец твоих. Благословенны житницы твои и кладовые твои. Благословен ты при входе твоём и благословен ты при выходе твоём. Поразит Господь врагов твоих, восстающих на тебя; одним путем они выступят против тебя, а семью путями побегут от тебя... Сделает тебя Господь главою, а не хвостом, и будешь только на высоте, а не будешь внизу, если будешь повиноваться заповедям Господа Бога твоего» (Втор. 28, 2 – 7, 13).

7

Моисей говорит, что везде, где вершится человеческий суд, каждый сам несет ответственность за свои поступки и наказывается за свою вину: «Отцы не должны быть наказываемы смертью за детей, и дети не должны быть наказываемы смертью за отцов; каждый должен быть наказываем смертью за свое преступление» (Втор. 24, 16).

Пророк принимает во внимание то обстоятельство, что в жизни людей иногда случаются неумышленные преступления. Случается, например, что во время рубки дерева в лесу топор соскакивает с топорница и убивает ближнего. В подобных случаях нет злого умысла, поэтому виновного, убившего ближнего без намерения и при этом никогда ранее с ним не враждовавшего, не следует наказывать смертью. Для таких людей следует создавать «города-убежища», чтобы мстители за кровь в горячности сердца не настигли их и чтобы невольные убийцы, укрывшись в них, остались живы. Моисей предлагает выделить для этой цели три города, дабы не было напрасных кровопролитий.

Если же кто-то намеренно убьет ближнего и попытается укрыться в городе-убежище, то старейшины должны выдать его в руки мстителя за кровь, чтобы тот не пощадил его.

Законы Моисея предполагают суровые наказания за преступления в сфере семейных, брачных, сексуальных отношений:

- если кто-либо взял себе жену и не нашел у нее девства, то она за свое блудодейство в доме отца своего должна быть побита камнями;
- за супружеские измены, сексуальное насилие виновные побиваются камнями.

Моисей настоятельно требует, чтобы виновного не осуждали на смерть по словам одного свидетеля. Непременно должно быть двое или трое свидетелей.

Пророк взывает к милосердию судящихся сторон. Так, если некто признан виновным, достойным побоев и судья прикажет его бить, то не следует наносить ему более сорока ударов, «чтобы от многих ударов брат твой не был обезображен пред глазами твоими» (Втор. 25, 3).

8

Впоследствии известный религиозный мыслитель, современник Христа, Филон Александрийский сопоставил Моисеевы законы с законами язычников и указал на существенные различия между теми и другими. Так, у греков фактически все юридические нормы и законы относительны, поскольку в каждом полисе имелось свое собственное законодательство. Это служило для многих основанием пренебрежительного отношения к правовым системам других государств. Законы же Моисея, в отличие от языческих, лишены духа относительности, имеют универсальное значение. Именно поэтому впоследствии многим народам Востока и Запада было легко принять их и включить в собственные правовые системы.

И хотя в свете принципов правоведения, разработанных в Новое время, Моисеево право выглядит архаичным, синкретичным, лишенным должной внутренней дифференциации, не разделяющим норм обычного, гражданского и уголовного права, перегруженным моральными и обрядовыми предписаниями, это не мешало европейским мыслителям и ученым относиться к нему и в первую очередь к Декалогу с самым пристальным вниманием.

Невозможно отрицать тот факт, что Библия сыграла важную роль в развитии западного правосознания. Современные исследователи отмечают, что библейская традиция, средоточием которой является Моисеево право, учитывалась западной правовой

мыслью на протяжении всей истории ее существования в условиях христианской цивилизации³. В этом процессе выделяют пять этапов.

Первый этап охватывает период, начиная с христианизации римского мира и заканчивается эпохой императора Константина. На его протяжении в римское правовое сознание вошли иудейские и христианские нормативные представления, изменившие понимание сути брака и отношения к слабым и обездоленным.

Второй этап – это время с 1050 г. по 1200 г., когда на Западе проходила так называемая «папская революция», направленная на систематизацию основной массы юридических норм и принципов и на урегулирование возникавших при этом противоречий между положениями римского права и христианским мировоззрением. В центр правовой системы было поставлено новое понимание личности как уникальной реальности, обладающей душой и христианским мировоззрением. Из этого следовали конкретные религиозно-правовые принципы:

1) таинство крещения открывало путь к вступлению личности в гражданские права;

2) социальная дифференциация производилась в соответствии с различием: а) христиан и некрещеных язычников, евреев, а также еретиков и отлученных; б) клириков (священников, монахов) и мирян; в) мужчин и женщин, обладавших разными правами и обязанностями;

3) отсутствовало представление о всеобщей, единой системе прав человека, а также о необходимости создания универсального свода правовых норм, применимых ко всем людям без исключений;

4) субъектом гражданских прав мог считаться лишь тот, кто, будучи крещен, исповедовался и причащался не реже одного раза в год;

5) отлучение от церкви имело для человека обязательным следствием утрату им гражданских прав.

Третий этап влияния Библии на западное правосознание связан с Реформацией. Протестанты признали автономию правовых отношений, их независимость от духовных властей. Они отменили безбрачие священнослужителей, узаконили принцип свободы совести, подготовили духовную и социальную почву для утверждения идей равного достоинства всех людей, равенства всех граждан перед государством, а также идею неотъемлемости прав человека на жизнь, свободу и собственность.

«Отец» Реформации Мартин Лютер показал в своем «Большом катехизисе» (1529), что вне Декалога ни одно человеческое деяние, каким значительным или даже великим оно не казалось миру, не может быть ни добрым, ни богоугодным.

³ См. об этом подробнее в кн.: Бачинин В. А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб., изд-во Юридический центр Пресс. 2006.

В разгар Реформации Лютер активно изучал Пятикнижие, писал богословско-правовые комментарии к его книгам и отдельным стихам, выступал с лекциями, составлял проповеди, в которых истолковывал различные аспекты Декалога и всего Моисеева права в целом. В круг его интересов входили богословско-правовые аспекты проблем брака, семьи, собственности, торговли, преступности. Основные идеи богословско-правовой концепции Лютера сводились к следующим положениям:

1. Долг христианина – следовать воле Бога, соблюдать Его Закон и в первую ту его часть, в которую входят заповеди Декалога; исполнять все вытекающие из этих заповедей более частные требования морали и права.

2. От Бога исходит власть гражданских правителей. Поэтому они не имеют права на произвол. Их установления должны соответствовать принципам божественной справедливости.

3. Декалог выступает наиболее совершенным выражением справедливости, наиболее полной формулой естественного права.

4. Божественное и естественное право установлены Богом для земного бытия людей. Юридические законы призваны служить соединительными звеньями между волей Бога и человеческой волей. И хотя они не избавляют людей от греховности, все же они делают человеческое существование приемлемым для Бога.

5. Гражданские и уголовные законы заставляют человека делать то, чего от него хочет Бог, т. е. следовать по пути законопослушания и добродетели. Удерживая людей от дурных дел посредством угрозы наказания, законы тем самым обеспечивают необходимый общественный порядок.

Четвертый этап был отмечен печатью набиравшей силу секуляризации, сопровождался ослаблением влияния церкви на жизнь общества и государства. Его идейным основанием можно считать тезис нидерландского мыслителя Г. Гроция о том, что правовая система должна существовать даже в том случае, если кто-то удосужится предположить, будто Бог не существует. Источником законов должно быть государство.

Для того, чтобы уравновесить властную мощь государства, на передний план выдвинулась идея прав человека. Она была по-разному представлена в американской и французской «Декларациях». В американской «Декларации» присутствует протестантский дух христианского просвещения, звучат идеи достоинства и равенства всех людей, созданных по образу и подобию Божьему. Во французской «Декларации» господствует антихристианский настрой, доминирует мысль о несовместимости идеи прав человека с библейским миропониманием. Под влиянием подобных предубеждений западная юридическая мысль стала обнаруживать нечувствительность к религиозному измерению закона, а христианское богословие в Европе

более чем на полтора столетия исключило из круга своего внимания правовую проблематику⁴.

Пятый этап связан с повторным открытием идей личной ответственности и нравственной автономии, попранных тоталитарными режимами XX века. Его пиком стал 1948 год, когда Организацией Объединенных Наций была принята «Всеобщая декларация прав человека».

В. Хубер указывает на возможность наступления шестого этапа, который должен стать этапом сближения библейской правовой мысли с западными правовыми системами. Симптомы этого сближения присутствуют в тенденции нарастающего интереса современного правосознания к универсальным нравственно-правовым категориям, в том числе к такому понятию, как общее благо. Это и интерес к началам, связующим индивидуальное с общественным, частное с общим.

Западные богословы считают, что если правовая мысль пойдет в дальнейшем по пути сближения либеральных и социалистических принципов, то идеи, заложенные в Библии, приобретут для нее существенное значение.

ЧТО ИЗУЧАЕТ БИБЛЕЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ?

Библейская археология - это научная дисциплина, изучающая древние памятники, имеющие то или иное отношение к Библии и событиям Священной истории. Библейских археологов интересуют вещественные свидетельства общественного устройства, обычаев, культов, нравов, быта, календаря, т. е. всего того, что проливает дополнительный свет на эпохи Ветхого и Нового Заветов. Благодаря этой науке, библейский мир предстает в качестве живой реальности, многогранной социокультурной целостности с богатством конкретных деталей и разнообразием фактических подробностей. Основой, на которую опирается библейская археология, служат в первую очередь Библия и памятники антично-средиземноморских и древневосточных культур ветхозаветных и новозаветных времен.

Возникновение ветхозаветной археологии

Значительный вклад в становление и развитие библейской археологии внес французский ученый-филолог Жан Франсуа Шампольон (1790 – 1832). Военные кампании Наполеона на территории Египта открыли перед ним возможность ознакомления с многими древними памятниками культуры. Ему удалось найти ключ

⁴ См.: ХУБЕР В. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И БИБЛЕЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО // ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И РЕЛИГИЯ. ХРЕСТОМАТИЯ. М., 2001. С. 47, 48.

к расшифровке древнеегипетских иероглифов и прочтению многих египетских текстов.

Другие филологи, Г. Ф. Гротенд (1775 – 1853) и Г. К. Роулинсон (1810 – 1895), внесли значительный вклад в расшифровку древнеперсидской клинописи, что также пролило дополнительный свет на ряд вопросов Священной истории.

Важное событие в истории библейской археологии произошло в 1870 г. Именно тогда в Лондоне было образовано Общество библейской археологии, имевшее своей задачей изучение культур Палестины, Вавилона, Египта, Финикии, а также эгейского мира.

На рубеже XIX – XX вв. на территории Сирии и Палестины возникло несколько исследовательских институтов, главным направлением научной деятельности которых являлась библейская археология. Это были католический (иезуитский) университет св. Иосифа в Бейруте (1881), богословско-археологический институт при доминиканском монастыре Св. Стефана (1890), американский археологический институт в Иерусалиме (1900), немецкий протестантский институт по изучению древностей Святой Земли (1904).

Их сотрудники производили раскопки на территории древнего Двуречья. Ими были обнаружены развалины столицы Ассирийского царства - города Ниневии. В Ветхом Завете говорится о том, как пророки Наум и Софония предсказали будущую гибель этому цветущему городу язычников. Книга пророка Ионы рассказывает о том, как тот был послан Богом в Ниневию, чтобы предупредить его жителей о грозящей им Божьей каре. После проповедей Ионы, общего покаяния всех жителей, город был пощажен Богом. Эти тексты служили отправными точками археологических изысканий, в результате которых ученым открылся город, некогда насчитывавший 120 тысяч жителей, украшенный дворцами, храмами, парками, водопроводом, библиотекой и защищенный окружавшей его многокилометровой стеной. На месте библиотеки был найден текст поэмы о Гильгамеше, в которой содержалось описание Великого Потопа, сходное с библейским описанием. Более того, там же в Месопотамии археологи обнаружили материальные следы гигантского наводнения, которые устраняли всякие сомнения в правдивости картин Потопа, описанных в Ветхом Завете.

В 1896 г. на территории Египта, в Фивах была обнаружена каменная плита с надписью конца XIII в. до Р. Х., в которой упоминался израильский народ. Дата ее появления указывает на эпоху, описанную в ветхозаветной Книге Исход.

Новозаветная археология

На протяжении последних ста лет интенсивно развивалась библейская новозаветная археология. Учеными было найдено

множество рукописных текстов Нового Завета и апокрифических сказаний. В базилике апостола Павла в Риме обнаружены остатки древней гробницы апостола.

В 1882 г. по инициативе великого князя Сергея Александровича было создано Императорское православное палестинское общество. Одно из направлений его деятельности имело научно-изыскательский характер. Общество оказывало содействие российским научным экспедициям, занимающимся библейско-археологическими изысканиями на Ближнем Востоке и, в особенности, на территории Палестины. Им проводились археологические раскопки близ храма Гроба Господня. В 1891 – 1892 гг. Обществом была организована экспедиция, имевшая целью исследовать материальные остатки храма, построенного во времена царя Соломона.

За год до создания Палестинского общества начало выходить научное издание – «Православный Палестинский сборник». В период с 1881 по 1916 гг. увидели свет 62 выпуска. Параллельно издавался еще один научно-теоретический сборник - «Сообщения Императорского Православного общества». С 1886 по 1916 гг. вышли 27 номеров, но затем регулярность издания нарушилась. Последний, 29 номер был напечатан в 1926 году и имел уже иное, несколько измененное название – «Сообщения Российского Православного общества». В обоих изданиях печатались труды по библейской и церковной археологии. Их теоретический уровень был таков, что они и по сей день не утратили своей научной значимости. В 1954 г. издание возобновилось под названием «Палестинский сборник».

Периодически в области библейской археологии происходят значимые события. Так, в 1950-е гг. была опубликована Вавилонская летопись, рассказывающая о царе Навуходоносоре и о завоевании им Иерусалима в 597 г.

В 1968 г. в Иерусалиме была обнаружена могила распятого преступника, в костях которого застряли огромные гвозди. Эта находка опровергала мнение ряда историков, отрицавших сам факт прибивания в древности людей гвоздями к крестам.

Кумранские рукописи

В 1947 г. и в последующие годы в руки ученых попали свыше 400 древних свитков, имеющих непосредственное отношение к Библии. Они были найдены в гористой части Иордании, в двух километрах от Мертвого моря и в тринадцати километрах от Иерихона, в нескольких пещерах Вади-Кумрана, долине Вади Мураббаат, а также в ряде других мест. Тексты на восьми языках и диалектах, хранившиеся в глиняных сосудах, были написаны на коже, пергаменте, папирусе в период с 200 г. до Р. Х. по 135 г. по Р. Х. Они включали 147 библейских текстов - почти все книги Ветхого Завета (кроме книги Есфирь), комментариев на книгу пророка Аввакума, полный текст

книги пророка Исайи, комментарии (мидраши) книг пророков Даниила, Иеремии, Михея, Софонии, Осии, а также книги Псалмов, отдельные части книг Царств, фрагменты книги Исход и многое другое. Некоторые тексты относились к жизни иудейской секты и представляли собой ее устав, гимны, а также комментарии к священным книгам и апокрифы. Они были спрятаны в пещерах в 66 – 70-е гг. по Р. Х., во время войны с Римом. Среди них обнаружены также манускрипты новозаветного периода.

О древнем обычае хранения рукописей в глиняных сосудах говорится в книге пророка Иеремии: «Так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: возьми сии записи, - эту купчую запись, которая запечатана, и эту запись открытую, - и положи их в глиняный сосуд, чтоб они оставались там многие дни» (Иер. 32, 14).

По данным археологов, кумранское поселение возникло во II в. до Р. Х. и существовало до момента его разрушения римскими войсками в 68 г по Р. Х. Хирбет Кумран был центром общины. Ее члены проживали в окрестностях центрального строения, в домах и, возможно, в самих пещерах. Формы строений свидетельствуют об общественном характере поселения, о наличии центра для совместного труда и общих трапез.

В настоящее время кумранские рукописи находятся в Иерусалиме, где их изучают исследователи из разных стран. Работа по их переводу, публикации, изучении привела к возникновению научного направления, получившего название кумрановедения.

Туринская плащаница

Туринской плащаницей называют погребальное льняное полотнище размером 434 см. на 109 см., хранящееся в г. итальянском городе Турине. На ткани присутствует двойной отпечаток тела и лица человека, некогда завернутого в нее. Существует большое количество доказательств того, что в эту плащаницу было обернуто тело Иисуса Христа перед погребением. Именно поэтому появился двойной отпечаток, как бы снизу и сверху. Необъяснимая особенность изображения состоит в том, что оно имеет характер фотографического негатива.

Первые письменные сведения о существовании плащаницы датированы 1354 годом. Впервые она была сфотографирована в 1898 г. В 1978 г. ткань подверглась научному исследованию. Сорок крупных ученых из разных стран мира объединили свои усилия. Были привлечены новейшие методы и средства, взяты все возможные пробы, сделано более 6000 фотографий. Анализ волокон ткани позволил определить ее возраст – 2000 лет. Однако ученые не смогли дать научного объяснения тому, как появилось изображение и какова его природа. Все независимые эксперты единодушно заявляют, что наука не знает средств и методов, которые позволили бы подделать

такое изображение. Следы человеческого тела на ткани имеют естественное происхождение. Отсутствуют признаки каких бы то ни было искусственных красителей.

Анализ следов, из которых складывается изображение, дает множество поразительных результатов, свидетельствующих в пользу того, что тело человека, когда-то завернутого в плащаницу, могло действительно принадлежать Иисусу. На закрытых веках обнаружены следы монет, находившихся в обращении в Иудее при Понтии Пилате. Проступают следы глубоких ран на груди, ладонях и ступнях.

Более 120 ран от бичевания хлыстами указывают, что в избиении участвовали два истязателя – с правой и левой стороны. Концы многохвостых плеток были оснащены прикрепленными к ним костями и камнями.

На теле насчитывается более 600 различных ран и повреждений, свидетельствующих о жесточайшем избиении. Отпечатки ударов обнаружены на щеках и скулах. Сохранились следы вырывания волос и более чем пятидесяти ран на голове, в том числе от колотых ранений на темени, которые могли остаться от тернового венца.

Установлено, что все следы от ран появились в результате непосредственного и достаточно продолжительного контакта ткани с телом и впитывания крови в ткань. Однако этот контакт не выходил за пределы 36-ти часов, поскольку на плащанице нет следов распада человеческой плоти. Ученые выяснили группу крови – IV, и ее резус – положительный. Длина тела - 180 см., а приблизительный вес – 65 кг. На изображении головы и лица отчетливо проступают борода и длинные волосы.

Исследователи обнаружили, что вся ткань прошла через высокотемпературную обработку. Однако на вопросы об источнике и природе сильнейшего нагрева, от которого она должна была сгореть, но не сгорела, ответов пока не найдено. Естественных аналогов этому явлению современная наука не знает, и объяснить его своими силами не может. Есть только предположения, что ткань изнутри подверглась мощному, направленному, кратковременному воздействию некой энергии. Тело как бы «испарилось», т. е. целиком прошло сквозь ткань, оставив на ней целостный отпечаток. Это предположение светской науки совпадает с евангельским рассказом о том, как Бог-Отец взял на небо тело распятого Бога-Сына.

В 1980 г. папа Иоанн Павел II во время своей проповеди в Турине назвал неверие в воскресение Иисуса Христа одним из величайших грехов человека. Он же охарактеризовал Туринскую плащаницу как материальное свидетельство мученической смерти и чудесного воскресения Господа.

Среди ученых-атеистов, исследовавших Туринскую плащаницу, оказались такие, кто в процессе ее изучения уверовал во Христа и Его воскресение. Это произошло, например, со специалистом по судебной медицине, профессором П. Б. Баллоне, который заявил: «Я пришел к

вере через науку – сколь ни парадоксальным это может показаться. Когда я сделал выводы, обоснованные научно, что льняное полотно действительно является погребальной тканью из Палестины рубежа эр, когда очевидными для меня стали доказательства того, что человек, тело которого было завернуто в ткань, полностью соответствует семитскому антропологическому типу, а мучения, которые он претерпел перед смертью, тождественны с описаниями в Евангелии, - это повергло меня в трепет. Трудно, да просто невозможно не задать себе тысячи вопросов, на которые не в состоянии ответить наука».

И все же, несмотря на множество доказательств, существуют скептики, сомневающиеся в подлинности Туринской плащаницы. Однако, их возражения ничего не меняют в самом главном: мир располагает более, чем достаточным количеством свидетельств того, что Иисус Христос – истинный Сын Божий. Все сказанное об этом в Библии, Слове Божьем, обладает признаками необходимости и достаточности. Поэтому только Библию, а не Туринскую плащаницу следует рассматривать в качестве главного доказательства смерти на кресте и чудесного воскресения Иисуса Христа.

Эти и другие сведения о библейском мире, добываемые учеными, важны не только для иудеев и христиан, но и для обладателей секулярного, безрелигиозного сознания. Если для верующих Библия сама по себе обладает самодостаточной ценностью и предельной достоверностью, а вера ограждает их от каких бы то ни было сомнений, то для неверующих сведения, добываемые библейскими археологами, материальные доказательства истинности библейских событий способны служить чем-то вроде «моста», по которому они получают возможность войти в мир библейских ценностей и смыслов, проникнуться сознанием их высокой значимости.

Эпоха модерна, начало которой многие ученые связывают с событиями Великой Французской революции, оказалась пронизана духом секуляризма. В ее условиях библейская археология как будто поспешила на помощь изверившемуся, опустошенному человеческому рассудку, утратившему связь с Богом. Эмпирическая наука действительно отыскала многочисленные доказательства того, что мир, представленный в Священном Писании, - это не средоточие мифов и домыслов, а реальнейшая из реалий.

БИБЛИЯ И НАУКА

Содержание Библии включает огромный массив знаний, касающихся разных сторон жизни вселенной, природы, общества, человека, его тела, души и духа. Эти знания начали входить в библейский текст 2,5 – 3 тысячи лет тому назад, когда наука в современном смысле этого слова еще не существовала. Однако,

сегодня ученые находят множество подтверждений тому, что библейские знания не противоречат открытиям науки нового и новейшего времени.

С христианских позиций мир и Библия имеют сверхъестественное происхождение и восходят к одному и тому же автору – Богу. Между двумя произведениями, каковыми являются вселенная и Слово Божье, принадлежащими одному Творцу, не может быть откровенных нестыковок и вопиющих противоречий. Что же касается науки, то она несет на себе печать всех несовершенств и слабостей человеческого миропонимания. Этим объясняется большинство тех расхождений, которые существуют между библейскими откровениями и отдельными научными концепциями.

И все же существует большое количество крупных блоков знаний о мире, которые являются общими для Библии и науки. Таков, например, взгляд на вселенную как на некую целостность, имевшую свое начало во времени. В Библии говорится, что «сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1, 1), т. е. до определенного момента не существовало ни тверди, ни воды, ни небесных светил, ни природы, как таковой. Все это было создано в результате созидательных усилий Творца.

Мир имел начало во времени и возник как прекрасное, гармоничное целое, заслужившее положительной оценки Творца: «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт. 1, 31). То есть во всем, что сотворил Он, не было скрыто никакой злой силы. Созданные им стихии не были источником слепого разрушения.

Человеку надлежит воспринимать природу как свидетельство мудрости творческих замыслов Бога. Так, отцы Церкви рассматривали природу как посредника между Творцом и творениями, как предварительную ступень, предшествующую Царству Откровения и Благодати.

Василий Великий в своих «Беседах на Шестоднев» показал, насколько библейский рассказ о сотворении мира превосходит рассуждения древнегреческих философов о происхождении мироздания: «В начале сотворил Бог небо и землю. Изумительность мысли связывает у меня слово. О чем говорить прежде? С чего начать толкование? Обличать ли суетность язычников? Или возвеличить истину нашего учения?»

Еллинские мудрецы много рассуждали о природе, — и ни одно их учение не осталось твердым и непоколебимым, потому что последующим учением всегда ниспровергалось предшествовавшее. Посему нам нет и нужды обличать их учения, их самих достаточно друг для друга к собственному низложению. Ибо не знавшие Бога не допускали, что происхождение всех вещей зависит от разумной причины, а сообразно с сим коренным своим неведением заключали и о прочем. Потому одни прибегали к вещественным началам, и причину всех вещей приписывали стихиям мира, другие же представляли себе, что природу видимых вещей составляют атомы и

неделимые тела, тяжесть и скважинность, потому что рождение и разрушение происходят, когда неделимые тела то взаимно сходятся, то разлучаются, а в телах, существующих долее других, причина продолжительного пребывания заключается в крепчайшем сцеплении атомов.

Подлинно ткнут паутинную ткань те, которые пишут это, и предполагают столько мелкие и слабые начала неба, земли и моря. Они не умели сказать: в начале сотвори Бог небо и землю. Потому вселившееся в них безбожие внушило им ложную мысль, будто бы все пребывает без управления и устройства, и приводится в движение как бы случаем. Чтобы и мы не подверглись тому же, описывающий мироздание прямо, в первых словах, просветил наше разумение именем Божиим, сказав: в начале сотвори Бог.

Какой прекрасный порядок! Сперва упомянул о начале, чтобы иные не почли мир безначальным, а потом присовокупил: сотвори — в показание, что сотворенное есть самая малая часть Зиждителя могущества. Как горшечник, с одинаковым искусством сделавший тысячи сосудов, не истощил тем ни искусства, ни силы, так и Создатель этой вселенной, имея творческую силу, не для одного только мира достаточную, но в бесконечное число крат превосходнейшую, все величие видимого привел в бытие одним мановением воли».

Современная наука говорит о «возникновении всего из ничего». Учеными разработана концепция «Большого взрыва». Ее суть сводится к нескольким основным положениям:

1. Многочисленные данные астрофизической науки свидетельствуют о том, что Вселенная представляет собой замкнутую систему, которая постепенно деградирует, растрчивает изначально присущий ей запас энергии, приближается к хаотическому состоянию. Это означает, что она когда-то возникла из небытия и в своем существовании устремлена к физическому небытию.

Согласно данным современной науки, вселенная движется к своему концу. Растрченная энергия в ней не восстанавливается. Мир постепенно стареет, изнашивается и, рано или поздно, прекратит свое существование. В Библии об этом говорит священнописатель, обращающийся к Богу: «В начале Ты основал землю, и небеса – дело рук Твоих; они погибнут, а Ты пребудешь; и все они, как риза, обветшают, и, как одежду, Ты переменишь их, и изменятся» (Пс. 101, 26 – 27).

Мир - это арена, на которой развертываются события земной истории, сменяют друг друга поколения людей, мужчин и женщин, грешников и праведников, слабых и сильных, униженных и могущественных. На этой арене люди связаны между собой множеством отношений и взаимозависимостей. Они трудятся и торгуют, вступают в браки и воспитывают детей, договариваются и ссорятся, воюют и убивают друг друга. Но все это не будет длиться

вечно, «ибо проходит образ мира сего» (1 Кор. 7, 31). Все в мире бременно, и потому минет как сам он, так и все, что пребывает в нем. Те, кто считают, что они связаны только с этим земным миром и принадлежат лишь ему, тоже обречены. Лишь для верующих в Христа конец этого мира означает открытие врат в иной мир, не похожий на земной.

Священное Писание указывает на бренность как отдельных частей сущего, так и всего физического мира в целом. Мир не вечен. Все, что есть в нем, и сам он преходящи. «Мир построен по одному простому плану и построен из единого простого вещества, но своим величием и разнообразием он обязан единственно безграничной премудрости, благости и силе Божией. Верно и то, что естественные силы природы вещества, созданного Богом, таковы, что взаимодействие их может поддерживать установленное Богом разнообразие качеств и равновесие количеств различных тел... Весь видимый мир, представляющий беспредельное разнообразие самого простого вещества, в сущности и прост, и беден, и ничтожен. Если же не представляется таковым, то единственно потому, что самое ничтожество в руках Божиих получает характер и свойства неизмеримого величия» (Протоиерей о. Иоанн Ильичев Сергиев (Кронштадтский). Начало и конец нашего земного мира. Опыт раскрытия пророчеств Апокалипсиса. М., 2004. С. 315).

2. Должна была существовать некая сверхприродная, сверхъестественная сила, которая вызвала вселенную из небытия, сотворила ее. Из Библии известно, что имя этой силы – Бог.

Мир, в котором живет человек, - грандиозное проявление созидательной силы Творца. Бог любит свое творение и печется о своих чадах. Сокрушаясь, что мир и люди с их поврежденной грехом природой погрязли во зле, Творец пошел на невиданную жертву – отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, а имел бы жизнь вечную (Ин. 3, 16). Вся многовековая история христианства является убедительным свидетельством того, что человечество с полной серьезностью отнеслось к этому событию. Миллионы людей считают его самым важным в мировой истории.

3. То, что представляло собой первоначальное нечто, та «космическая глина», первоматерия-первознергия, из которой Творец «вылепил» мироздание, должна была обладать высокой степенью внутренней упорядоченности. Она несла в себе всю совокупность необходимых и достаточно благоприятных условий для того, чтобы из нее могли возникнуть и развиваться все природные и человеческие формы. Малейшие отклонения в системе начальных условий либо сделали бы невозможной жизнь на земле, либо привели к появлению совершенно иных ее форм. Это прямое соответствие изначальных условий космического генезиса параметрам человеческой жизни ученые называют антропным принципом.

4. Вселенная начала существовать в определенный момент далекого прошлого, которые ученые называют «Большим взрывом»: из центральной «точки» началось расширение, разбегание материи во все стороны. Это расширение продолжается и по сей день, постепенно замедляясь. В пределах периода «разбегания» вселенной на Земле возникла жизнь и появился человек. В настоящее время большое число астрономов и физиков признают, что мироздание возникло внезапно, в едином акте творения, которое осуществила внешняя по отношению к нему сила.

Таким образом, современная наука, привыкшая вот уже на протяжении нескольких последних столетий обходиться без Бога и богословия, вынуждена была признать участие Творца в возникновении мироздания и правоту теологов, которые всегда об этом говорили. Астроном Р. Джастроу так характеризовал эту ситуацию: «Для ученого, который жил верой в могущество разума, эта история кончается словно ночной кошмар. Он преодолел горные хребты невежества; он приступил к покорению величайшей вершины; взобравшись, наконец, на последний уступ, он встречается с компанией богословов, которые сидят там уже не одно столетие» (См. подробнее в кн.: Гайслер Н. Л. Энциклопедия христианской апологетики. СПб., 2004. С. 604 – 617, 912 – 919 и др.)

Существует немало данных современной науки, которые служат всего лишь подтверждениями того, что уже давно содержалось в тексте Библии. Это относится к концепции ограниченного количества материи во вселенной, утверждающей, что новой материи не появляется. В Священном Писании говорится о завершенности акта творения, о том, что Бог, создав мир, «почил от всех дел Своих» (Быт. 2, 2). После этого новую материю Он уже не создавал.

Тот факт, что Земля парит в космическом пространстве, Библия представляет в виде суждения о том, что Бог «повесил землю ни на чем» (Иов. 26, 7).

Ученые доказали: человеческое тело состоит из тех же составных элементов, что и земная почва. Это соответствует библейскому утверждению: «Создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2, 7).

Таким образом, эти и другие данные о соотношении Библии и науки позволяют заключить: наука подобна острому лезвию в руках ученых: она может не только рассекать живую веру и умерщвлять ее, но и способна, подобно скальпелю хирурга, давать ей жизнь, возвращая человека в состояние веры.

АКТУАЛЬНОЕ ХРИСТИАНСТВО

РОССИЙСКОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО НЕ ХРИСТОЦЕНТРИЧНО (Четыре тезиса)

Тезис первый: современные христиане живут в информационной вселенной

В настоящее время во многих крупных регионах, в Москве, Петербурге, Курске, при крупных деноминационных объединениях возникают научные центры. Они называются по-разному – апологетические, научно-исследовательские, аналитические и т. д. Их сотрудники-христиане проводят конференции, издают сборники, журналы, готовят христианские радио и телепрограммы.

Еще несколько лет тому назад такого многообразия в этой области не было. Сейчас оно налицо и совершенно очевидно, что за этим явлением стоит определенная, набирающая силу тенденция. И потому сегодня крайне важно отчетливо представлять ее суть.

Суть же эта связана, прежде всего, с тем, что мы живем сегодня не в традиционно-аграрном и не в индустриальном обществе, а в обществе информационном. Наш мир - это целая вселенная разнородных сведений, всевозможных знаний, разнонаправленных информационных потоков, разноречивых интеллектуальных ценностей. Чтобы успешно ориентироваться в этом пространстве, необходимо обладать многими сведениями о том, что представляет собой сложная, противоречивая, непредсказуемая в своих проявлениях среда нашего духовного обитания. Разобраться во всем этом средствами одного только «кухонного сознания» невозможно. Отсюда спрос на научные христианские центры, который далее будет неуклонно возрастать.

Тезис второй: антихристианская затемнённость российского информационного пространства

Второе важное обстоятельство заключается в том, что ценностная структура российского информационного пространства не христоцентрична. В нем доминирует противоположная сила, стремящаяся придать ему дьяволоцентрический характер.

Митя Карамазов у Достоевского говорил: «Там дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца человеческие». Можно сказать, что информационное пространство, в котором мы существуем, - это такое же поле битвы, где так же дьявол с Богом борется. Идет мощная, тотальная атака сатанинских сил по всему информационному полю – радио-эфир, теле-эфир, газетным изданиям, журналам, книгам. В книжных магазинах не иссякает поток богоборческой литературы. На

полках появляются постоянно обновляющиеся издания книг маркиза де Сада, Ф. Ницше, Н. Макиавелли, З. Фрейда и других авторов-богоборцев.

Сегодня по всему Санкт-Петербургу рассредоточились огромные рекламные плакаты, призывающие горожан читать книгу Дэна Брауна «Код да Винчи». Эта книга - не обычный развлекательный бестселлер, а мощная антихристианская торпеда, построенная на гнусном вымысле, стремящемся подрубить самый корень христианства. В ней рассказывается о том, что Иисус имел интимную связь с Марией Магдалиной, что у них были дети, что их прямые потомки заняли впоследствии французский королевский трон и т. д.

Подобная бульварно-криминальная анти-теология торпедует христианское сознание, стремится преградить путь к христианству миллионам молодых людей. Когда-то, в XIX в. аналогичную роль сыграли книги Давида Штрауса и Эрнеста Ренана с одним и тем же названием «Жизнь Иисуса». В них Иисус был лишен божественной ипостаси, изображался простым, обычным человеком. Эти книги разрушили веру очень многих людей. Лев Толстой после их прочтения, так никогда уже не смог поверить в божественность Иисуса и уже сам, своими собственными сочинениями подорвал веру в Господа у огромного множества людей, стал безбожным зеркалом безбожной русской революции.

Так действует сатана, так ветвятся и распространяются направления его влияния, так распускаются и приумножаются «цветы зла», покрывая темным ковром все российское информационное поле.

Тезис третий: необходимость в евангельском просвещении

Чтобы противостоять атакам сатаны на уровне российского информационного пространства, христианам не достаточно вести евангелизационную, миссионерскую работу традиционными методами. Следует учитывать, что духовный климат этого пространства создают образованные профессионалы высокого класса, мастера своего дела. Они очень разные, но у них есть одна общая черта: 99 % из них – не христиане. Стоя на позициях секуляризма, они создают безбожные программы, разрушающие духовные, нравственные устои российского общества.

Сегодня у россиянина нет необходимого пространства выбора, где мир секулярной информации и мир христианских знаний были представлены хотя бы на равных. Когда мы включаем телевизор, то видим, как из 24-х общедоступных каналов все 24 – секулярные. А ведь надо, чтобы на 24 секулярных канала приходилось 24 христианских канала.

Когдаходишь к газетному лотку и видишь две сотни газет и журналов секулярного характера, то возникает вопрос: а где рядом с ним другой лоток, на котором продавалось бы такое же количество христианских газет и журналов? Кто мешает тому, чтобы так было? Ведь сегодня для этого нет неодолимых внешних преград.

Для чего Бог разрушил Вавилонскую башню российского коммунизма? А для того, чтобы создать пространство неограниченных созидательных возможностей для всех, кто Его любит. Тогда почему до сих пор на пустыре, где некогда возвышалось Вавилонское чудище, разгуливает ветер атеизма и демонизма? Почему мы так слабо и плохо используем имеющиеся возможности и те дарования, которые дал нам Бог? Почему вокруг нас так много людей, не верующих в Господа? Почему от недостатка веры гибнет народ, гибнет Россия? Почему она на наших глазах вырождается физически и духовно? Не значит ли это, что мы делаем далеко все из того, что нужно делать?

Тезис четвертый: российское информационное пространство должно обрести христоцентрическую конфигурацию

Христиане не могут сидеть, сложа руки, и пассивно наблюдать, как информация превращается в инструмент сатаны, как информационная вселенная приобретает дьяволоцентрический характер. Чтобы противостоять напору антихристианских сил, христиане сами обязаны быть интеллектуалами, не меньшими, чем не верующие в Бога творцы современной информационной политики. Свидетельствами того, что сами христиане прекрасно это понимают и служат факты возникновения христианских научных центров, издание христианских научно-просветительских журналов, деятельность христианских СМИ.

Необходимо делать все возможное, чтобы альтернативный мир христианских ценностей был представлен в информационном пространстве в полном объеме, с должной силой и талантом. В русле общего потока христианского, евангельского просвещения должно быть широко и основательно представлено мощное интеллектуальное направление. Благая Весть должна освещать мир знаний, ту область школьных и вузовских учебников, познавательных теле- и радиопередач, через которые миллионы школьников и студентов движутся во взрослую жизнь.

Дело христианского просвещения необходимо поднимать, выводить на новый уровень. Надо делать все необходимое, чтобы российское информационное пространство становилось христоцентрическим.

ИМЕЕТСЯ ЛИ СРЕДИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРАВО НА ГРЕХ?

(О религиозно-правовой позиции митрополита Кирилла)

Весной 2006 г. состоялся X Всемирный Русский Народный Собор. Доклад выступившего на нем митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла породил неожиданно бурную реакцию российских СМИ, а за ней и столь же бурную общественную полемику.

Причиной этого явилось то обстоятельство, что центральной темой доклада неожиданно для всех оказалось проблема прав человека. Уже сам факт, что Русская Православная Церковь в лице одного из ее высших иерархов взяла на себя труд высказаться по этой проблеме, предстал как дело совершенно небывалое. За всю российскую историю это первый случай публичного декларирования церковной позиции относительно проблемы, никогда не входившей в круг теоретических интересов русских православных богословов и, тем более, церковных иерархов.

Религиозно-этический контекст идеи прав человека

Суть доклада митрополита Кирилла можно свести к нескольким положениям.

Первое. Существуют две цивилизации – русская и западная. Вторая бросает вызов первой, когда заводит речь о правах и достоинстве человека. Русская цивилизация этот вызов вынуждена принять. Ей эта тема не чужда, тем более, что постсоветская Россия еще в начале 1990-х гг. приняла идею прав и свобод человека в качестве центральной нормы общественно-политических отношений.

Второе. В последние годы на Западе в области прав человека набирают силу тревожные тенденции. Обнаруживается явная антихристианская направленность в их трактовке, стремление идти наперекор не только библейским десяти заповедям, но и вообще элементарным нравственным нормам. Мы имеем дело с попытками фактического обоснования права человека на грех, будь то аборт, гомосексуализм или эвтаназия. Христиане не могут принять такого поворота в трактовке прав человека.

Третье. Православная Церковь готова начать разговор о религиозных, философских и этических основаниях концепции прав человека. Она усматривает ценностный эпицентр этой концепции в понятии человеческого достоинства и предлагает учитывать наличие в нем двух смыслов – библейского и секулярного.

Четвертое. В свете Библии человеческое достоинство – это дар Бога человеку, который тот после грехопадения бездумно растрчивает. Но Бог не отнял у грешников этот дар. Более того, Он устроил так, что любой человек имеет возможность сохранять его и приумножать. Для этого от него требуется только одно – соблюдать десять заповедей, изначально данные Богом.

Пятое. С позиций атеистического, секулярного гуманизма человек обладает достоинством сам по себе, безотносительно к Богу. Господь игнорируется им, а сам он ставит себя в центр мироздания как самоценного, автономного, самодостаточного субъекта. В подобном контексте даже не упоминается ни о склонности человека к греху, ни о необходимости внимать нормам, заповедям, исходящим от Бога. Десять библейских заповедей как бы не существуют. Человек – сам себе законодатель и закон, сам очерчивает круг своих прав и свобод. Руководствуясь своей свободной волей, действуя по собственному усмотрению, он может расширять пространство своей свободы и разрешать себе то, что, например, еще вчера считалось безнравственным или противоправным. Более того, он с неукротимым рвением готов отстаивать свое право на то, что по библейским меркам является грехом, если ему таковым не кажется. И это все из-за того, что, встав на позиции атеизма-секуляризма, он абсолютизировал собственный суверенитет и тем самым утратил представление о высших, абсолютных, истинных критериях различения добра и зла.

Шестое. Западная цивилизация, приняв за основу не библейские, а секулярные модели онтологии, антропологии и этики, тем самым открыла шлюз для хлынувшего в социальный мир потока всевозможных девиаций - отклонений от Божьих заповедей. Прорываются этические и правовые заслоны на пути раскрепощенного и одобряемого греха. Колеблются нравственные устои культуры и цивилизации. На волю вырываются самые темные инстинкты.

Седьмое. Секулярный гуманизм, призывающий к нарушениям десяти заповедей, превращается в антигуманизм, то есть в силу, враждебную человеческой нравственности, духовности, культуре, угашающую самое лучшее, что есть в человеке. Спасти личность от яда, источаемого таким секуляризмом, может только полноценная религиозная жизнь. Бог непременно помогает каждому, кто взывает к Нему о помощи, кто способен к ней, и Он же лишает этот яд разрушительной силы.

Восьмое. Идея прав человека должна быть уравновешена с нормами религии и нравственности. Права человека не могут пребывать по ту сторону религиозных и этических требований. Эти три нормативных начала должны сосуществовать в неразрывном, сбалансированном единстве. Только в этом случае права человека не будут противоречить ни воле Бога, ни интересам общества.

Девятое. Вышеуказанное единство должно утверждаться деятельностью всех религиозных общин страны, не соревнующихся, не соперничающих, но совместно трудящихся на этом духовном и социальном поприще.

Христиане принимают вызов секулярных «правозащитников»

Сам факт публичного высказывания православной Церкви по поводу острейших морально-правовых проблем современности можно рассматривать как знаковое событие в российской духовной жизни. Хочется верить, что эпоха социального безмолвия РПЦ осталась позади. Появилась надежда, что и впредь россияне будут регулярно слышать не только проповеди высших иерархов, но и их публичные обращения к народу по жгучим вопросам современности. Эти обращения помогут вносить христианскую ясность в разноречивых мнений, высказываемых светскими политиками и общественными деятелями.

Те, кто усматривают в выступлении митрополита Кирилла демонстративный выпад со стороны «агрессивного фундаментализма», в корне не правы. Это отнюдь не выпад, а принятие вызова, брошенного миру безбрежным, разнузданным секуляризмом. Это попытка дать христианский ответ тем, кто хотел бы узаконить существование «права без берегов». Это и намерение объяснить на предмет того, может ли быть правовое пространство без нравственно-религиозных ограничений, и не приведет ли игнорирование последних к великому разливу вседозволенности, грозящей захлестнуть и погубить мир.

Позиция митрополита Кирилла – это одновременно и демонстрация того, что не может быть и толерантности «без берегов». Христиане, как показывают социологические исследования, в социальной жизни гораздо терпимее нехристиан. Но их терпимость касается отношения к грешникам, но не к грехам. Их толерантность не распространяется на тех, кто под флагом борьбы за права человека стремится вручить ему право на грех, право на нарушение под разными предлогами заповедей, входящих в библейский Декалог.

Возражение тем светским антизападникам, которые считают себя единомышленниками митрополита Кирилла

В настоящее время обнаружилась настоятельная необходимость в том, чтобы отличать позицию Русской Православной Церкви от достаточно разнородных позиций тех светских авторов, которые в своих печатных выступлениях используют православие в качестве идеологической стартовой площадки. Подобным идеологам присуще одно характерное свойство: выпускаемые ими полемические стрелы летят в самых разных направлениях и, как правило, совершенно утрачивают связь с основами христианства в целом и православия, в частности.

В позициях многих авторов, поддержавших митрополита Кирилла, присутствует дух откровенного антизападничества. Мотив «может ли быть что доброе с Запада» восходит к философии русских славянофилов XIX в. Его настойчивые повторения в годы

тоталитаризма превратили этот мотив в навязчивый штамп советской идеологии. Сегодня разъяснять его несостоятельность серьезным людям как-то не хочется, чтобы они не заподозрили неуважение к своим интеллектуальным способностям. Однако, по всей видимости, расставить некоторые акценты все же придется.

Если смотреть из России туда, где заходит солнце, то следует принять во внимание, что в тех обширных землях проживают несколько сотен миллионов христиан. Несмотря на то, что они живут на Западе, они ходят в церкви, молятся тому же Богу, что и российские христиане, чтут Закон Божий, веруют в Спасителя Иисуса Христа. Именно поэтому мы не вправе говорить о «безбожном Западе», «постхристианском Западе» и т. п. Полемические стрелы необходимо направлять в адрес не Запада, как такового, а западного секуляризма. Именно ему должны противостоять и противодействовать христиане. Но ему должна быть противопоставлена не местечковая ортодоксия квазиправославных борцов с Западом, а твердая библейская позиция, опирающаяся на Слово Божье. То, что в выступлении митрополита Кирилла была продемонстрирована именно такая библейская позиция, является самой сильной и впечатляющей чертой его доклада. Это именно тот самый посыл, который позволяет выступить единым фронтом против засилья секуляризма всем российским христианам – православным, католикам и протестантам.

Почему тем, кто живет в России, так трудно избавиться от застарелого синдрома под названием «Нам подбрасывают»? Откуда это стремление винить в своих бедах Европу и ее «тлетворные влияния»? Разве логика собственной политической, социальной, духовной истории не оказалась чревата для России весьма безрадостными результатами? Разве на протяжении последних полутора столетий российская душа не растеряла весь свой христианский иммунитет против воздействий демонических соблазнов? Разве можем мы сказать, что все это время трудились над тем, чтобы укрепить истинные, то есть христианские, духовные основания нашей нравственности и нашего права? Увы, мы пребывали в положении блудного сына, проматывавшего свое духовное достояние и дарованное Богом достоинство. И то положение, в котором мы сегодня пребываем, еще далеко от возвращения под сень Отчего крова. Оно похоже, скорее, на полученную возможность все того же изголодавшегося блудного сына утолять свой голод из кормушки скотного двора. К сожалению, именно оттуда и черпает свою пищу секулярное правосознание тех, кто усматривает в христианской интерпретации прав человека происки фундаменталистов.

Философия прав человека и ее два измерения

То, что произошло на Западе с идеей прав человека, - результат общего процесса секуляризации, который начался в Европе еще в эпоху Возрождения. Потребовались столетия, чтобы из богоборческих «цветов зла» образовались столь неприглядные плоды, о которых говорил митрополит Кирилл.

Антропоцентрическая философия свободы несла в себе тенденцию к расширению правового пространства в интересах секулярного человека, не верующего в Бога. К этому подталкивали как отсутствие страха Божьего, так и постоянно прислушивание к темным позывам своего подсознания, ставшее, благодаря З. Фрейду, излюбленным занятием современного секулярного человека. И в итоге указанная тенденция вполне вписалось в знаменитую формулу Дмитрия Карамазова «Если Бога нет, то все дозволено».

Секулярной философии безбрежных прав человека, попирающей основы нравственности, разрушающей устои цивилизации, должна быть противопоставлена библейская, христианская, евангельская философия прав человека. В России такой философии никогда не было, как не было ни правового государства, ни гражданского общества, ни цивилизованного правосознания граждан, ни культуры правовых отношений.

Не были россияне приучены и к должной культуре христианского анализа социально-правовых проблем. Голоса русских философов-христиан, способных к такому анализу, Владимира Соловьева, Семена Франка, Ивана Ильина и др., едва лишь раздались на российских просторах, как тут же потонули в устрашающем гуле политических ураганов XX века. Антихристианский смерч стер с лица земли только начавшее возводиться строение русской правовой философии. С корнем была вырвана сама мысль о правах и свободах человека.

И сегодня россиянам приходится переживать не только повторное крещение Руси, но и повторную эпоху Просвещения. Необходимо заново учиться мыслить и рассуждать при помощи правовых понятий. И самое сложное на этом пути – соединить оба процесса, то есть сделать так, чтобы развивающееся правовое сознание россиян двинулось не по секулярному, а по христианскому пути.

Стезя безбожия не сулит России ничего доброго. Европейский юридический секуляризм уже успел превратиться в апологетику самых сумрачных и гнусных девиаций. Придающий легитимный статус вопиющим отклонениям от элементарных стандартов нормального человеческого существования, он указывает на тупиковость пути, избранного теми из европейцев, кто не верует в Бога.

Тупики секулярной мысли

Когда иные маститые российские философы, успевшие еще в прежние годы скопить капитал популярности, пытаются выступать экспертами по всем социальным вопросам и публикуют свои рассуждения о правах человека, их высказывания нередко удручают своей мировоззренческой путаностью. Эта путаность становится вопиющей при их вторжении в те проблемы, где необходимо быть, а не казаться христианином, и где важно иметь развитое правосознание. Приведем всего лишь один пример.

В одном из апрельских номеров «Литературной газеты» за 2006 год известный философ Александр Ципко опубликовал статью «Третье Средневековье». Она была посвящена X Всемирному Русскому Народному Собору. В ней светский автор счел своим долгом защитить православного иерарха, выступить сторонником позиции митрополита Кирилла. Результат этой попытки трудно назвать удачным. Оказалось, что это весьма разные вещи – быть христианином на самом деле и изображать из себя христианина.

В статье, насыщенной декламациями антизападнического, антиевропейского характера, господствует отнюдь не христианский дух. Ципко говорит, например, о том, что в над душами европейцев осуществляется насилие, в котором нет никакого секуляризма. Но тогда не понятно, кто и во имя чего насилует сегодня эти души. Каждому христианину, будь он православный, католик или протестант, понятно, что над душой, не признающей власти Христа, господствует иная сила. Секуляризм – одно из самых мягких ее определений. Но если называть вещи своими именами, то секуляризм – это не просто свобода от всех видов религиозности и церковности. Это безбожие и богоборчество, распахивающие врата для всех видов демонизма и сатанизма. И там, где насилуются души людей, действует дух тьмы. Заявлять же, что в этом «никакой секулярности нет и в помине», значит стоять на позиции, очень далекой от истинного христианства.

Ципко говорит о необходимости сближения двух концепций прав человека, секулярной и христианской. Но подобный подход, не имеющий под собой серьезных мировоззренческих и методологических оснований, указывает на необыкновенную легковесность светской модели философствования о праве и христианстве. Настаивать на ней можно только в одном случае – пребывая в отдаленности от Христа и христианства, то есть стоя на позициях самого закоренелого секуляризма. При этом Ципко даже не замечает, что данный тезис идет вразрез с позицией митрополита Кирилла, поддержать которого ему так хотелось бы. Он пытается развести в стороны гуманизм эпохи Возрождения и гуманизм современный, указав, что первый – «хороший», а второй – «плохой».

Однако, у того и другого одно, общее основание – секуляризм. Разница лишь в том, что пятьсот лет тому назад он пребывал в младенческом состоянии, а теперь утратил былую мягкость форм,

огрубел, заматерел и с готовностью демонстрирует свою брутальную суть, которая во времена младенчества и детства была далеко не очевидна. То есть не что иное, как секулярный, богоборческий гуманизм явился тем корневищем, из которого выросла современная апологетика абортов, гомосексуализма и эвтаназии.

Именно поэтому ссылка Ципко на необходимость сближения секулярного гуманизма с библейскими представлениями о достоинстве и правах человека выглядит, по меньшей мере, странно. Это все равно, что стремиться к скрещиванию безбожия и веры. Впрочем, это лишь свидетельство все той же христианской и правовой непросвещенности современной гуманитарной интеллигенции, представители которой сегодня столь охотно поучают всех и каждого.

Особого внимания заслуживает следующий пассаж нашего уважаемого автора: «Секулярный гуманизм не только восстал против христианства, но и в то же время в скрытой форме воспроизводит исходную христианскую идею морального равенства людей. Ведь не важно, что стоит перед человеком в тот момент, когда он совершает поступок: или образ Божий, или гуманистический идеал личности. Важно, что он соотносит себя и свою жизнь с моральными и духовными ценностями. Кстати, именно по этой причине, среди советских людей, не знающих Бога, было много совестливых, достойных личностей» (Ципко А. Третье Средневековье. – Литературная газета. 2006, № 13).

Данный абзац представляет собой целую коллекцию несуразностей. Во-первых, о каком «моральном равенстве людей» на почве секуляризма может идти речь? Неужели автор полагает, что это равенство тех, кто пребывает по ту сторону веры в Бога, и кому уготована одинаковая для всех участь оказаться во тьме кромешной, где будут плач и скрежет зубовой? Наверное, нет.

Изумляет пренебрежение мотивационной стороной человеческих поступков. Ставка только на результат – известная своей типичностью идеологема советских времен. Пользоваться этим списанным теоретическим арсеналом в разговоре о христианских ценностях – значит заведомо обречь себя на непонимание со стороны христиан.

Разве не важно то, на что ориентируется человек - на Бога ли, образом Которого он призван быть, или же на «гуманистический идеал личности»? Наверное, все-таки, важно. И, прежде всего, потому, что в первом случае перед ним не фантом, а средоточие абсолютных ценностей, норм и смыслов. И этот ориентир не сместится в сторону, не обманет, не исчезнет. Во втором же случае перед нами нечто относительное, переменчивое, способное в любой момент лопнуть, подобно мыльному пузырю. Воплощением этого «гуманистического идеала личности», который изначально относителен и потому приложим к чему угодно, можно объявить любого человека, в том числе Ленина, Свердлова, Дзержинского и т. д. Однако, плоды

подобных манипуляций с тем, что относительно, имеют, как правило, отрицательные последствия.

Логика личных прав в либеральном обществе против логики долга, характерной для традиционного общества

Известный американский социолог Фрэнсис Фукуяма отмечал, что во второй половине XX в. американское общество пережило так называемую революцию прав. Она означала распространение либеральной модели индивидуалистического поведения. Этому сопутствовали распад семьи, утрата многим людьми чувства общности, рост преступности и множество других духовных поражений.

Этой реальности западного общества Фукуяма противопоставил азиатско-конфуцианскую и другие традиционные модели социальных отношений: «В ней императивы нравственности постулируются не под видом права, а под видом долга. Согласно такой системе, человек уже при рождении получает ряд обязательств перед другими людьми – родителями, братьями, государственными чиновниками, императором – и, соответственно, его моральное становление (обретение статуса «благородного человека») напрямую увязано с его способностью эти обязательства выполнять. Надо заметить, что конфуцианство, не возводящее обязательства к неким этическим принципам, в этом аспекте почти не отличается от философской и религиозной традиции Запада, существовавшей до начала Нового времени. Так, большинство добродетелей, определяемых в античной политической философии, это именно обязанности: мужество, честь, великодушие, гражданская доблесть. Исполнение закона Божьего в иудаизме и христианстве также считается исполнением долга» (Фукуяма Ф. Довение. Социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. С. 460 – 461).

В западной социальной мысли Нового времени все иначе. Так, в представлении английского философа Томаса Гоббса, человек с момента рождения обладает только правами, но не обязанностями. В американской Декларации независимости провозглашается, что человек изначально наделен неотчуждаемыми правами, а государство и правительство существуют для обеспечения этих прав.

Запад пошел по пути утверждения идеи первичности прав и вторичности обязанностей. Это означало пренебрежение библейскими заветами и намерение двигаться путем секуляризма.

Митрополит Кирилл обратил внимание на господство логики секулярного мышления в западных декларациях XX века, касающихся прав человека. Он констатировал, что в современном западном мышлении со времен Жана-Жака Руссо прочно укоренилось представление о том, будто достаточно обеспечить личности свободу и наделить ее правами, как она сама неизбежно выберет путь добра как

наиболее полезный для себя. И никакие внешние авторитеты не должны ей указывать, что есть добро и зло. Это называется нравственной автономией, которая может быть ограничена только автономией другого человека.

Ущербность этой антропоцентрической идеологии в том, что в ней отсутствует понятие греха, а есть плюрализм мнений. Согласно ей, человек может выбирать любой вариант поведения, но при одном условии, что его действия не будут ограничивать свободы другого человека. Печальное следствие подобного антропоцентризма заключается в том, что сегодня во многих странах утвердились общественные системы, потворствующие греху и устранившиеся от того, чтобы способствовать нравственному совершенствованию личности.

Следует добавить, что в этом правовом антропоцентризме отсутствует не только понятие греха, но и самое главное, без чего невозможен нравственно-правовой порядок в обществе, - представление о Боге. Бог как абсолютный нормативно-ценностный принцип заменен принципом человеческой автономии.

Критика западных правовых деклараций вызвана в данном случае отнюдь не антизападническими умонастроениями РПЦ. Просто семена правового секуляризма давно уже приносят весьма опасные плоды не только на Западе, но и на российской почве. Склонность абсолютизировать секулярные идеи и принципы Всеобщей Декларации характерна в первую очередь для безрелигиозного сознания. Что же касается христиан, то они обязаны выразить свое несогласие с теми исходными мировоззренческими принципами на основе которых строится Декларация. Наметившееся в ней отступление от христианских ценностей постепенно вело к нарастанию разрыва между правами и обязанностями человека, пока не привело в начале XXI в. к совершенно антихристианской трактовке этих прав.

Правовой нигилизм современных россиян

Многие представители СМИ увидели в выступлении митрополита Кирилла ту же самую тенденцию укрепления «вертикали власти», ужесточения социального контроля, что наблюдается и в действиях государственной власти. Однако, проведение подобной аналогии между действиями церковной и светской власти свидетельствует не столько о прозорливости журналистов, сколько об одной застарелой болезни российского сознания, как индивидуального, так и массового. Имя этой болезни – нигилизм.

У нигилизма много различных проявлений. В данном случае это нигилизм морально-правового характера. С одной стороны, понятно, что граждане должны препятствовать ужесточению неправового

диктата и социального контроля, посягающего на их естественные права и законные свободы. Но вряд ли можно оправдать позицию тех, кто выступает против ограничения их свобод десятью библейскими заповедями.

Подобные выступления говорят о том, что налицо стремление вообще не подчиняться никому и ничему. Для русского человека подобная позиция не в новинку. На позициях нигилизма, мешающего видеть истинные, т. е. абсолютные ориентиры, ценности, критерии, стоят российские обыватели, бизнесмены, политики, депутаты, философы. Они критикуют все и вся и одновременно готовы подчиниться чему угодно. У них нет прочных мировоззренческих оснований, нет твердых убеждений, поскольку все это приобретается лишь при наличии религиозной веры. Именно она составляет краеугольный камень нравственных и политических убеждений. Без нее же могут существовать только карточные домики, создающие видимость убеждений.

О КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ АПОКРИФА «ЕВАНГЕЛИЕ ИУДЫ»

Горе миру от соблазнов, ибо
надобно прийти соблазнам;
но горе тому человеку, через
которого соблазн приходит.
Мф. 18, 7.

Почему люди интересуются апокрифами? Что их привлекает в этом жанре религиозной литературы? Какие духовные потребности они удовлетворяют при помощи апокрифов? Эти и подобные им вопросы существуют давно. Однако и по сей день они сохраняют свою значимость для христианского сознания. Время от времени в жизни апокрифического жанра происходят те или иные неординарные события, и тогда даже люди, далекие от религии, начинают задавать эти и им подобные, весьма не простые вопросы.

Последнее время ознаменовалось двумя событиями в данной области – выходом романа и фильма «Код да Винчи», где заметную роль смыслообразующую играют несколько новозаветных апокрифов, и публикацией переводов на современные языки коптского оригинала «Евангелия Иуды».

Апокрифы – это симулякры

Слово апокриф имеет греческое происхождение. В своем первоначальном смысле *apokryphos* означает нечто тайное, сокровенное, сокрытое. В церковном значении слово апокрифический

значит неканонический, не входящий в канон, не соответствующий канону. Каноническими для христиан являются книги Священного Писания. Это богодухновенные, сакральные тексты. Что же касается апокрифов, то они представляют собой всего лишь памятники культуры, плоды литературного творчества, лишённые сакрального значения. Фактически это памятники христианской мифологии, на достоверности, правдивости которых никто не настаивает.

Апокрифы, как правило, безымянны. Их истинные авторы не известны и скрываются за именами тех, кому приписывают свои сочинения. Поступая таким образом, они, по всей видимости, надеялись привлечь внимание к своим сочинениям и придать большую значимость.

В конце XX века в лексикон интеллектуалов всего мира вошло французское слово симулякр (*simulacres* — продукт симуляции), обозначающее некий продукт намеренного или непроизвольного обмана, существующий в культурном мире. Интерес к этому понятию и к стоящим за ним проблемам обнаружился после выхода в свет книги французского философа Жана Бодрийяра «Симулякры и симуляции» (1981). В ней Бодрийяр писал о том, что человека окружает вселенная знаков, абсолютное большинство которых — всего лишь фальшивки («симулякры»), подменяющие истинные смыслы, поддельвающиеся под подлинные ценности. Симулякры, оторвавшиеся от своих первооснов, активно влияют на массовое сознание.

Можно сказать, что всё собрание апокрифов есть не что иное, как коллекция симулякров. Не принадлежа к сакральным текстам, они пытаются изображать из себя таковые, играть определенные роли и тем самым привлекать к себе внимание. Но при этом им по силам лишь симуляция некоторых частных признаков священных книг. Поэтому к сей коллекции более, чем к чему-либо, могло бы подойти общее название «Человеческой комедии»

В жанровом отношении апокрифы — это, как правило, стилизованные литературно-религиозные произведения, рядящиеся в одеяния сакральности и пытающиеся преподнести маловероятное или откровенно ложное в качестве истинного.

В апокрифах, многие из которых поначалу имели форму устных преданий, речь идет чаще всего о событиях и лицах, имеющих непосредственное отношение к библейской и церковной истории. Не вошедшие в канонический текст Библии, отвергнутые христианской церковью, они несут в себе разнородную, иногда довольно сомнительную, информацию о ветхозаветных и новозаветных лицах и событиях.

В новозаветных апокрифах преобладает христианская тематика. Все они появились в послепостольские времена. Абсолютное большинство из них носят вторичный, подражательный характер. На это указывает то обстоятельство, что выполнены они в сугубо

новозаветных жанрах и называются евангелиями, деяниями, посланиями, апокалипсисами.

Известно около 50 апокрифических евангелий. Различна степень их сохранности: одни из них сохранились целиком, другие частично, а от иных остались лишь одни названия. Многие их апокрифических евангелий были написаны поздно, спустя несколько столетий после распятия Христа, как, например, «Евангелие Варфоломея», созданное в III в., или «Евангелие Никодима», появившееся в V в.

Практика составления апокрифических евангелий была характерна для среды евреев-христиан, проживавших на территориях Палестины, Сирии и Египта. До нашего времени сохранились лишь отрывки этих текстов, называющиеся «Евангелие от евреев», «Евангелие от египтян» и др.

Апокрифы содержат сведения двух родов - известные по каноническим текстам и отсутствующие в них. Многие из них создавались с целью восполнить сюжетные пробелы канонических текстов. Так, среди них есть апокрифы, описывающие детство Иисуса, - например, «Евангелие Псевдо-Фомы». Часть апокрифов создавались с намерением подробнее рассказать о жизни тех лиц, которые лишь мельком упоминаются в канонических Евангелиях.

Существенно различаются между собой религиозно-догматические ориентации апокрифов. Так, 37 апокрифических текстов, найденных в 1946 г. в Наг-Хаммади (Египет) и написанных на коптском языке, имеют гностический характер. Это «Апокриф Иоанна», «Евангелие истины», «Евангелие Филиппа», «Деяния Петра», «Апокалипсис Павла», «Апокалипсис Петра» и др.

Отношение христианского сознания к апокрифам

Церковь не была склонна мириться с существованием апокрифов, в первую очередь новозаветных. Ее никак не устраивало то, что в непросвещенных церковных общинах апокрифы порой использовались в проповедях и тем самым влияли на мировоззрение верующих. Она отказывала апокрифическим книгам в богодухновенности, характеризуя их как ложные и «отреченные». Некоторые из них включались в индексы запрещенных книг. Публиковались соборные постановления, в которых утверждалось, что чтение «отреченных книг» навлекает на души пагубу и что их следует сжигать на телах читавших их.

Вместе с тем, невозможно отрицать, что многие из апокрифов содержат нравоучительные сюжеты, яркие художественные детали, занимательные подробности, чем всегда привлекали и продолжают по сей день привлекать к себе внимание читателей. Следует отдать им должное: не имея сакрального значения, они, тем не менее, обладают определенной литературно-художественной ценностью и культурно-исторической значимостью.

Данное обстоятельство временами приводило к тому, что церковь шла на некоторые уступки массовому сознанию. Так, на Карфагенском соборе 397 г., где присутствовал Августин, было принято решение рассматривать некоторые ветхозаветные апокрифы как тексты, пригодные для чтения христианами.

Спустя более, чем тысячу лет, Мартин Лютер вынужден был признать, что, хотя ветхозаветные апокрифы и не соответствуют каноническим текстам, все же их следует признать полезными для чтения. И сегодня в отдельных изданиях Библии присутствуют, наряду с каноническими книгами, апокрифические тексты второй и третьей книг Ездры, книг Товита, Иудифи, Премудрости Соломона, Премудрости Иисуса Сына Сирахова, а также Послание Иеремии, книга пророка Варуха, первая, вторая и третья книги Маккавейские.

О неоднозначном отношении церкви к апокрифам свидетельствует практика использования апокрифических сюжетов в духовной литературе и религиозной живописи. Так, в ряде фресок Микеланджело, украшающих Ватикан, представлены сцены апокрифического характера. Отдельные апокрифические произведения вошли в книгу «Великие Минеи Четьи», созданную митрополитом Макарием. К апокрифической литературе обращались в своих произведениях Кирилл Туровский, Иосиф Волоцкий, Нил Сорский, Иван Пересветов, автор «Домостроя» Сильвестр, патриарх Гермоген и др.

Апокрифические сюжеты обнаруживаются в произведениях, относящихся к жанру палеи (греч. *palaiā* – древний; *Palaiā Diatheke* – Ветхий Завет). В этих средневековых энциклопедических изданиях излагались и пояснялись события Священной истории, давались их богословские оценки и комментарии. На Руси палеи играли важную религиозно-просветительскую роль. В условиях, когда полного и общедоступного перевода Библии не существовало, палеи замещали, как могли, его и способствовали распространению библейского учения.

Реформа патриарха Никона способствовала упрочению негативного отношения православной Церкви к апокрифам, в первую очередь новозаветным. Это породило противоположную по своему характеру реакцию старообрядцев, превративших свою литературу в своеобразное хранилище апокрифов.

Психология апокрифического творчества

В XX веке в области литературного творчества произошло событие, которое проливает некоторый свет на культурно-психологическую природу апокрифов. Оно связано с романом-тетралогией Т. Манна «Иосиф и его братья», состоявшего из четырех частей – «Былое Иакова» (1933), «Юный Иосиф» (1934), «Иосиф в Египте» (1936) и «Иосиф-кормилец» (1943).

По свидетельству писателя, замысел романа возник случайно. В тот момент, когда он, находясь дома, перелистывал старую семейную Библию и раскрыл страницы Книги Бытие, где говорится об Иосифе и его удивительной судьбе, у него мелькнула мысль: а не попробовать ли пересказать эту замечательную историю заново, уже современным языком. Манна увлекла грандиозность задачи: исследовать то типичное, вечно повторяющееся, вневременное, что всегда присутствует в жизни сменяющих друг друга поколений. Ему помогла совершенная в 1930 г. поездка на Ближний Восток и посещение мест, где некогда жили и странствовали библейские патриархи.

Впоследствии Манн вспоминал о характерной реплике машинистки, которая, перепечатав роман и возвращая писателю рукопись и отпечатанный текст, сказала, что теперь она знает, как всё было на самом деле.

Подобная оценка первой читательницы «Иосифа и его братьев» чрезвычайно симптоматична. В контексте разговора об апокрифах она позволяет понять психологические истоки появления многих из них. Действительно, в отдельные моменты человека, наделенного даром художественного воображения, может посетить желание заполнить те содержательные пропуски, которые существуют в канве многих библейских событий. Фантазия вполне может подсказать многочисленные красочные картины, которые легко впишутся в общую фабулу той или иной библейской истории.

Но когда такая художественная реставрация происходит, то, в конечном счете, содержательные пропуски в Библии все же не заполняются. Священное Писание остается Священным Писанием, Словом Божиим, к которому человек не вправе что-либо добавить, а художественный вымысел, принявший апокрифическую форму, остается всего лишь вымыслом. И то, что предлагает апокриф, - это, конечно же, не картины того, «как было на самом деле», а только лишь произвольная, беллетристическая версия того или иного библейского сюжета, могущая обладать художественно-эстетическими достоинствами, но совершенно лишенная религиозной, сакральной значимости.

Силой, движущей людьми, создававшими апокрифы, могла быть духовная потребность, которую мы называем потребностью в художественном творчестве. Библейский материал открывал широкие возможности для ее реализации. Когда впоследствии, в Новое время стали появляться литературные и живописные произведения, в которых достаточно свободно обыгрывались различные библейские сюжеты, использовались образы библейских персонажей, то это были уже чистой воды произведения искусства. Никто и не вспоминал об их жанровой связи с древними апокрифами.

Влияние апокрифов на развитие культуры

В свете секулярной культурологии апокрифы – это артефакты, пребывающие в культурном пространстве, перемещающиеся в историческом времени и выполняющие различные функции, в том числе религиозно-просветительские. То, что в них описывается чудеса, действуют добрые и злые силы, представлены религиозно-философские и нравственные размышления, сближает их с такими жанрами, как легенды, сказки, мифы, притчи, лирическая поэзия. При этом в них содержатся смысловые линии, как соответствующие духу канонических книг Священного Писания, так и противоречащие ему. Антиканоичность апокрифических текстов открывала возможности для достаточно вольных интерпретаций их тем, сюжетов и образов в области литературно-художественного творчества.

Сведения, содержащиеся в апокрифах, не обладающие сакральными значениями, имеют определенную ценность в глазах историков религии и религиоведов в силу того, что проливают свет на отдельные стороны религиозной жизни прошлого.

Значительное влияние апокрифы оказывали на развитие средневековой культуры. Так, в мистериях часто использовались апокрифические сюжеты и образы. Это хорошо видно на примере одной из наиболее распространенных мистерий – «Страсти Спасителя», где многое заимствовано из «Протоевангелия Иакова» и «Евангелия Никодима».

Апокрифы оказали заметное влияние на народную поэзию и в особенности на духовные стихи. Особым культурным вместилищем апокрифических мотивов выступает художественная литература, как западная, так и русская. В Новое время апокрифическое начало заняло значительное место в поэмах Дж. Мильтона «Потерянный рай» (1667) и «Возвращенный рай» (1671), которые называли «Божественной комедией» протестантского мира.

В поэме «Потерянный рай» состоящей из 12-ти книг, представлена история богоборческой деятельности Люцифера. Он изображен дерзким, изобретательным и упорным борцом. Мильтоном изображен сатану как грозного противника, требовавшего к себе самого серьезного отношения. Несмотря на свое мрачное обаяние, архивраг остается у Мильтона «антигероем» и терпит неизбежное и заслуженное поражение от истинного героя поэмы – Бога.

В «Возвращенном рае» главным героем поэмы выступает Иисус Христос, побеждающий в пустыне все искушения дьявола и наносящий ему сокрушительное поражение.

Можно говорить о том, что апокрифы выступили в качестве второго, наряду с Библией, источника религиозных тем, сюжетов и образов для западного и русского религиозного искусства. Это хорошо видно на примере поэмы Дж. Байрона «Каин», романов Ф. М. Достоевского «Идиот» и «Братья Карамазовы», ряда произведений П. И. Мельникова-Печерского, Н. С. Лесков и других писателей.

Маргинальные апокрифы

Апокрифы можно разделить в соответствии с их религиозно-догматической направленностью на два основных типа – маргинальные и девиантные. Первые, хотя и не входят в канонический корпус, но по своему содержанию и богословским смыслам не противоречат каноническим текстам. Пребывая не периферии христианской культуры, и неся на себе отпечаток народных верований, они представляют собой некое промежуточное культурное звено между христианским и не христианским культурными мирами, между сакральной и профанной сферами. Таковы многие неканонические евангелия, деяния апостолов, апокалипсисы («Апокалипсис Софонии», «Апокалипсис Ездры», «Апокалипсис Авраама», «Апокалипсис Илии» и др.), а также отдельные апокрифические сказания о Христе и Богоматери, о прениях Христа с дьяволом, хождении Богородицы по мукам и т. д. Сюда же относятся ветхозаветные апокрифические предания о сотворении мира, Адаме и Еве, Енохе, Ное, Аврааме, Соломоне и др.

Некогда, в условиях характерного для Древней Руси двоеверия апокрифы по-своему заполняли ту нишу, которая существовала между ортодоксальным христианством и народными суевериями, восходящими к древнему язычеству.

На Руси активными распространителями апокрифов являлись христианские паломники – калики перехожие. Для оседлого населения калики служили источниками разнообразной информации. Их знания о далеких землях, иных обычаях, христианских святынях пользовались большим спросом по всей стране. Они создавали своеобразную информационную инфраструктуру, по каналам которой распространялись сведения о важных религиозно-политических событиях. Узловыми пунктами этой инфраструктуры служили постоянные дворы, соборные и церковные площади, городские базары, сельские ярмарки и прочие места собраний горожан и крестьян. Калик нередко приглашали в княжеские палаты для развлечения высшей знати.

Калики слагали духовные стихи на канонические и апокрифические сюжеты, былины о подвигах русских богатырей, истории о приключениях святых и о своих странствиях по свету. Среди них встречались высоко одаренные натуры, мастерски рассказывавшие удивительные истории и исполнявшие духовные песни. Благодаря им возникали новые, славянские апокрифы. В сочиняемых каликами духовных стихах нередко усматривали апокрифические мотивы, не соответствовавшие церковным канонам.

В отношении церковных властей к апокрифам и каликам было много общего. В нем преобладали недоверие, подозрительность, опасения, что те и другие могут привнести в среду обычных прихожан и посеять в ней семена чего-то недозволенного, еретического,

богопротивного. И это служило для церкви достаточным основанием для того, чтобы время от времени подвергать калик преследованиям.

Девиантные апокрифы и «Евангелие Иуды»

Апокрифы девиантного типа настолько сильно отклоняются от канонических текстов и столь явно противоречат христианскому учению, что фактически пребывают за пределами христианской культуры. Они содержат религиозные предрассудки и откровенно еретические представления. К ним относятся апокрифы, написанные с гностических, манихейских, павликианских, богомильских и иных позиций, то есть имеющие откровенно еретическую направленность. Поскольку они несут на себе печать явных, намеренных отклонений от канонов, их издавна называются «отреченными, ложными книгами», не подлежащими распространению среди христиан, В список таких книг, составленный в 496 г. папой Геласием I, и утвержденный специальным декретом, были включены «Евангелие Иова», «Видения святого Стефана», «Видения святого Фомы», Видения святого Павла» и др. Применительно к ним понятие апокрифа было тождественно таким отрицательным определениям, как поддельный, ложный и т. д.

Содержание девиантного апокрифа можно сравнить с лабиринтом, издавна выступающим символом блуждающего человеческого духа, утраты путеводных ориентиров и погружения во мрак, где уже неразличимы истинные смыслы. В нем нет центрирующего начала – Бога, и потому человеческое сознание, если ему также не ведом истинный Бог, может плутать до бесконечности в своих попытках постичь смыслы такого апокрифа.

С христианской точки зрения девиантные апокрифы не заслуживают ни положительного, ни толерантного отношения к себе, поскольку они связаны с другими девиантными формами духовности - ересями. Если ересь – это побочное, чужеродное ответвление на древе христианства, то апокрифы можно сравнить с плодами на этой ветви. На протяжении всей истории христианства содержание девиантных новозаветных апокрифов составляло тот темный фон, на котором еще ярче сиял духовный свет истинной Благой Вести.

Характерным примером девиантного апокрифа служит «Евангелие Иуды». Его перевод с коптского языка был опубликован в апреле 2006 г. Национальным географическим обществом США. Он был обнаружен более тридцати лет тому назад, в 1970-е гг., в Египте. Сухой климат способствовал его сохранению. Это был серьезно поврежденный папирусный кодекс, состоящий из 62 страниц и содержащий два текста, одним из которых и было «Евангелие Иуды». Разнообразные перипетии с его куплями-продажами много лет препятствовали не только научно-исследовательской работе над

апокрифом, но даже переводу его. И вот, только теперь, после реставрации папируса стал возможен его перевод

По времени создания текст относится приблизительно к III - IV вв. Это, скорее всего перевод с греческого. Сам же оригинал, по мнению исследователей, был создан несколько раньше.

В «Евангелии Иуды» идет речь о событиях, происходивших за несколько дней до казни Христа. Обращаясь к ученикам, Иисус смеется над ними и употребляет выражение «ваш Бог». На их недоуменные вопросы Он отвечает, что они не знают ни Его, ни Его Бога. Ученики в гневе на Иисуса начинают хулить Его. Когда же Он призывает их открыто выступить против Него, то все трусят, кроме Иуды. Тогда Иисус выказывает знаки особого внимания к Искарриоту и говорит, что только ему сможет поведать самые важные тайны.

В коптском манускрипте рассказывается о странном видении учеников: у алтаря предстали священники, которые приносили в жертву своих детей и жен, совершали беззакония и убийства, спали с мужчинами. Иисус отождествляет учеников с этими священниками, считает, что они все во грехе, борются с Иисусом и только Иуда, отделившийся от них, праведен и заодно с Ним.

Иуда заявляет, что ему тоже было видение, в котором ученики бросали в него камни. Иисус говорит Иуде, что тот будет проклят другими родами, но затем придет править ими.

«Евангелие Иуды» - предельный случай девиантного апокрифа. Его суть не просто не христианская, но антихристианская. В нем идет речь о вещах немыслимых и невозможных для христианского текста. Ближайшим из учеников изображен предатель Иуда. Говорится об особой духовной близости Иисуса и Иуды, о том, что Иисус предпочел Иуду всем другим ученикам и доверил ему некую «главную тайну».

Между тем, уже само указание на таинственное содержание, эзотерическую природу учения Христа, противоречит сути христианства. Иисус всегда подчеркивал, что явно, открыто говорил людям о наиболее важных, самых главных вопросах сущего и должного. В Его речах совершенно отсутствовал какой бы то ни был налет нарочитой таинственности. Они были обращены ни к какой-то отдельной категории людей, ни к кому-то избранному, но к каждому имеющему уши. В Евангелии от Иоанна говорится о том, как первосвященник надеялся узнать нечто особенное об учении Иисуса. Но Иисус разочаровал того, сказав, что никакого тайного «остатка» в Его учении не было. «Иисус отвечал ему: Я говорил явно миру; Я всегда учил в синагоге и в храме, где всегда Иудеи сходятся, и тайно не говорил ничего» (Ин. 18, 20). Таким образом, гностическая посылка о тайне, присутствующая в «Евангелии Иуды», - апокрифическое измышление девиантного характера, далекое от истины.

Гностики-каиниты и советский памятник Иуде Искарриоту

Его создателями были гностики – религиозные маргиналы, жившие преимущественно в Египте и пытавшие соединить в своем учении язычество с элементами христианства, приспособить учение Христа к ряду эллинских идей и восточных культов. В них смешались два религиозных мира, породив причудливую религиозно-философскую композицию, пронизанную духом оппонирования относительно новозаветного христианства. Плодом этого смещения явилась идея чуждости материального, плотского начала началу духовному. Человек, включающий в себя то и другое, имеет перед собой два пути разрешения противоречий между ними. Первый путь, предназначенный для душевных людей, – это аскетическое угашение плоти. Для тех же, кто стоит на высокой ступени духовности, является, в частности, гностиком, оптимальным путь раскрепощения плоти, т. е. путь моральной распущенности.

С христианских позиций гностицизм всегда оценивался как ересь. Что же касается гностических апокрифов, то степень девиантности их содержания всегда чрезвычайно велика.

История христианства сохранила древние свидетельства действительного существования «Евангелия Иуды». Так, один из отцов церкви Ириней Лионский (ок. 160 – 202), противник гностиков, автор известного сочинения «Пять книг против ересей» писал: «Другие опять говорят, что Каин происходит от высшей силы, и Исава, Корея, содомлян и всех таковых же признают своими родственниками, и поэтому они были гонимы Творцом, но ни один из них не потерпел вреда, ибо Премудрость взяла от них назад к себе самой свою собственность. И это, учат они, хорошо знал предатель Иуда, и так как он только знал истину, то и совершил тайну предания, и чрез него, говорят они, разрешено все земное и небесное. Они также выдаю вымышленную историю такого рода, называя Евангелием Иуды».

Непосредственными авторами данного апокрифа были, по всей видимости, члены гностической секты каинитов. Они превозносили отрицательных ветхозаветных лиц, в том числе развратных жителей Содома. Особо почитали Каина и Иуду, видя в первом «произведение высшей силы», а во втором – подвижника, чье предательство вменялось ему в заслугу.

Тертуллиан так писал о каинитах: «Они славили Каина за ту силу, которая заключена в нем. Напротив, Авель был произведен низшей силой. Те, кто утверждал это, славили также и Иуду-предателя, поскольку он принес многие блага человеческой расе... «Иуда, – говорят они, – заметив, что Христос собирался отказаться от истины, предал его, чтобы истина не была низвергнута». Другие возражают, говоря: «Поскольку силы этого мира не желали, чтобы Христос страдал, чтобы таким образом люди не получили спасения через Его смерть, он предал ради спасения людей».

Не приемля Новый Завет, каиниты предлагали свои, альтернативные сочинения, в которых принижался Христос, отрицалось будущее всеобщее воскресение мертвых. Они настаивали на признании ценности зла и считали, что в каждом его проявлении присутствует ангел, побуждающий людей к злу и поощряющий тех, кто к нему склонен. Каждый человек, чтобы спастись, обязан пройти через множество греховных, дурных дел, непозволительных с точки зрения обычной морали. Их необходимо совершать безбоязненно, чтобы, в конечном счете, обрести «совершенное ведение» и тем самым подняться на высшую ступень духовной зрелости.

Апокриф «Евангелие Иуды» говорит о том, что первых людей, Адама и Еву, создал не благой Бог, но ангелы, симпатизирующие злу. И создали они их по своему образу и подобию. То есть, человек уже с момента сотворения, оказался самой своей природой предрасположен к злу. Получается, что Каин – это не пример чудовищного отклонения с Божьего пути, а совершенно нормальный человек. Примером же отклонения выступает чуждый злу Авель. Если продолжить эту логику рассуждений уже на новозаветном материале, то выходит, что в пределах перевернутой гностиками этической шкалы гнусный Иуда нормален, а безгрешный Иисус – нет.

В «Евангелии Иуды» представлена попытка дать альтернативное истолкование евангельских событий, перевернуть все с ног на голову, поменять местами плюсы и минусы. Несомненно, что реальный Иуда Искарот не имеет непосредственного отношения к этому «анти-евангелию», что сочинил его другой противник христианства – древний гностик-каинит. Столь же несомненно, что в публикациях и распространении «Евангелия Иуды» сегодня заинтересованы те, кто стоит на позициях секуляризма и убежден в окончательном вступлении человечества в «постхристианскую эру».

Примечательно, что идеология каинитов получила своеобразное продолжение в XX в. в идейно-политической практике российского большевизма. Митрополит Иоанн (Снычев) в книге «Самодержавие Духа» (СПб., 1995) напомнил современным читателям историю о том, как в Симбирской губернии, на родине Ульяновых, пришедшие к власти большевики решили установить памятник кому-нибудь из богоборцев. Поначалу их выбор пал на Люцифера. Но, поразмыслив и посчитав его фигуру несовместимой с материалистическим мировоззрением, они обратились к Каину. Однако, и этот библейский антигерой был ими отвергнут из-за того, что его признали исторически недостоверным. В итоге в уездном городе Свияжске был поставлен памятник Иуде Искароту как первому восставшему против Христа революционеру.

Сам акт воздвижения подобного памятника в самом безбожном из государств глубоко символичен. В XX столетии, ставшем историческим апогеем секуляризма, Иуда стал, может быть, его самым типичным героем. Памятник ему – это одновременно

памятник миллионам других иуд, которые, подобно Искарриоту, так же отступились от Господа, предали Его.

Ведь далеко не случаен повышенный интерес к образу Иуды в мировой литературе XX века от Анатоля Франса, Леонида Андреева, Алексея Ремизова, Максимилиана Волошина до Борхеса с его новеллой «Три версии предательства Иуды».

Евангельский образ Иуды-предателя – это образ-парадигма, отображающий глубинную суть эпохи массовой апостасии, когда бесчисленные «маленькие антихристы» покрыли, подобно клопам-кровососам, все социальное тело гигантской цивилизации, еще недавно считавшей себя христианской. Но, как это не парадоксально, и апокрифический образ Иуды-«друга Иисуса» также не менее типичен для эры повсеместного богоотступничества и богоборчества. Он – средоточие мысли о коварстве зла, пытающегося рядиться в одеяния добра. Он – концентрированное выражение устремленности лжи на то, чтобы возвыситься над Истиной, обелить себя и очернить ее.

Гностические апокрифы – гости из темного антихристианского «подполья»

С первых веков новой эры, когда христианский мир только начал складываться в своих основных чертах, у него обнаружился антипод. Это было нечто вроде глубокого и мрачного «подполья», мира темных смыслов, которые стремились пробиться из языческой духовной тьмы в христианство и занять там господствующее место. В этом «подполье» и существовал гностицизм с его девиантными апокрифами.

Понятие «подполья» использовал в своем творчестве русский писатель-христианин Федор Достоевский. В его представлении «подполье» – это обозначение всего темного, что пребывает на дне человеческой души. Это некий подвал индивидуального «я», куда не проникает свет христианской веры, добра, любви. Это маленькая преисподняя, которую человек носит в себе и где заперто все низменное, что есть в нем. Оттуда исходит энергия зла и греха, заставляющая людей нарушать Божьи и человеческие законы - лгать, ненавидеть, красть, убивать.

Достоевский не только обозначил то место, где прячется грех, но и дал имя этому мрачному прибежищу. Иные христиане нередко рассуждают о том, что носителем греха является человеческая плоть с ее инстинктами, страстями и прочим. При этом они забывают, что тело, инстинкты играют также важную положительную роль. Они даны человеку Богом и без них невозможны ни продолжение рода, ни любовь, ни творчество, ни один из видов позитивной человеческой деятельности.

Что же касается «подполья», то это беспримесный негатив, внутренняя обитель греха, темная, демоническая реальность, пребывающая внутри человека и сконцентрировавшая в себе энергию разрушения. Эта реальность существует с момента грехопадения прародителей.

«Подполье» – символ огромного значения. Его трудно представить его в виде какого-то домашнего погреба с мышами. Он мыслится как некий бездонный провал, как сверхфизическая бездна, в которой сосредоточено всё зло мира, готовое ринуться в человеческие души и погубить их. Это зло способно вздыматься, подобно клубам черного дыма, вторгаться во внутреннее пространство человеческого «я» и его творений.

У христианства как учения Христа, как Благой Вести, нет ни «подполья», ни темной изнанки. Но «подпольем» располагает тот мир, в котором существует христианство. Оно есть у христианской культуры и цивилизации, у каждого материального или духовного продукта человеческой деятельности, на котором нет печати Божьего Духа.

Обитателями этого противоречивого культурного мира, его «подполья» являются гностицизм, учение каинитов и девиантные апокрифы, всегда стремившиеся проникнуть в христианство и разрушить его. Из этого «подполья» вынырнуло в XX веке и «Евангелие Иуды», насыщенное темными, демоническими смыслами, уродливыми, каинитскими химерами. Заглядывать в его содержание – это все равно, что наклоняться над некой темной пропастью, на дне которой кишат змеи, тарантулы, скорпионы и т. п. Всё это бесы, имя которым - легион. Они заперты в апокрифическом «подполье», но при этом одержимы одним стремлением – вырваться из него на поверхность, проникнуть в умы и души людей и начать там бесчинствовать. Те, кто пребывают в секулярном мире, не располагают иммунитетом против ядовитых укусов и составляют контингент их потенциальных жертв.

У христиан, как правило, нет ярко выраженного интереса к теме «подполья». Он характерен, большей частью, для тех, кто существует вдали от христианства. Те неверующие, для которых массовая культура – родная, привычная информационная среда, а маркиз де Сад, Ницше, Фрейд, а теперь еще и Дэн Браун – элитарное чтиво, составляют особую аудиторию. Внутри нее отнюдь не благая весть об Иуде как «друге Христа» и будет какое-то время циркулировать.

В «Евангелии Иуды» нет ни единого проблеска духовного света. Если попытаться придать его смысловой структуре пространственные очертания, то она предстанет в виде зауживающейся книзу воронки. На ее дне окажется отверстие, через которое она сообщается с тьмой преисподней. Именно оттуда, из ее зловещих глубин всплывают на поверхность текста странные образы, исполненные презрения к

священным запретам, общепринятым нормам и почитаемым ценностям.

В «Евангелия Иуды» нет ни образа исторического Иисуса, ни достоверных образов Его учеников. Оно населено изображениями их искаженных до неузнаваемости двойников. Помещенные в сумеречное пространство «идеала содомского», во враждебный Богу антимир перевернутых смыслов, они представляют собой уродливые карикатуры на Христа и Его учеников, то есть неприкрытую, откровенную хулу на Господа.

«Евангелие Иуды», конечно же, не в силах хотя бы как-то повлиять на современное христианство, изменить состояние его внутренней духовной экологии, подорвать его основы. Подобные ему апокрифические тексты не смогли этого сделать, когда христианство было исторически юным и еще не являлось мировой религией. И, конечно же, они не смогут этого сделать сейчас, когда на земле живут несколько миллиардов христиан.

Рядовому гностическому апокрифу не удастся стать значительным явлением духовной жизни современного мира. Даже глобальная машина мировых СМИ вряд ли сможет долго раскручивать этот сюжет. Разве что, кто-то из режиссеров пойдет по стопам создателей фильма «Код да Винчи» и начнет снимать фильм об апокрифическом Иуде. Но и в этом случае, массовое секулярное сознание, жаждущее постоянного, непрерывного притока свежих сенсаций, быстро пресытится разговорами об этих двух произведениях, входящих в одну антихристианскую обойму. Тем более, что в безуспешных попытках очернения Иисуса и реабилитации Иуды, характерных для мира, лежащего во зле, совершенно отсутствует элемент какой бы то ни было новизны.

Единственное, на что могут рассчитывать современные антихристиане, - это, помимо кратковременного информационного всплеска вокруг данного апокрифа, некоторое оживление интереса к истории гностических учений. Но после того, как в уже начавшейся дискуссии о «Евангелии Иуды» выскажутся обе стороны, апологеты и противники, текст ляжет на библиотечные полки, где и будет спокойно лежать в качестве рядового девиантного апокрифа, одного из многочисленных литературных памятников противоречивой религиозной истории человеческого рода.

Кот Давинчи, собака Ру

и

бульварное религиоведение НОВОГО МЮНХГАУЗЕНА

В последнее время появятся ругатели,

поступающие по своим нечестивым похотям. Эти люди, отделяющие себя [от единства веры], душевные, не имеющие духа.

Иуд. 1, 18 – 19.

Неисповедимы пути, какими абсурд проникает в человеческое сознание. Непредсказуемо то, каким образом его семена западают в умы и сердца людей.

Когда пару лет тому назад до моего слуха начали впервые долетать случайные реплики и чьи-то отрывочные суждения, касающиеся романа Дэна Брауна «Код да Винчи», то я, не испытывая никакого интереса к ним, как бы мимоходом недоумевал: про какого это кота говорят? Что это за кот с таким странным именем?

Нечто подобное было еще раньше, когда пересказ кем-либо своего или чужого электронного адреса, порождая у меня, еще и близко не подходившего ни к одному компьютеру, вопрос: почему они говорят о какой-то собаке? Что это за ерунда такая?

Полагаю, что я был не одинок в подобных недоумениях. Часто бывает так, что нечто, еще недавно представлявшееся несуразным или даже абсурдным, спустя некоторое время переключивается в нашем сознании на другую полку, где господствуют уже иные оценки. Обстоятельства заставляют нас изменить систему координат. И в новом смысловом контексте то, что еще вчера представлялось абсурдным, начинает казаться уже вполне приемлемым, разумным, вполне достойным уважительного внимания.

Не происходит ли сегодня нечто подобное в сознании многих из тех, кому довелось прочитать роман «Код да Винчи» или посмотреть одноименный фильм? Не превращается ли абсурд в подобие истины, пытающееся занять ее место?

Американский Берлиоз

Дэн Браун – это не Михаил Булгаков. Дистанцию, отделяющую литературный талант от художественного гения, ему не удалось преодолеть и вряд ли когда-либо удастся. Но кое-чего достичь он все же сумел: его «Код да Винчи» стал мировым бестселлером, а сам он – миллионером.

Составляющие этого успеха не столь уж просты, как могло бы кому-то показаться. Несомненный талант беллетриста – необходимое, но не достаточное условие состоявшегося успеха. Талантливых беллетристов в мировом масштабе предостаточно, но стать автором супербестселлера удается очень не многим.

В случае с Дэном Брауном львиная доля успеха оказалась обусловлена выбором темы. Наш беллетрист нацелил свое бойкое

перо на предмет, далеко не заурядный. Чтобы обратиться к истории Христа и христианству как теме для авантюрно-криминального романа, одной бойкости мало. Но чтобы иметь смелость предложить миру художественную оранжировку альтернативной истории Христа и христианства (в данном случае неважно, что она не им придумана), надо обладать дерзостью, граничащей с либо с детским легкомыслием, либо с безумием.

Впрочем, не будем преувеличивать: в мире, где христианство вот уже на протяжении полутора последних столетий подвергается регулярным нападкам и массированным налетам со стороны нигилистов всех мастей, не надо отличаться особым мужеством, чтобы быть антихристианином.

То, что выглядит сатанинской дерзостью в глазах христиан, имеет совсем иной вид в глазах секулярной публики, не верующей в Бога. Для нее любой богохульник, если он имеет вид respectable господина, а в его речи богохульство прикрыто налетом философского интеллектуализма и исторической эрудированности, - фигура вполне легитимная.

Именно по этому пути и пошел Дэн Браун. Если до уровня Михаила Булгакова он не дотягивает, то с булгаковским Берлиозом его вполне можно поставить в один ряд. Его, как и Берлиоза, не упрекнешь в отсутствии религиозоведческой эрудиции. Именно она помогла ему сконструировать роман-калейдоскоп, в котором сплелось множество смысловых линий. В этом романе-ребусе авантюрно-криминальная интрига соединилась с элементами мистики, астрологии, фрейдизма, феминизма, а также с рассуждениями о язычестве, тамплиерах, чаше Грааля, масонстве и многом другом. Если к этому добавить еще изрядную дозу забористого антиклерикализма, направленного в основном против Ватикана, то картина будет достаточно полной.

Неискушенный читатель, получивший секулярное воспитание и образование и соприкасавшийся с христианством лишь по касательной, при первом знакомстве с романом Дэна Брауна делает для себя любопытное открытие: оказывается, существует иная, истинная история Христа и христианства, не похожая на ту, о которой он мельком слышал.

Роман как презентация трех духовных сил западной цивилизации – христианства, язычества и секуляризма

Христианству на протяжении его истории противодействовали и продолжают противодействовать две главные силы – это язычество и секуляризм. В романе персонификаторами этих сил выступают куратор Лувра Жак Соньер (язычество) и профессор Роберт Лэнгдон (секуляризм). Христианство же представлено членами ордена «Opus Dei» - епископом Арингорсой и монахом-убийцей Сайласом,

странным альбиносом, чем-то напоминающим такого же серийного убийцу из романа Патрика Зюскинда «Парфюмер».

Как в истории язычество и секуляризм способны временами объединяться и выступать единым фронтом против христианства, так и в романе они выступают заодно: Лэнгдон действует на стороне Жака Соньера и его внучки Софии.

Силы, представляющие язычество, в романе наиболее могущественны. Их деятельность окутана аурой интригующей таинственности. Это орден рыцарей-тамплиеров и его прямой наследник в современном мире - загадочный Приорат Сиона. То обстоятельство, что главами Приората у Брауна выступают в разные времена такие великие люди, как Сандро Боттичелли, Леонардо да Винчи, Исаак Ньютон, Виктор Гюго, Клод Дебюсси, Жак Кокто, свидетельствует о силе языческого соблазна. Получается, что даже гениальные художники и ученые, писатели и композиторы, жившие во времена, когда христианство безраздельно господствовало в Европе, не могли устоять перед искушениями язычества. Для Брауна это важно: он хочет преподнести это как одно из свидетельств истинности и неискоренимости языческих начал.

И язычество и секуляризм (в данном случае это Жак Соньер и Роберт Лэнгдон) пытаются доказать одно и то же: лживость Нового Завета. Да, не больше и не меньше: согласно их убеждениям, ни христианский Бог, ни Библия не являются носителями истины.

Основная мысль Брауна, которую он настойчиво проводит через весь роман, выглядит примерно так: «Истина на стороне язычества, поэтому оно непобедимо». Под «истиной» же подразумевается следующее:

- Библия – это не Слово Божье, а сугубо человеческое творение, своего рода «историческая хроника смутных времен»;
- Иисус Христос не Бог, а человек, хотя и выдающийся: «самый загадочный и харизматический лидер, которого видел мир»;
- Истинное христианство имеет совсем иной вид, чем то, которое знает современный мир. Оно – религиозно-идеологический гибрид, смешанный с язычеством, и предназначенный служить одновременно как христианам, так и язычникам;
- Отправную точку искажений, проникших в христианство и изменивших его суть, следует искать в политической воле византийского императора Константина, заставившего церковных иерархов утвердить на I Никейском соборе (325 г.) первую часть Символа Веры с определением божественности Иисуса Христа.

Чем же не устраивают Брауна Библия, евангельский Христос и история христианства? Ответ прост: своим антиязычеством и антифеминизмом. Сегодня вряд ли кто удивится, если феминистки всего мира вдруг начнут собирать средства на прижизненный памятник Дэну Брауну. Уж кому-кому, а им-то он точно угодил своим романом.

«Код да Винчи» предстает как апология «священного женского начала». Согласно Брауну, люди сами придумали теорию первородного греха. В ее свете женщина предстала главной виновницей грехопадения. Впоследствии церковь подхватила эту мысль и сделала все возможное, чтобы максимально принизить роль и место женщины в социальной и духовной жизни.

То, что у истоков христианства стояли одни мужчины, Иисус и апостолы, - это искажение реальности. Ближайшим последователем Иисуса была женщина, Мария Магдалина. Она, будто бы, принадлежала к царскому роду, а блудницей ее объявила церковь, намереваясь посредством такого очернения отодвинуть в историческую тень.

Но самое главное, что составляет взрывную начинку романа, - это утверждение, будто Магдалина была женой Иисуса, что после Его крестной смерти она бежала в Галлию, где у нее родилась дочь, и что прямые потомки этого брака впоследствии заняли французский королевский трон, положив начало династии Меровингов.

Не будем углубляться в перипетии этого досужего вымысла. Для того, чтобы распространять подобные версии, не нужно обладать семью пядями во лбу. Достаточно быть неверующим беллетристом с более или менее развитым воображением. При наличии этих условий можно сочинить великое множество подобных историй. С равным успехом можно придумывать занимательные истории об аналогичном происхождении кого угодно - Наполеона, династии Романовых или самого Дэна Брауна.

Сомнительная формула сомнительного успеха

Эпоха папы Иоанна Павла II заставила очень многих людей новым взглядом взглянуть на деятельность католической церкви. Время грубых нападок на нее осталось, казалось бы, в прошлом. На фоне общего, в целом благожелательного, отношения к ней всякие выпады против нее невольно привлекают внимание. Вряд ли будет ошибочным предположение, что Дэн Браун, тонко чувствующий конъюнктуру социальных умонастроений, руководствовался сколь-нибудь серьезными убеждениями в своих выпадах против Ватикана. В его позиции просматривается холодный расчет прагматика, прикинувшего, что в обстановке всеобщей благосклонности, грубые выпады против католической церкви – это еще один повод привлечь к себе внимание. Уж, по крайней мере, сотни миллионов католиков по

всему миру вынуждены будут обратить на него свое внимание, убедившись в реальности намерения Брауна воткнуть анитклерикальный нож в спину Ватикану. Когда в толпе молящихся раздается крик богохульника, то взоры всех незамедлительно обращаются на него.

Существуют люди особого склада, которые рассуждают примерно так: «Пусть хоть ненавидят меня, но только бы не были равнодушны к моей персоне». Позиция Дэна Брауна целиком вписывается в рамки этой психологической формулы. Бешеная жажда всеобщего внимания и сногшибательного успеха сделала его готовым на все. Он, правда, избрал путь, менее опасный, чем тот, на который вступили авторы и издатели карикатур на пророка Мухаммеда. Католицизм XXI века не столь воинственен, как ислам. Возмездие в виде физической расправы Дэну Брауну не грозит, и он может достаточно спокойно наслаждаться, наблюдая нешуточную озабоченность на лицах католических священников, вынужденных в своих выступлениях защищать Христа и церковь.

Один из наиболее существенных факторов успеха романа Брауна – это время, когда он вышел в свет. Следует учитывать, что для западного мира, который когда-то был христианским, а затем, в XX веке стал называть себя постхристианским, настоящая эпоха – это нечто особенное. Ее суть иногда обозначают как переход от модерна к постмодерну. Смысл этого перехода в том, что массовое сознание, полностью утолившее и исчерпавшее свои богоборческие амбиции на протяжении XX века (эпохи модерна), начало потихоньку поворачиваться лицом к христианству и с некоторой надеждой поглядывать в его сторону.

Приходит, а точнее, возвращается понимание того, что надеяться-то больше не на что и не на кого, кроме как на Бога. Человек, предоставленный самому себе и возомнивший, было, что он живет в антропоцентрической вселенной, сегодня достаточно близок к тому, чтобы раскаяться в своем опрометчивом самомнении. В этих условиях прежнее равнодушие ко всему, что связано с христианством, начало сменяться заинтересованным вниманием. То, что могло остаться незамеченным 20-30 лет назад, сегодня смотрится совсем иначе.

В этих условиях «Код да Винчи» просто не мог остаться за пределами массового спроса. Мы живем в эпоху, когда интерес к выдающимся личностям, великим деятелям мировой истории, весьма велик. Книжки и фильмы о Цезаре, Клеопатре, Леонардо, Наполеоне, пользуются устойчивым спросом. И понятно, что личность такого масштаба, как Иисус Христос, уже сама по себе служит приманкой для обывателей всего мира.

Наименее простительное в позиции Брауна – его цинизм. Он именно использовал Иисуса Христа как приманку. Почувствовав, что этого может оказаться маловато для достижения требуемого эффекта,

он в духе его собственных героев, поместил эту приманку внутрь другой приманки – истории двусмысленных духовных блужданий Леонардо да Винчи. Затем упаковал все это в шкатулку интеллектуально-авантюрной фабулы. Получился триллер с бульварной теологией, феминистским религиозиедением, фрейдистской эстетикой и еще многим другим, что представляет собой отклоняющиеся, девиантные формы развития духовной культуры.

Сегодня это кушанье на все вкусы проглатывают очень многие, начиная со студентов, движимых стремлением узнать, что это за штука, «Код да Винчи», о которой кругом столько разговоров, и вплоть до серьезных профессоров, священнослужителей и богословов, которые вынуждены читать роман, чтобы отвечать на вопросы все тех же студентов, либо же своих прихожан. Сетуя, что им приходится отрываться от более важных дел, они идут в книжные магазины, покупают роман и начинают его читать.

Между тем, как гласит немецкая пословица, из каждого свинства можно вырезать кусок ветчины. Христиане вполне могут извлечь из ситуации с опусом Брауна нечто положительное. На войне случается так, что захваченное в бою орудие разворачивается и из него открывается огонь по тем, кто им до этого владел.

«Код да Винчи» вполне может послужить делу распространения христианской веры. Ведь не секрет, что множество молодых людей, совершенно равнодушных к христианству, так и продолжали бы существовать вдали от него, если бы не этот роман. А тут вдруг, помимо их воли, они оказываются втянуты в разгоревшуюся дискуссию. Христианская проблематика, вопросы религиозной истории, бесконечно далекие от них, вдруг неожиданно приблизились к ним. Многие впервые услышали, что для христиан Иисус Христос – не только человек, не просто великий религиозный реформатор, но Бог. В результате в их сознании словно приподнялась какая-то задвижка, прежде заслонявшая Христа от них. Не исключено, что те разъяснения христиан касательно коллизий романа, которые они услышат и которые уже не будут им совершенно безразличны, заставят кого-то задуматься. Безразличие вполне может смениться заинтересованным вниманием. И даже если из ста человек, прочитавших роман, только один пробудится от духовной спячки, это уже будет победа Христа над тьмой.

Что же касается христиан, то досужие вымыслы Брауна им не страшны, как ни страшны были многочисленные ереси прошлого или совсем недавняя атеистическая пропаганда. Для них сила тех ударов, которые Браун попытался нанести христианству, не выше силы комариных укусов. Писателя даже трудно зачислить в ряды врагов христианства, поскольку он для этого не вышел калибром. Его статус – это положение клеветника, враля, эдакого современного Мюнхгаузена.

Право на вымысел не тождественно праву на святотатство

Читатель должен помнить, что перед ним не культурологический трактат, а художественное произведение. А это уже само по себе наделяет писателя презумпцией невиновности. Выступая в роли художника, он обладает правом на вымысел. Фантазия – его законный профессиональный инструмент.

Признавая все это, следует также учитывать, что художественная фантазия – это отнюдь не вседозволенность. Как заметил один мудрый классик, художник вправе изобразить золотые яблоки на яблоне, но изображать груши, растущие на яблоне, ему не следует. У фантазии есть свои пределы, за которые истинный художник никогда не переступит. Это ограничения трех видов – эстетические, нравственные и религиозные. Их нарушения приведут в первом случае к безвкусице, во втором – к имморализму, в третьем – к богохульству и святотатству.

Надо отдать должное Дэну Брауну в том, что ограничения первого и второго рода он признает и их пределов старается не переступать. Но к религиозным ограничениям он отнесся крайне легкомысленно и опрометчиво, сам, очевидно, не подозревая на какой опасный путь вступил. Если свобода художника превращается в свободу кощунника, то она превращает его в орудие темных сил. Успех, купленный ценой святотатства, делает писателя заложником князя тьмы. Гонорары, приобретенные как плата за темный навет на Сына Божьего, весьма напоминают известные тридцать сребреников со всеми вытекающими из этого последствиями...

Браун заодно с миром, лежащим во зле. Он потакает ему, стремится во что бы то ни стало угодить атеистам, язычникам, масонам, феминистам и многим другим. Мировому обывателю, уверенному в том, что он живет в условиях «постхристианской цивилизации», Браун попытался сказать о Христе то, что тому могло бы импонировать. А обыватели всех времен и народов, как известно, всегда хотели одного – чтобы великие люди походили на них и были бы во многих своих проявлениях так же мелки и ничтожны, как и они. Если Иисуса Христа, Сына Божьего невозможно никакими силами уличить в мелочности и ничтожности, то остается одно средство Его принижения – изобразить Его хотя бы простым, обычным человеком, имевшим жену, детей, последующее потомство. В данном случае это тоже принижение, и оно привносит в обывательское сердце чувство глубокого удовлетворения.

И все же, строго говоря, Брауну не удалось создать альтернативной модели истории христианства. Ведь альтернативность – это не просто некая вероятность реализации другого сценария исторических событий. Альтернативность – это модель, хотя и иная, но опирающаяся на те же самые исходные посылки, что и модель действительно реализовавшаяся. Здесь же мы

имеем дело с изначально ложной посылкой, отвергающей истинность того, что сказано в Библии. Это обстоятельство заставляет определить то, что у Брауна претендует на право быть альтернативой, совершенно однозначно – как откровенную ложь, заслуживающую к себе соответствующего отношения.

ХРИСТИАНСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

У ИСТОКОВ БИБЛЕЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ

На рубеже XVIII – XIX вв. в Европе начали возникать библейские общества. Это была одна из форм организованной религиозно-гражданской жизни, позволяющая христианам объединять свои усилия и направлять их на переводческую, издательскую и просветительскую деятельность по массовому распространению Библии. Первое такое общество появилось в Англии. Усилиями Британского Библейского общества, возникшего в 1804 г., в последующие десятилетия было издано и распространено по многим странам более 160 млн. экземпляров Библии.

Представитель Британского общества, пастор Дж. Петерсон прибыл в Петербург с предложением создать Библейское общество в России. Его инициативу поддержал главный управляющий духовными делами иностранных исповеданий, князь А. Н. Голицын. Император Александр I благосклонно отнесся к этой идее и в январе 1813 г. в доме Голицына состоялось открытие «Российского Библейского общества».

На первом собрании Общества были избраны: президентом - Александр Николаевич Голицын, вице-президентами — граф В. П. Кочубей, министр народного просвещения, граф А.К. Разумовский, министр внутренних дел О. П. Козодавлев, сенаторы М. И. Донауров и К. И. Габлиц, обер-гофмейстер Р. А. Кошелев; директорами — князь П. С. Мещерский, князь К. К. Ливен (будущий министр просвещения), барон Б. И. Фитингоф, пастор англиканской церкви Питт, И. И. Фус, Н. Д. Жуковский, С. С. Джунковский, А. А. Ленивцев, С. С. Уваров, секретарями — В. М. Попов и А. И. Тургенев, казначеем — Я. И. Шмит. Выбранное руководство занялось изысканием средств для выполнения поставленных задач.

Александр I изъявил желание стать членом Библейского общества и пожертвовал на его нужды 25 тысяч рублей и впоследствии вносил по 10 тысяч рублей ежегодно. Кроме этого, царь предоставил помещения для типографии, книгохранилища, книжной лавки, а также квартиру для пастора Дж. Петерсона. В Общество вступили

великие князья Николай Павлович и Михаил Павловичи, а также несколько русских генералов, пожелавших снабжать своих солдат Библиями.

Начиная с сентября 1814 г. в соответствии с высочайшим повелением Санкт-Петербургское Библейское общество стало называться Российским Библейским обществом. В него вошли представители всех трех христианских конфессий – католические священнослужители, протестантские пасторы, православные иерархи. В том же 1814 г. вице-президентами Общества стали митрополит Киевский Серапион (Александровский) и митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Амвросий (Подобедов), католический митрополит Сестрженцевич-Богущ, архиепископ Черниговский Михаил (Десницкий), архиепископ Тверской Серафим, архиепископ Екатеринославский Иов (Потемкин) и архиепископ Грузино-Кавказский Досифей, архиепископ русских армян Иоаннес. Директорами Общества были избраны архимандрит Филарет (ставший в 1816 г. вице-президентом) и придворный пресвитер Н. В. Музовский, аббат Манген, лютеранский пастор Рейнбот.

Впоследствии в состав главного комитета входили: вице-президенты — митрополит Грузинский Варлаам, епископ Ярославский Симеон (Крылов), епископ Тверской Иона (Павинский), униатский митрополит Иосафат Булгак (в 1818 г.), З. Я. Карнев (в 1815 г.), М. М. Сперанский (в 1821) граф М. А. Милорадович (в 1821 г.); директора — протоиерей Г. П. Павский (в 1815 г.), архимандриты Григорий (Постников) (в 1816 г.) и Поликарп (Гойтанников) (в 1816 г.), католический патер Госпер (в 1820 г.) и Д. П. Рунич (в 1819 г.).

Целью Общества стало издание и распространение Библии среди верующих всех исповеданий, “без всяких толкований, примечаний и рассуждений”. Современники и свидетели этого события писали: «Простые и бедные люди, солдаты, казаки, неимущие вдовы, мещане, крестьяне и колонисты, ремесленники и служители возжелали получить Слово спасения, сознавая, что они могут иметь в нем живот вечный. Люди... воспламенились читать её (Библию). Кто всем им сказал, что такая чрезвычайная польза получается от чтения Библии? Кто иной, как не Отец наш Небесный» (Об успехах библейских обществ в 1814 году. СПб., 1815. С. 4).

Для того, чтобы об открытии Библейского общества узнало как можно больше людей, была издана брошюра «О Библейских обществах и учреждении такового в Санкт-Петербурге» (СПб., 1813). Вышедшая на русском, польском и немецком языках, тиражом в несколько тысяч экземпляров, она явилась своеобразным манифестом, объявлявшим о появлении в России важного религиозно-гражданского движения, имевшего своей целью библейское просвещение народов России.

В первый же год существования Библейского общества было открыто шесть его отделений в различных городах России -

московское, дерптское, курляндское, рижское, ревельское и ярославское. После этого в уездных городах, местечках и приходах начали учреждаться сотоварищества, содействовавшие открытым отделением Библейского общества. Православная Церковь собирала щедрые пожертвования в пользу Общества. Только в 1813 г. поступило единовременное вспоможение на сумму в шестьдесят тысяч рублей, и в дальнейшем ежегодно поступало около семнадцати тысяч рублей.

Были напечатаны книги Нового Завета на армянском и калмыцком языках. Отдельные библейские тексты были изданы выпуклым шрифтом и предназначались для слепых.

Постепенно образовалось 289 отделений Библейского общества в разных уголках России, Князь А. Н. Голицын особо отмечал заслуги Петерсона: «Все сие важное и многотрудное дело, – писал он, – с самого учреждения комитета лежало на почтенном сотруднике нашем пасторе Петерсоне, без каких-либо прямых с его стороны к тому обязательств. Его неограниченное усердие к делу библейскому и христианская ревность к распространению книг Слова Божия между ближними служили ему сильнейшим побуждением к деятельности. Бескорыстие и скромность побуждали его производить сие дело... Из любви к Богу, для служения человекам в деле для них полезном и спасительном подвизался пастор Дж. Петерсон».

Александр I повелел президенту Библейского общества передать Синоду его желание «доставить и россиянам способ читать Слово Божие на природном своем российском языке, яко вразумительнейшем для них славянском наречии, на коем книги Священного Писания у нас издаются». Специальной комиссии Синода было поручено подобрать из состава Петербургской духовной академии лиц, наиболее способных к этому важному делу. В результате перевод Евангелия от Матфея осуществил видный языковед, профессор Духовной академии Г. П. Павский. Евангелие от Марка перевел ректор Духовной семинарии архимандрит Поликарп. Перевод Евангелия от Луки был сделан архимандритом Моисеем. Евангелие от Иоанна перевел ректор Духовной академии архимандритом Филаретом (Дроздов), будущий митрополит.

В 1818 г. вышло первое издание Четвероевангелия с параллельным славяно-русским текстом. В 1819 г. Четвероевангелие с присоединенными к нему Деяниями Апостолов и десятью Посланиями было издано еще дважды. В отчете Библейского общества за 1818 год говорилось: «Евангелие на российском языке, которое многие ожидали с нетерпением, принято с чрезвычайным удовлетворением и умножило еще более желание читать Слово Божие. По всему видно... что мысль об издании Священного Писания на российском языке есть внушение Того, Которым и Писание само даровано человекам... Поистине можно сказать, что дело перевода сего есть величайшее благодеяние для российского народа, издревле

наклонного к благочестию и всегда жаждущего просвещения духовного».

После того, как вышел в свет полный Новый Завет, был осуществлен перевод на русский язык книги Псалтирь. В 1925 году были напечатаны Пятикнижие Моисеево, а также книги Иисуса Навина, Судей Израилевых и Руфь. Было издано в общей сложности около миллиона экземпляров различных книг Священного Писания на 26 языках народов Российской империи.

За первые десять лет своего существования Библейское общество распространило:

- книги Священного Писания, напечатанные в России по текстам уже существовавших переводов на 14 языках и наречий - славянском, армянском, древнегреческом, новогреческом, грузинском, латышском, молдавском, немецком, персидском, польском, финском, французском, эстонском;
- переводы книг Библии, осуществленные усилиями самого Общества на 12 языков, в том числе на русский, калмыцкий, карельский, мордовский, монгольский, турецкий, татарский, чувашский и др.;
- библейские книги, либо купленные за границей либо полученные в дар, на 15 языках - английском, арабском, голландском, датском, еврейском, еврейско-немецком, еврейско-польском, испанском, итальянском, китайском, лапландском, латинском, португальском, санскритском, шведском.

К началу 1823 г. общее число языков, на которых распространялись библейские книги, достигло 41, а общее количество изданных экземпляров – 704831. О динамике роста масштабов деятельности Российского Библейского общества в период с 1813 по 1822 гг. свидетельствует следующая таблица:

Год	Напечатано	Распространено	Год	Напечатано	Распространено
1813	5295	3700	1818	57277	51098
1814	12583	4773	1819	72848	68464
1815	10620	11351	1820	80362	77837
1816	21319	19384	1821	83858	46792
1817	35661	28991	1822	176313	115214

Высокая активность просветительской деятельности Российского Библейского общества принесла ему широкую известность в христианском мире. Желание сотрудничать с ним выразили аналогичные общества целого ряда европейских стран -

шведское, датское, польское, американское, франкфуртское, кенигсбергское, гамбургское и др.

Несмотря на то, что Библейское общество действовало весьма успешно на ниве христианского просвещения русского народа, у него было немало противников, в том числе очень влиятельных, таких, как, например, генерал А.А. Аракчеев, президент Российской академии, адмирал А. С. Шишков. Их не устраивало то, что переводческая, издательская и распространительская деятельность осуществлялась не Церковью, не Синодом, а межконфессиональным Библейским обществом, членами которого были не только православные, но и католики, лютеране, светские лица. Шишков в связи с этим писал: «Не странны ли... в Библейских обществах наши митрополиты и архиереи, заседающие в противность апостольских постановлений вместе с лютеранами, католиками, кальвинистами, квакерами, – словом, со всеми иноверцами?»

Шишков выступал против перевода Библии на современный русский язык, так как считал, что такого языка нет. Есть лишь славянский язык в двух разновидностях – возвышенной (церковной) и вульгарной. Переводить Священное Писание на вульгарный диалект славянского языка, каковым он считал современный русский язык, – это его принижение и почти богохульство.

Одно из роковых заблуждений, пленниками которого оказались многие представители светской и церковной власти в России, состояло в предубеждении, будто широкое распространение Библии и возможности ее свободного толкования ведут к распространению вольномыслия и инаковерия. Так, Шишков считал, что если Библия будет в каждом доме, то темные простолюдины начнут использовать ее листы на обертки, а за непочтительным отношением к святыне последует распространение ересей и появление большого числа вольнодумцев и атеистов.

Противником распространения русского перевода Библии был и такой выдающийся государственный деятель, как М. М. Сперанский. Примечательно, что когда его дочь обратилась к нему с жалобой на трудность церковнославянского текста, тот посоветовал ей читать Библию на английском языке.

Происки противников Библейского общества привели к тому, что его глава, князь Голицын вынужден был в 1824 г. подать в отставку. Недруги добивались закрытия Библейского общества, обвиняя его в попытках подменить православие «всеобщим христианством» и в издании протестантской литературы.

Новый президент Общества, митрополит Серафим, отправил царю доклад, в котором писал: «Повели ныне же прекратить действия Библейских комитетов и закрыть их по всей империи». Царю подобная мера представлялась излишней. Однако, внешнее давление на него продолжалось и в результате он отдал распоряжение «задержать впредь до разрешения» уже напечатанную Библию на

русском языке. Деятельность Общества, которое к концу царствования Александра I имело уже более 280 отделений, комитетов и сотовариществ, оказалась фактически парализована.

После смерти Александра I на престол взошел Николай I. И почти сразу же, 12 апреля 1826 г. был издан указ о закрытии Библейского общества. Другим царским указом от 15 июля 1826 г. вся его собственность - деньги, дома, типографское оборудование, книги - была передана в ведение Синода. Распространение Нового Завета без параллельного славянского текста было запрещено. Уже переведенные книги Ветхого Завета не были допущены в продажу, а отдельные издания Пятикнижия Моисеева были уничтожены.

В России отсутствовало гражданское общество, представители которого могло бы твердо и веско заявить властям, что Библейское общество способствует благой цели, и что его ликвидация нанесет огромный вред делу духовного просвещения народа. Это обстоятельство и привело к тому, что Общество было уничтожено одним росчерком властного пера.

В Энциклопедии Брокгауза и Ефрона эта коллизия характеризуется путем сопоставления судеб Британского и Российского Библейских обществ и особенностей государственно-гражданских отношений в Великобритании и России: «Библейские общества возникли в стране [имеется в виду Англия. – В. Б.] с высоким политическим развитием, общественной свободой и сильно развитой общественной самодеятельностью. Когда основывалось Британское общество, оно прямо обратилось к самой публике и привлекло к себе ту часть ее, которая ему сочувствовала; у него явились добровольные и тем самым прочные и надежные сотрудники и приверженцы, которые дали ему средства и стали его опорой. В Англии нашлись и лица, которые враждебно взглянули на начинания Библейского общества; они тогда же заявили свою оппозицию, и общество с самого начала знало, с кем и из-за чего ему следует считаться. Но затем обе противные стороны стояли в пределах и под покровительством закона: правительство не думало вмешиваться и брать чью-либо сторону — время должно было разъяснить отношения и действительно их разъяснило, и Общество спокойно существовало и развивалось, оно существует и развивается и по сию пору. У нас дело становилось совершенно иначе. У нас Общество подобного рода могло существовать только при официальной санкции, и в настоящем случае эта санкция требовалась тем больше, что вмешательство частных и светских лиц в вопросы религиозные было делом неслыханным... Поэтому на первых порах Общество действует крайне осторожно, даже робко. Но случилось, что власть не только разрешила существование Общества, но вскоре и сама близко заинтересовалась им; это обеспечило ему блестящий успех. Успех был, однако, до значительной степени фиктивный, потому что именно интерес власти к делу Общества привел к тому, что в нем наряду с людьми искренними и убежденными появилась масса лицемеров, которые при других обстоятельствах едва ли стали бы много думать о Библии и христианской любви. Первые приверженцы библейского дела нашлись между первостепенными сановниками; они, естественно, стали действовать так, как привыкли действовать в своей официальной сфере. Общество должно было рассчитывать на участие публики, и, чтобы объяснить этой публике цель

Общества и пригласить ее к пожертвованиям, комитет нашел самым удобным подействовать на нее через "начальствующих особ, светских и духовных". Приглашение, полученное "начальствующими особами" в провинциях, подписано было главноуправляющим иностранных исповеданий, лицом сильным, пользовавшимся доверием императора, далее, "начальствующим особам" было известно из писем, газет или из самых сообщений, что в комитете Общества находятся также министр внутренних дел, министр народного просвещения, другие важные лица, обер-гофмейстер, сенаторы, а вскоре и первостепенные духовные лица, и этого было достаточно, чтобы комитет Библейского общества с первых минут стал в их глазах особым ведомством, очень сильным по лицам, его составляющим, и особенно по милостивому расположению и непосредственному участию самого императора, которое с особенной заботливостью выставлялось отчетами Общества. Воззвание к библейскому делу принимало вид административного циркуляра. Понятно, что циркуляр был исполнен и распоряжению дан должный ход. Что "начальствующие особы" считали воззвание почти обязательным, особенно в последующие годы, видно из того, как открывались провинциальные отделения, которые в несколько лет покрыли густой сетью всю Россию. Везде они открываются одним и тем же порядком, состояли из одних и тех же лиц: губернские власти, местный архиерей, гражданский губернатор или вице-губернатор, ректор семинарии, предводитель дворянства, соборный протоиерей, губернский прокурор, директор училищ, почтмейстер — непременно выбирали друг друга в комитет, и каждый по своему ведомству делал надлежащие распоряжения. Нечего и говорить, что их приглашения к библейскому делу принимались подчиненными с таким усердием, какого только можно было желать. Во всех внезапно обнаружилась ревность к Слову Божию и стремление просвещать "седающих в сени смертной" — как все стали теперь выражаться. Губернаторы начали говорить речи в собраниях своих губернских комитетов — совершенно похожие на проповеди, с текстами и славяно-церковным слогом; городничие и градские головы, капитан-исправники и становые пристава с успехом распространяли Священное Писание и доносили о том по начальству в благочестивых письмах, переполненных текстами. Таким образом, дело личного убеждения и добровольного выбора становилось исполнением приказа — и таких случаев было, конечно, множество. Такой порядок мог господствовать тем более, что пример подавали самые высшие инстанции: по епархиям вследствие высших распоряжений обязательно рассылались книги, для армии делались закупки по особым приказаниям. Пропаганда деятелей Б. общества распространилась, наконец, на учебные заведения и на детей. В особенности это имело место с 1818—19 г., когда стал заявлять свою ревность к библейскому делу Магницкий. Известно, до каких невозможных крайностей довел он свое библейское усердие в подчиненных ему Казанском университете и округе. В Казанском университете Магницкий, не покупая почти никаких книг для его библиотеки, приобрел, однако, на 10000 р. Библию и Новых Заветов; каждый студент обязан был иметь эти издания. Наконец, стали учреждаться формальные детские Библейские общества. Первым образчиком подобного общества было "Детское библейское сотоварищество", учредившееся в Одессе из воспитанников Ришельевского лицея и торжественно открытое 27 декабря 1818 г. А в начале 1821 г. попечитель Харьковского университета З. Я. Карнеев, масон Новиковской школы, устроил между студентами и учениками вверенного

ему университета "сотоварищество", занятия которого были очень похожи на начальные розенкрейцерские работы старого времени. Нет надобности говорить, что в Британском обществе не было ничего подобного этой официальной пропаганде и что она вполне была продуктом наших нравов. Британское общество было и осталось делом частных лиц, действовавших на тех же правах, какие были доступны всем, между прочим, и их противникам. Но у нас, когда власть стала относиться к Обществу иначе, тотчас же упал и весь авторитет, какой был этим путем приобретен, и само Общество стало как бы вне закона. Тогда получилась другая крайность: произошло то явление, что те самые вещи, которые в течение многих лет публично называемы были действием Божественной Десницы, знаком особенной милости Провидения, благословением для всего русского народа — стали вдруг называться крайним вредом и подкапыванием под церковь и государство».

Однако, полностью остановить начатое дело власти не смогли. Нашлись подвижники, профессор Павский, архимандрит Макарий и др., которые продолжили работу над переводом Библии. Потребовалось еще более десяти лет, чтобы полностью завершить начатый труд.

Прошло более тридцати лет после злополучного распоряжения Николая I о закрытии Библейского общества. В мае 1858 г., когда в воздухе витал дух больших грядущих перемен, император Александр II издал указ о возобновлении работы над изданием русской Библии. Теперь за это взялся Святейший Синод. Были привлечены лучшие российские научные силы. Учитывался опыт многих прежних переводов - древне-греческого (Септуагинты), латинского (Вульгаты), а также переводные тексты на сирийском, халдейском, арабском и др. языках.

С 1867 г. начали выходить отдельные книги Библии в новом переводе. Спустя почти десять лет, в 1876 году увидел свет полный текст Библии на русском языке. Он получил название «синодального перевода», поскольку на титульном листе отдельного внушительного тома, вмещавшего всю Библию, было напечатано: "Издается по благословении Святейшего Синода.

Этот перевод, появившийся в эпоху расцвета русской литературы, во времена И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, отличался высокими литературными достоинствами, которые по сей день сохраняют свое значение.

После появления Библии на русском языке следующей задачей стало донесение ее до простого народа, до самых отдаленных уголков огромной империи. Поскольку в те времена не существовало разветвленных библиотечных и книготорговых систем, эта задача оказалась очень трудной. На помощь пришло созданное еще в 1863 г. в Петербурге "Общество для распространения Священного Писания в России". Его сотрудники называли себя старинным словом "книгоноши".

Для распространения книг Священного Писания не подходили обычные книготорговцы, а требовались люди глубоко верующие,

отличающиеся благочестием, смирением и самоотверженностью. Этих качеств требовал их труд с постоянными разъездами, дорожными тяготами и неудобствами.

Среди книгонош были личности, поистине замечательные. Так шестидесятилетний О. Б. Форхгаммер распространил за десять лет, с 1863 по 1873 гг. пятьдесят восемь тысяч экземпляров книг Священного Писания. В одном из своих отчетов он писал: «В высшей степени утешительно видеть, что Новый Завет на русском языке самый лучший, самый успешный между ними миссионер».

Известная книгоноша Синклитикия Петровна Филиппова имела прозвище «старушка с книгами». Будучи в преклонном возрасте (ей было далеко за семьдесят), она распространила семнадцать тысяч книг Священного Писания. С книжной кошелкой она ходила по улицам и рынкам, посещала церкви, заводы, трактиры Петербурга.

Во второй половине XIX в. в Петербурге стали возникать другие религиозно-просветительские общества. Так, в 1872 г. с высочайшего позволения Александра II было учреждено «Общество друзей духовного просвещения». В 1876 г. В. А. Пашков и М. М. Корф основали «Общество поощрения духовно-нравственного чтения». Оно стало издавать переводные брошюры евангельского содержания. Вышли в свет до двухсот наименований брошюр, в том числе такие, как "Мытарь и фарисей", "Сегодня или никогда!", "Истинная радость", "Что вы думаете о Христе?", "Примирился ли ты с Богом?", "Два слова о Библии". Они распространялись по всей России.

Были переизданы известные книги Дж Буньяна - "Путешествие пилигрима" и "Духовная война", которые в свое время произвели сильное впечатление на А. С. Пушкина и который в своем стихотворении "Странник" поэтически изложил содержание первой главы "Путешествия пилигрима". Издавались духовные сочинения православных писателей – Тихона Воронежского, митрополита Михаила и др.

В апреле 1877 г. император Александр II издал указ, в котором высоко оценивался труд всех, кто участвовал в переводе книг Священного Писания на русский язык и в их издании. Государь также высказывал надежду, что Слово Божье будет способствовать укреплению народа в вере и благочестии, будущему процветанию империи и ее народа.

В 1882 г. по инициативе Пашкова и на его средства была издана русская Библия в каноническом составе. За восемь лет существования общества тираж изданных им книг и брошюр достиг нескольких миллионов. Всю деятельность по их изданию и распространению Пашков финансировал из своих личных средств. Эта христианская литература пользовалась огромной популярностью. В самых разных уголках России можно было встретить книгонош, предлагающих всем желающим Новый Завет и брошюры религиозного содержания.

Этот указ открывал широкие перспективы перед деятельностью библейских обществ и кружков, перед разными формами библейского, евангельского просвещения. Казалось, что не за горами христианский ренессанс, истинное религиозно-духовное возрождение России. Однако, последующие события политической жизни разрушили эти надежды и надолго приостановили христианско-просветительскую деятельность как в Петербурге, так и во всей стране.

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ О ЗЛОМ ДУХЕ БЕЗВЕРИЯ

Научный метод ученого-христианина

Одно из главных заблуждений современной социологии – это пренебрежение религиозными аспектами социологического знания. Неверно понимаемая суть социологической науки влечет за собой неверные знания о социальном мире. Возникают ложные картины социального мира и ложные модели социального человека. Между тем, социальный человек – это еще и человек религиозный, т. е. движимый не только материально-физическими потребностями, но и духовными мотивами, жаждущий высших смыслов и целей, выходящих за пределы осязаемых реалий.

Среди многообразия познавательных коллизий, наполняющих интеллектуальное пространство христианского дискурса, может быть обнаружена методологическая антиномия, в которой тезис утверждает, что христианство можно постичь только исходя из него самого, и в первую очередь из признания божественной природы Иисуса Христа». Антитезис же гласит, что христианство невозможно постичь, если исходить только лишь из него самого. Тезис требует, чтобы исследователь был верующим христианином и пребывал не вовне, а внутри той реальности, которая именуется христианским миром. Антитезис допускает пребывание исследователя, будь то философ, социолог, психолог, историк, вне веры, вне христианства, т. е. на позициях светской науки. При этом сторонники антитезиса могут апеллировать к теореме Геделя, которая в несколько упрощенном варианте звучит следующим образом: «Ничто не может быть понято и объяснено только лишь из самого себя».

Методологические сложности теоретической деятельности ученого-христианина прекрасно понимал Н. А. Бердяев. Но он же в полной мере сознавал тупиковость секулярных подходов к анализу социальных и духовных реалий, составляющих миры сущего и должного. Он отдавал себе отчет в том, что перед исследователем-

христианином стоят более сложные познавательные задачи, чем перед ученым-атеистом. И это оттого, что теоретическое сознание христианина устремлено в сдвоенное проблемное пространство, в котором мирское соседствует с сакральным, временное с вечным, земное с небесным.

Бердяев был убежден в том, что интеллектуальная миссия социальной аналитики заключается отнюдь не в том, чтобы загонять теоретическое сознание в узкие рамки когнитивной аскетики и иметь дело только с эмпирически осязаемой реальностью. У него перед глазами был печальный пример развития позитивистской социологии, которая добровольно лишила себя возможности свободных полетов над социальным миром. Ее апологеты, сосредоточившиеся на сборе подножного эмпирического корма, стали похожи на тех свифтовских человекоподобных существ, чьи позвоночники устроены таким образом, чтобы ходить, низко пригнувшись к земле. Будучи не в состоянии выпрямиться, поднять голову и взглянуть ввысь, позитивисты привыкли довольствоваться обзором лишь малых частей того брэнной социального мира, в котором человеку дано жить непосредственной жизнью.

Антипозитивистская мысль, контрсекулярная социология не просто связывает веру с разумом, объединяет библейские истины с истинами научными. Она содействует их взаимопроникновению и превращению в единый аналитический комплекс, позволяющий вполне успешно исследовать проблемное пространство социальной реальности. В этом пространстве для Бердяева существовали несколько проблемных сфер:

- 1) область разработки фундаментальных социально-теологических проблем;
- 2) сфера теоретических исследований, позволяющих реконструировать макросоциальную реальность в категориях христианского сознания;
- 3) область исследований индивидуальной духовно-практической жизни обладателей христианского и секулярного сознания в пределах их социальной повседневности.

Человеку свойственно устремляться к социальным целям, значимым для его религиозного сознания. В определенные исторические моменты энергия религиозного духа способна выступать как причинный фактор, как мощная социальная сила, инициирующая существенные сдвиги и перемены в социальной жизни малых и больших человеческих сообществ. Так возникает пространство, где религиозность трансформируется в социальность, в ее различные формы. Это пространство и представляло наибольший интерес для Бердяева как аналитика. При его исследовании мыслитель пользовался собственным методом и системой соответствующих аналитических принципов. Этот метод (назовем его теосоциологическим) позволял подводить теологические основания

под те умозрительные модели, при помощи которых мыслитель фрагментировал антропосоциальную реальность.

Основные свойства этого метода заключаются в следующем:

-во-первых, он опирается на базовые принципы библейской онтологии и предполагает, что первый и самый главный из них, догмат о бытии Бога, пребывает вне логики рассудочных доказательств, и не может быть опровергнут никакими рациональными средствами;

-во-вторых, данный метод ориентирован на то, чтобы учитывать существование не только конечного и преходящего, но и бесконечного, вечного, ноуменального, абсолютного, пребывающего в антропосоциальных явлениях и процессах, просвечивающего сквозь них и детерминирующего их существование;

-в-третьих, этот метод позволяет при объяснениях природы антропосоциальных явлений устремляться за пределы физической реальности в сверхфизическую сферу, заменяя принцип причинности принципом Провидения (Божьего Промысла).

Ставя перед собой задачи не столько описательного, сколько аналитического характера, Бердяев постоянно обнаруживал, что его подход к исследуемым антропосоциальным реалиям обладает высокой степенью эвристичности. Он ясно видел, что находится в более выгодном положении, чем исследователи-позитивисты. Личная вера выступала для него активным компонентом его оценочно-аналитического сознания, эффективным познавательным и интерпретационным инструментом. Она не сдерживала и не ограничивала его творческих возможностей, а стимулировала их, помогала исследовать фундаментальные духовные и социальные проблемы, не тратя сил, энергии и времени на блуждания среди заведомо ложных теоретических посылок секулярного характера.

Бердяев не был философом-систематиком. Ему свойствен стиль свободных рассуждений. Он имел склонность к афористической эссеистике. Роль же системообразующих факторов в его работах играли, как правило, острые религиозно-философские проблемы.

Сам он стал христианином уже после того, как прошел через атеизм, марксизм, социализм. Называя себя христианским писателем, он в своем зрелом творчестве уже не сходил с христианской стези и рассматривал все интересующие его духовные, социальные, этические, правовые проблемы сквозь призму христианского мирозерцательных принципов. Пребывая в некотором отдалении от традиционного византийско-русского православия, он тяготел к богоискательству и пытался по-своему осмысливать многие христианские идеи и принципы в надежде обнаружить в них новые, дополнительные эвристические ресурсы. При этом ему хотелось использовать тот интеллектуальный потенциал, которым располагала современная ему философская и социальная аналитика.

Мыслителем двигала убежденность в том, что христианское сознание чрезвычайно усложнилось и уже не может оперировать

только лишь старыми, традиционными представлениями. Кроме того, Бердяев считал, что догматическое развитие христианской Церкви еще не завершилось, и философия должна придти на помощь богословию, которое в условиях эпохи модерна оказалось в кризисе. Наконец, сама философия так же пребывает в состоянии, близком к кризисному, и самое лучшее, что она может сделать в сложившейся ситуации, - это прочно встать на христианские основания. Все это заставило самого Бердяева стать философом-христианином и тем самым противопоставить себя абсолютному большинству ученых эпохи модерна, обладавших сугубо секулярным мышлением и щеголявших своим атеизмом, именуемым неангажированностью.

Сущность секуляризма и дух Великого инквизитора

Одно из самых красноречивых определений сущности секулярного мышления родилось в известном диалоге между Наполеоном и Лапласом. Когда полководец спросил ученого, почему он, в отличие от Ньютона, в своих трудах не упоминается Имя Божие, то Лаплас ответил, что не нуждается в этой гипотезе.

Обладатели секулярного мышления, как правило, отвечают на подобные вопросы сходным образом, т. е. говорят о том, что, во-первых, для них существование Бога – не аксиома, а всего лишь гипотеза, а во-вторых, что им в их собственных теоретических моделях сущего и должного эта гипотеза представляется излишней.

Что касается, Бердяева, то для него секуляризм был неприемлем ни в мировоззренческом, ни в методологическом отношении. Философ постоянно убеждался, что человеческий дух, вставший на путь антропоцентризма и борьбы с христианством, возмечтавший о создании религиозно нейтральной науки, неизменно становится заложником самых нелепых домыслов, роковых ошибок и опасных заблуждений. Никакие, даже самые совершенные рациональные структуры не способны заменить ученому опыт веры и сопряженный с нею духовный потенциал. Именно поэтому секуляризм в науке, философии, социологии не может быть тотальным. Всегда находятся ученые, сознающие его мировоззренческую ограниченность и методологическую бесперспективность. К ним принадлежал и сам Бердяев.

В очерке, посвященном легенде о Великом инквизиторе из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», философ попытался обнажить зловещую суть парадигмы секуляризма. В глазах Бердяева, легенда Достоевского – это суровый и уничтожающий суд над соблазнами имперской государственности, над антихристианской природой земных царств. Но если смотреть шире, то Легенда – это еще и суд над секуляризмом и его темными соблазнами, побуждающими людей думать о возможности благополучного существования мира без Христа.

По мнению Бердяева, безбожный дух Великого инквизитора – это злое начало мировой истории, всегда присутствовавшее и в католичестве, и в православии, и во всех видах государственности, культуры, науки, в позитивизме, социализме, атеистическом гуманизме.

Мог ли истинно христианский дух поставить перед собой задачу «исправить подвиг» Христа? Для христианина даже сама мысль об этом невозможна. Он видит свое предназначение в том, чтобы следовать за Христом и пытаться в меру своих сил реализовать то, что Христос предписывает ему. Мысль «исправить Христа», как того желает Великий инквизитор, является мыслью антихристианской богоборческой. Этим путем идут европейские и российские позитивисты, в каждом из которых, сидит, по словам Бердяева, маленький Великий инквизитор.

Игнорировать данное обстоятельство невозможно, и Бердяев, учитывая его, формулирует основную всемирно-историческую антитезу как противоречие между миром с Христом и миром без Христа: «Два начала борются в мире: 1) начало освобождения всех существ мира от рабской зависимости, от необходимости, от навязанной извне закономерности, и соединения всех существ, всех частей мира путем любви в гармонию, в бытие вечное и безмерно содержательное и 2) начало продолжающегося атомизирования, внутреннего распада всех существ и частей мира и внешнее, кажущееся соединением путем насильственным, связывание путем необходимости. Торжество первого начала ведет по пути воссоединения мира с Богом, победы над смертью и утверждения бытия; торжество второго начала ведет по пути окончательного отпадения мира от Бога, по пути небытия и всепобеждающей смерти. Вселенская задача, которая в разные эпохи принимает разные конкретные формы, есть преодоление внутреннего разрыва и внешней связанности путем внутреннего соединения и освобождения от всякой необходимости» (Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. М., 1999. С. 79).

Секуляризму, несмотря на все его попытки выступать в качестве «антирелигии», это не удается. Он сам оказывается тоже религией, только с отрицательным знаком. И это происходит из-за того, что человек не в состоянии полностью вычеркнуть всё сакральное из своего существования. Он не может совершенно избавиться от необходимости каким-то образом относиться к сакральной реальности, размышлять о ней, оценивать ее. Поэтому даже те, кто считает себя атеистами, на самом деле таковыми не являются. Не принимая христианских святынь, они творят себе кумиров из земных реалий, создают идолов из земных авторитетов. Стоя на позициях позитивизма, материализма или нигилизма, они способны превращать в предмет поклонения то, что стоит за этими понятиями и верить в непогрешимость секулярных

мировоззренческих принципов. (См.: Бердяев Н. А. Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения. СПб., 1996. С. 95).

В глазах Бердяева секулярные типы мирозерцания, сомкнувшиеся на единой богоборческой основе, - это новая религия, «религия человеческого самообоготворения». Ее суть состоит в намерении навязать человечеству уверенность в том, что люди обладают полной и безусловной свободой, позволяющей им устроить свою жизнь без Бога, без размышлений о небе и вечности.

Секуляризм - это религия, имеющая собственное философское самосознание в виде атеизма, материализма, позитивизма, социализма и т. п. Ее характеризуют следующие признаки:

- Стремление устроить мировой порядок без Бога, помимо действия его законов и заповедей;
- Признание человечества в качестве высшей святыни;
- Отрицательный пафос, выражающийся в отсутствии творческого содержания и духовном убожестве планируемых перспектив;
- Скрытый или явный демонизм практических и духовных инициатив;
- Апология приземленной, плоской человеческой рассудочности, сочетающаяся с пренебрежительным отношением к Вечному Разуму.

И совсем не удивительно, что секуляризм обнаруживает способность вступать в отношения симбиоза с различными формами неоязычества. Не имея он сам глубинных религиозных оснований, эти взаимопроникновения были бы для него невозможны. Для Бердяева совершенно очевидно, что современный мир, лежащий во зле – это мир, изъывляющий одновременно готовность к богоборчеству и к тому, чтобы поклоняться идолам. Христианство за две тысячи лет своей истории так и не смогло победить ни безбожие, ни языческую стихию. Оно во многом вынуждено было приспособливаться к этому миру. «Языческое государство, языческая семья, языческая наука и искусство торжествовали в истории, и церковь противоестественно соединялась со всякой мирской силой, когда потухал огонь костров, на которых сжигались мировая культура и свобода. Не оказалось христианского пути истории, христианского решения проблем общественности и культуры. Христианство торжествовало лишь как индивидуальное религиозное настроение, лишь как путь индивидуального спасения... (Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. М., 1999. С. 49). Что же касается жизни социальной, политической, государственной, то в ней секуляризм и язычество занимали и до сих пор продолжают занимать прочные позиции, крепко держась друг за друга. При этом их самые страшные и отталкивающие формы обнаруживаются не там, где они активны и воинственны, а там, где они являют собой тихое, ползучее

антихристианство, пронизывающее все поры повседневности и омертвляющие живую ткань социальной материи.

Траектория движения секулярного гуманизма из Европы в Россию

Европа Нового времени, переживая кризис христианской веры, создала некую маргинальную форму духовности, в которой, как многим казалось, удалось соединить нравственный потенциал религии с требованиями трезвого, буржуазного прагматизма. Этой формой стал европейский секулярный гуманизм. В его основу легла антропоцентрическая модель мира, которая превращала христианство в нечто совершенно излишнее. Она позволяла измышлять самые разные формы секулярного гуманизма, в том числе достаточно утонченные и рафинированные. В полной мере этим воспользовались немецкие философы и в первую очередь Иммануил Кант. Однако, плоды творческих усилий этого философского кумира последующих поколений оказались удручающими. «Кант, - пишет Бердяев, - оставил человека перед страшной пустотой, отрезав путь к восприятию трансцендентных реальностей. Абсолютная истина как реальность, по Канту, недоступна человеку, религиозному реализму наступил конец, несчастному, беспомощному человеку оставлено лишь право усилием воли, волевой активностью, моральным действием самому создать религиозную действительность. Объективно утерянную веру нужно субъективно воссоздать. Христианские догматы, которые раньше воспринимались как реальная и объективная действительность, для современного сознания – утерянный рай. Но потребность в религии осталась, она необходима для жизни, для морали, и остается лишь возможность утверждать догматы-действия, догматы-моральные постулаты» (Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. М., 1998. С. 255).

Философия кенигсбергского мыслителя, дерзнувшего вместо Христа поставить в центр миропорядка человека, грезящего о духовной автономии, не содержала в себе ничего утешительного. Лишив его представлений о сверхчеловеческом центре сущего и должного, она фактически разрывала философское сознание, делала его добычей бесчисленных заблуждений, заводила в тупики волюнтаризма, рационализма, иррационализма, заставляла отрывать волю от разума, человеческое от сверхчеловеческого. В XX в. этим путем шли такие общепризнанные корифеи европейской философии как Мартин Хайдеггер, чье учение Бердяев назвал «католической теологией без Бога» (См.: Бердяев Н. А. Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения. СПб., 1996. С. 108), Жан-Поль Сартр, для которого человек – это всего лишь «кусочек грязи», а все его творчество – «гниль».

Подобное духовное падение европейской секулярной мысли объяснялось, в общем-то, просто: разорвав отношения с Богом, человек утратил тот главный, чистый, здоровый источник всего светлого и высокого, откуда он только и мог черпать творческую силу. Если у мыслителей, веровавших в Бога, таких, как Паскаль и Достоевский, человек предстал двойственным, поляризованным, святым и грешным, высоким и низким, то у атеистов Сартра и Фрейда он только низок. (См.: Бердяев Н. А. Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения. СПб., 1996. С. 301 – 302).

Бердяев не считал секуляризм исключительной особенностью европейской культуры. Россия так же не избежала этой духовной эпидемии. Еще в начале XX в., в 1909 г. Бердяев писал: «Общество наше атеистично, давно отпало от веры Христовой, но обязано лгать, выдавать себя за православное... Само правительство не имеет ничего общего с Христом, исповедует религию как государственную условность и полезность. Сама церковная иерархия явно отступила от Христа, иерархический принцип, принцип человеческого властолюбия поставила выше Бога и закона Его. Епископы по духу своему ничем не отличаются от губернаторов и директоров департаментов... В официальной церкви прекратилась творческая жизнь, она как бы не хочет исполнять обетований» (Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. М., 1998. С. 223). Многие российские философы и социологи отвергают Бога, отрицают господство божественное начало над человеческим существом. Этим они изымают краеугольный камень из основания того строения, которое называют творчеством и духовностью. «Если нет в человеке божественного элемента, возвышающегося над природой и обществом, то он целиком детерминирован природой и обществом и не может быть признан существом свободным и творческим» (Бердяев Н. А. Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения. СПб., 1996. С. 94)

Бердяев не отрицал, что секуляризм в XX веке стал совсем другим, непохожим на то, чем он являлся в XVIII и XIX вв. «В предшествовавшие два века было дневное безбожие просвещения, оно основано было на вере в верховенство разума. Говорю «вере», потому что существовала вера в разум, ныне пошатнувшаяся. Современное безбожие нужно характеризовать как безбожие ночное, отражающее тоску, ужас, безнадежность современного человека. Все стало более предельным, обнаженным... Раньше говорили: «Мир сам по себе хорош и бесконечно развивается, поэтому Бога нет и Он не нужен». Теперь говорят: «Мир плох и бессмыслен, никакого прогресса нет, поэтому Бога нет»... Богооставленность мира и человека делается главным инструментом против существования Бога. Бог как бы ушел от мира, и старое учение о Промысле вызывает насмешки и негодование. Люди думают, что выйти из тьмы и бессмыслицы они должны собственными силами, еще чаще думают, что выйти из тьмы

совсем невозможно» (Бердяев Н. А. Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения. СПб., 1996. С. 90 – 91).

Секуляризм в форме этатистского позитивизма

Сочетая в себе творческие дарования мыслителя-метафизика и проницательного социального аналитика, Бердяев уделял большое внимание проблемам государственности и права. При этом он был категорическим противником теоретической позиции, которую называл государственным позитивизмом. «Учения этого типа, - писал он, - видят в государстве источник права, за государством признают полноту и суверенность власти, санкционирующую и распределяющую права... Всякий государственный позитивизм признает абсолютность государства и относительность права, отъемлемость прав, подвергает их расценке по критериям государственной полезности» (Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. М., 1999. С. 101 – 102).

Это происходит из-за того, что идея власти и государственности рассматривается правоведами и социологами отвлеченно, сама по себе, как нечто самодовлеющее. Но подобный «государствоцентризм», «суперэтатизм» незамедлительно подводит людей к обоготворению государственной машины, к превращению ее в предмет поклонения - идола.

Этатистскому идолопоклонству противостоит идея права, имеющего своим источником не государство, а трансцендентную природу личности. Отражающее божественность человеческой природы, право не нуждается в санкции государства. Напротив, государство должно быть санкционировано правом и подчинено праву. Если государство есть выражение относительной человеческой воли, то право – это выражение воли абсолютной. Оно - часть вневечного Закона, начертанного Богом в сердцах людей. «Право есть свобода, государство – насилие, право – голос Божий в личности, государство – безлично и в этом безбожно... Государственная власть почти всегда цинична, на всякое напоминание о высшей правде она отвечает так, как ответил регент Мере пуританскому реформатору Ноксу: «Все это благочестивые бредни!» (Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. М., 1999. С. 103, 114).

Подобное извращение природы государства наблюдается в пределах цивилизации, которая долгое время считала себя христианской. К великому сожалению, христианству не удалось изменить природу западных государств. Будучи языческими, сохранившими в себе дух Древнего Рима, они таковыми и остались. Христианство вынуждено было приспособливаться к их языческой природе. Церковь стала их союзницей. Более того, она сама прониклась насильственным духом. «Византия, второй Рим,

воплотила идею абсолютного государства и обожествленного Кесаря, а в третьем Риме – России – идея эта достигла чудовищного выражения, явила пример кощунственного надругательства над Божьей заповедью» (Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. М., 1999. С. 73).

Подобные характеристики механизмов государственности могут быть отнесены к государству не просто секулярному, но откровенно безбожному. Такое государство стремится присвоить себе всю полноту власти. Более того, оно, выступая в качестве абсолютного начала, не желая ограничивать себя ничем высшим, желает, чтобы его народ относился к нему как ко «второму Богу».

Между тем, подобная модель есть не что иное, как чудовищное извращение самой природы государства. По своей сути государство призвано противостоять угрозе хаоса и распада, борясь с изначальным мировым злом. Но для этого оно не должно приносить в жертву своим властным амбициям человека, его достоинство, свободу и права.

Не государство является источником прав человека. Существует иная, высшая сила и воля, которая эти права установила, придала им такие свойства, как безусловность и неотъемлемость. Бог и только Он является высшим источником права. Государство – только посредник между Богом и правом. Оно – инструмент, которому Бог позволяет исполнять регулятивные, управленческие, дисциплинарные функции. И секулярное государство, правители которого этого не понимают или не хотят понимать, - аномалия, девиация, обрекающая себя на кризисы, революции, катастрофы.

Подобный вывод касательно роковой роли секуляризма в мировой и российской истории, политике, культуре был для Бердяева не только плодом научно-теоретических изысканий, но и результатом непосредственных наблюдений за устрашающими судорогами, сотрясавшими социальное тело мировой цивилизации XX века. То была плата за апостасию. Бог, от Которого отступились народы и государства, попустил и оставил «постхристианскую цивилизацию» наедине с силами тьмы, которые незамедлительно принялись за дело. И если для философов-атеистов природа и сущность глобальных социальных катастроф оставалась неясной, то Бердяеву она была совершенно понятна. Позиция мыслителя-христианина давала ему в руки ключ от этой и многих других загадок мировой истории.

ХРИСТИАНСТВО И ЛИТЕРАТУРА

ДОСТОЕВСКИЙ: ПУТЬ К ХРИСТУ И ХРИСТИАНСКОМУ РЕАЛИЗМУ

Ф. М. Достоевский не скрывал глубокой противоречивости своего личного религиозного опыта и неоднократно признавался, что на протяжении всей жизни мучился вопросом о существовании Бога и что чем больше его разум приводил доводов "против", тем сильнее была в его сердце жажда веры.

В конце 1860-х гг. в русле этой важнейшей коллизии внутренней жизни писателя у него возник замысел романной эпопеи под названием "Атеизм". Ее главный герой, выступавший художественным "alter ego" автора, должен был пройти через горнило тех же мучительных вопросов и сомнений. Сама эпопея должна была стать грандиозной русской теодицеей.

В 1869 г. в письме А. Н. Майкову Достоевский писал, что жизнь главного героя задуманного романа предстанет как история борения с собой, история падения и воскрешения, а сам герой будет напоминать вольтеровского Кандида с той, однако, существенной разницей, что его странствия станут совершаться преимущественно в сфере духа.

Позднее проект "Атеизма" трансформировался в замысел сверхромана "Житие великого грешника". Частичными воплощениями последнего стали романы "Бесы", "Подросток" и "Братья Карамазовы". В их содержании важное место заняли "настоящие русские вопросы" - о существовании Бога и бессмертии.

Тексты Достоевского, в том числе и его криминально-философские романы, при всей их художественно-эстетической значимости, не самодостаточны и нуждаются в теологическом прочтении. Однако, еще при жизни писателя представители атеистических литературно-критических направлений пытались рассматривать его творчество в сугубо материалистическом, позитивистском ключе, игнорируя присутствующую в нем богословскую проблематику. Эта линия стала затем господствующей в советском литературоведении. В атмосфере большевизма даже такие крупные, самобытные исследователи, как М. М. Бахтин, не имели возможности, при всей их любви к Достоевскому, уделять должное внимание его теологическим идеям. Только богословы, писатели, литературоведы русского зарубежья, остававшиеся свободными в своих мировоззренческих и творческих пристрастиях, имели возможность рассматривать идейно-творческий мир Достоевского в его целостности и приближаться вплотную к его богословским смыслам.

Самым важным в реализме Достоевского являлось то, что это был христианский реализм. С. Фудель верно заметил, что «христианство Достоевского в искусстве – это не речи проповедника. Это почти не определяемая локально, но всегда ясно ощущаемая общая точка зрения на мир, какой-то луч света, откуда-то сбоку

освещающий темное царство его художественных трагедий. Попадая в стихию его больших романов, мы знаем, что мы вошли в стихию христианского миропонимания, мы стали видеть и понимать мир по-христиански, что в этом аду нас сопровождает Вергилий, христианское чутье которого адекватно его чутью художественному» (Фудель С. Явление Христа и современность // Ф. М. Достоевский и Православие. М., 1995. С. 249).

Достоевского можно считать создателем собственной художественной христорографии. Он вынашивал замысел написать книгу об Иисусе Христе, но не успел реализовать его. И хотя его христорография не обрела своего полного художественного осуществления, она представляет значительный интерес богатством задействованного в ней теологического и художественного материала.

2

Причина ярко выраженного интереса Достоевского к личности Христа заключалась в особенностях жизненной и творческой судьбы писателя. С ним произошло примерно то же, что и с его героем Дмитрием Карамазовым. И литературный герой, и его создатель испытали на себе исцеляющую силу страдания, которое сыграло роль фактора, возвращающего индивидуальное «я» в христианский духовный контекст.

В «Братьях Карамазовых» Митя поначалу предстает как русская модификация европейского романтического героя. Это кутила, картежник, дуэлянт, которому образы Гете и Шиллера гораздо ближе евангельских образов. Все меняется после того, как он воображает, что от его удара железным пестиком погиб слуга Григорий. Сознание Мити начинает стремительно погружаться в мир христианских смыслов бытия. Теперь романтические цитаты уже не припоминаются и не воспроизводятся. Доминирующая роль переходит к евангельским образам и символам, к мотивам христианских молитв, исполненных неподдельного, отнюдь не игрового, драматизма

Сходная дианойя-метанойя (перемена души и ума) произошла с самим Достоевским в результате пережитых страданий. Обращение к Христу совершилось на каторге. «Это не так скоро произошло, а постепенно», - писал Достоевский впоследствии в «Дневнике писателя» за 1873 год. Нечто подобное он изобразил в заключительных сценах «Преступления и наказания», где Раскольников, находящийся на каторге, державший Евангелие под подушкой и не раскрывавший его, в конце концов берет его, раскрывает и начинает читать.

В 1854 г., когда Достоевский уже чувствовал, что Христос, как главное путеводное начало, вошел к нему в душу и в его творческое сознание, он записал: «Верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не

только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т. Л., 1978. Т. 28, ч. I. С. 176).

Достоевскому, пережившему каторгу, нужен был истинный Христос, а не такой, как у Э. Ренана и Д. Штрауса. Его чрезвычайно занимала тема «Христос и современность». Вместе с тем, писатель понимал, что она требовала к себе особого подхода, который отвечал бы и экзистенциальным запросам человека переходной эпохи, и важнейшим теологическим критериям.

Далеко не случайно то, что почти все крупные герои Достоевского проходят через сходные переживания мизантропического характера. Писатель словно намеренно заставлял их решать те духовно-нравственные задачи, которые для него самого имели первостепенную значимость. Но если сам он никогда не переступал роковой черты, за которой неприязнь к ближнему превращалась в практическое, буквальное, натуральное изничтожение этого ближнего, то наиболее одиозные из его героев прошли полностью этот страшный путь, совершив тяжкие преступления.

В теме преступления для Достоевского сошлись, словно в фокусе, все самые крупные вопросы человеческого бытия, касающиеся Бога и дьявола, свободы и смерти, вины и ответственности, судьбы и воздаяния. Внимание к темным сторонам человеческого существования не помешало ему обрести нравственный идеал, которым для него стал Христос. В Нем писатель увидел живительный источник светлого, благодатного опыта, веры, надежды, любви, без которых жизнь оборачивается нравственной гибелью во мраке мизантропии.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И ЕГО ПОЭМА «ГЛОССОЛАЛИЯ»

1

Русский писатель, поэт, религиозный мыслитель Андрей Белый (его настоящее имя Бугаев Борис Николаевич) поначалу пошел по стопам своего отца Николая Бугаева, профессора математики. Он поступил на физико-математический факультет Московского университета, где его отец был деканом. Однако гуманитарно-художественные наклонности юноши оказались столь сильными, что заставили его в течение трех лет посещать лекции профессоров филологического факультета в качестве вольнослушателя.

После окончания университета молодой поэт создал кружок московских «младосимволистов». В начале 1900-х гг он взял себе псевдоним Белый, внешне простой, но в действительности обладающий глубоким религиозно-эстетическим смыслом. В свете эстетики символизма белый цвет – это синтетическое единство всех цветов спектра, символизирующее полноту бытия. Но это еще не все: белый цвет служит символом преданности христианской истине.

Белый-поэт производил на тех, кто встречался с ним в петербургских литературных салонах и слушал его выступления, неоднозначное впечатление. Сохранились разные оценки, в которых он фигурировал как гений, ясновидец, шут, сумасброд, шарлатан. Один их современников, издатель С. М. Алянский так передал одно из своих впечатлений: «Я почти ничего не понимал, но темперамент и страсть, которые Белый вкладывал в свою двухчасовую речь, музыкальный ритм этой речи держали меня в необыкновенном напряжении. Это был какой-то бешеный шквал, который обрушился на меня. Напрягая все свои душевные и умственные силы, я пытался следить за мыслью Белого. Возбужденный, с воспаленными, сверкающими глазами Белый стремительно бегал из угла в угол, стараясь в чем-то меня убедить. Длинные волосы на его голове развевались как пламя. Казалось, что вот-вот он весь вспыхнет – и все кризисы и мировые катастрофы разразятся немедленно и обломки их похоронят нас навеки. Голова ходила кругом, хотелось скорее на воздух» (Алянский С. М. Встречи с Александром Блоком. М., 1972. С. 53).

После известных политических событий 1905 года Белый заинтересовался социальными идеями народнического, анархистского и социал-демократического характера. Он прочел «Капитал» К. Маркса. Личный антигосударственный нигилизм поэта достиг апогея в его собственном имени, где он повел соответствующую пропаганду среди крестьян и где полицией на него была составлена докладная записка с характерным названием: «О подстрекательстве помещика Б. Н. Бугаева к разграблению собственного имущества».

В 1907 г. Белый покинув Россию и оказался в Париже. Примечательным эпизодом его парижской жизни стала прочитанная им лекция «Социал-демократия и религия». Ее пафос заключался в стремлении доказать, что у религиозного подвижничества и социальной борьбы одна, общая цель – созидание справедливого социального порядка, подчиняющегося нормам религии, морали и права.

С 1910 по 1916 гг. Белый много путешествовал, посетил Палестину, Египет, Тунис. Вернувшись в Россию, он встретил революцию с противоречивым чувством страха и надежды. Поэт увидел в ней, с одной стороны, национальную катастрофу, а с другой – драматический катарсис, открывающий возможность духовного преображения. Стремясь к этому преображению, он преподавал в

одной из студий Пролеткульта, активно участвовал в работе Вольной Философской Ассоциации.

В 1920-е гг. Белый начинает испытывать на себе усиливающееся давление коммунистического режима. Продолжая работать как писатель, он к тому времени уже перестал существовать как религиозный мыслитель.

2

Белому был близок теургический подход к жизни и культуре. Греческое понятие *theurgia* производно от соединения слов *Theos* – Бог и *ergon* – работа. Оно позволяет понимать все проявления жизни как чудесные свидетельства присутствия Бога в мире. Этот подход был основательно развит в учении Владимира Соловьева. Для Белого он послужил основанием выстраивания учения о символизме как всеобъемлющей религиозно-философской конструкции, характеризующей все стороны духовно-практической жизни мира, цивилизации и человека.

Символ для Белого – это универсальная философско-культурологическая категория, вмещающая бесконечное разнообразие смыслов. Через нее открывается путь к продуктивному разрешению противоречий между творческими устремлениями человека и его религиозным опытом.

Мир – это средоточие множества различных символов самого разного качества и масштаба. Так, например, музыка выступает символом мировой гармонии, свидетельством присутствия Бога во Вселенной. В силу своей чрезвычайной вместимости ни один из символов до конца не познаваем. Содержание любого из них может приоткрыться либо через чувственно воспринимаемый образ, либо через рациональную идею.

Белый отчетливо сознавал, что христианство содержит в себе необозримый по своим возможностям созидательный потенциал, который можно с успехом использовать во всех областях жизни и культуры. По его глубокому убеждению, идея человеческого совершенствования обрела в христианстве особый характер, который наиболее точно передают слова апостола Павла: «И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20).

Бесконечный Бог, войдя в человеческое сердце, открывает перед личностью невиданные духовные перспективы. Христианам дано чувствовать это отчетливее, чем кому бы то ни было. Поэтому Белого удручало то равнодушие к этим перспективам, которое демонстрировала православная Церковь. Он видел засилье формально-обрядовых элементов, в чрезмерной ритуализованности религиозно-церковной жизни серьезное препятствие, мешающее реализации той духовной энергии, которой насыщено учение Христа.

В то же время поэт с симпатией относиться к богоискательским инициативам, которые демонстрировали представители “нового религиозного сознания”. «Нигде, - писал он, - революционный пафос не достигал такой напряженности, как в тех нападках, которыми новое религиозное сознание обрушивается на историческую церковь. Неудивительно, что в стремлении доказать религиозную правду своих идей они должны обратиться к свободному человеческому сознанию. Они берут человека, и только человека, независимо от национальных и классовых предрассудков” (А. Белый. Социал-демократия и религия // Перевал. 1907, № 5. С. 28).

3

В 1913 – 1914 гг. увидело свет самое известное творение Белого - роман «Петербург», в котором он продолжил традиции фантастического реализма, представленные в творчестве Э. Т. А. Гофмана, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского. Этот роман свидетельствовал о том, что Белый распрощался со своими революционными иллюзиями: в сюжетной ткани «Петербурга» отчетливо проступила мысль о том, что организованный противоправный мятеж, именуемый революцией, и сопутствующий ей жестокий террор, чудовищно нелепы и бессмысленны. Они не способны спасти Россию, но готовы ее погубить.

Апокалиптический настрой романа и то состояние духа, в котором писатель его создавал, точно передают строки его стихотворения «Отчаяние», написанного в 1908 г.

Довольно, не жди, не надейся, -
 Рассейся, мой бедный народ!
 В пространство пади и разбейся,
 За годом мучительный год.

Века нищеты и безволя...
 Позволь же, о, родина-мать,
 В сырое, в пустое раздолье,
 В раздолье твое прорыдать.

Где в душу мне смотрят из ночи,
 Восставши под сетью бугров,
 Жестокие, желтые очи
 Безумных твоих кабаков.

Туда, где смертей и болезней
 Лихая прошла колея,
 Исчезни в пространстве, исчезни,
 Россия, Россия моя!

В романе, действие которого происходит в 1905 г., Белый выступает исследователем глубинной метафизической основы той стихии, в которой рождаются политические преступления, разрушающие российскую государственность. И в этом смысле он движется следом за автором романа «Бесы». Его интересуют причины политического терроризма и провокаторства. Но главное, на чем сосредоточено творческое сознание писателя, - это тема отцеубийства. Главный герой романа, Николай Аблеухов приближается к тому, чтобы совершить террористический акт, убить из политических соображений своего отца – видного члена правительства, сенатора.

В образах героев романа узнаются черты реальных лиц российской политической истории. Сенатор Аблеухов напоминает обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева и одновременно убитого террористами министра внутренних дел В. К. Плеве, а провокатор Липпанченко – известного эсеровского террориста и агента охраны Е. Азефа.

Сюжетные коллизии романа указывают на то, что страна приближается к некой роковой черте, за которой ее поджидает падение в бездну, где уже не будет ни морали, ни права, а будут властвовать бесы, одетые в «красное домино».

Впоследствии, в 1924 г. Белый создал на основе романа пьесу «Гибель сенатора (Петербург)». Эта историческая драма была поставлена на сцене МХАТа-Второго. Писатель планировал написать и киносценарную версию романа, но по разным причинам не смог реализовать свое намерение в полном объеме.

На протяжении предреволюционных лет Белому удалось заложить основания собственной религиозно-культурологической концепции, которую он в годы творческой зрелости мог бы развернуть в целостное учение, вписывающее в контекст христианской традиции. Но гибель императорской России и российского культурного мира надломили его дух, и масштабный творческий проект так и остался незавершенным.

Находясь в начале 1920-х гг. в Берлине Белый написал ряд статей, в которых констатировал: гибель цивилизованной российской государственности, распад всех ее структур состоялись. Одновременно высказывалась надежда на то, что только духовное, творческое начало способно вернуть к жизни то полумертвое социальное тело, в которое превратилась Россия.

Своеобразным эпиграфом к истории духовных исканий и размышлений Белого о судьбе российского государства и русского народа могли бы служить его стихотворные строки:

Роковая страна, ледяная,
Проклятая железной судьбой –
Мать Россия, о, родина злая,

Кто же так подшутил над тобой?

4

Особое место в творчестве Белого занимает поэма в прозе под названием «Глоссолалия. Поэма о звуке». Написанная в 1917 г., она была впервые опубликована в 1922 г., в Берлине. Сам поэт характеризовал ее как «импровизацию на несколько звуковых тем», как «фантазию звукообразов», где за субъективностью импровизаций скрыт их вне-образный, несубъективный корень.

Белый тонко чувствует все, что происходит в мире звуков. Для него звуки – это «древние жесты в тысячелетиях смыслов», Через них до человека доводятся тайны древнейших душевных движений. Звуки связаны с жестами, которые есть «юные звуки еще не сложившихся мыслей, заложенных в теле».

Заслуживает внимания то, как Белый воспринимал первоначальное звучание ветхозаветных слов. Библия представлялась ему древним горнилом, в котором выковывался инструмент миропознания. Ему хотелось, чтобы слова Ветхого Завета были видимы и осязаемы. «Тогда мы пойдем, - писал он в «Глоссолалии», - что вставало перед мудрым евреем в звучаниях Библии; Берешит бара Элогим эт хишамаим Бэт харец [«В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1, 1) – В. Б.]. Целый мир возникал, возникали картины, подобные возникающим у порога к сверхчувственной тайне; проникновение в Библию – чрез углубление в звук; необходимо умение углублять; необходимо умение наблюдать. – «Берешит» - звук свободен от знаков понятий, покрывших его, от метафор, от корня: и то – бе, ре и шит; то – пылающий пламенный; надо кинуться в пламенный звук, как в пещь Даниила; остаться нетронутым в ней; и представление огромного шара и жара возникнет: и свет, будто солнечный центр, вдруг блеснет: внутрь себя; мировая ткань «мира в начале» появится образом пара, огней, раскаленных, бушующих, воспламененных субстанций – лик Духа, творящего бурную и калимую ткань; эта ткань – мировой кипяток, - как покров на том Духе; представление громадного жара и шара воистину станет нам ясным покровом, переливчатым, как перламутр, и прозрачным, как воздух; сквозь него точно демоны глухонемые, - на нас Элогимы стремят безглагольные взоры свои; и творят нам «Начала»: то было «в начале» земли, в «берешит».

«Берешит» - вот три звука: бэт, реш и шит; бэт в душе мудрецов вызывало энергию действий, прикрытых покровом; энергию действия в скорлупе... в перламутре из пламеней; реш вызывало огромные облака Духов, творящих внутри оболочки и устремляющих безглагольные взоры на нас; шит являло потоки стремящихся сил – страстных сил, устремленных наружу; в звуке шит есть задор – вот какая картина вставала еврею первейшими звуками

первоположенной книги: звуки Библии есть особый язык; если душу расплавить, прояснится он; и – откроется путь к пониманию Библии».

Глоссолалия имеет два измерения. В первом своем значении, евангельском, христианском, она есть говорение, побуждаемое действием Духа Святого. У Белого она, однако, представляет собой нечто иное. Для него, как поэта, глоссолалия – это вербальное самообнаружение бессознательного, которое выступает ничем не стесненным, не обремененным осмысленными формами, не ограниченным какой-либо лексической нормативностью. Оставалось только постичь эстетическую значимость этой рвущейся наружу стихии.

«В ней, - писал о «Глоссолалии», - русский мыслитель В. Н. Ильин, - Андрей Белый в XX веке и в секулярном плане проводит очень важную тему, до сих пор не решенную комментаторами посланий св. ап. Павла. Дело в том, что в состоянии высших и напряженных форм экстаза, главным образом религиозно-мистического, как у язычников, так и у христиан, наблюдается совершенно особый феномен, названный самим св. ап. Павлом «глоссолалией», а св. ап. Марком образным выражением «будут говорить новыми языками» (Марк. 16, 17). Обычно принято под этим разуметь относительно естественный феномен глаголения на языках существующих, но до данного момента не известных тому, кто внезапно и чудесным образом заговорил на них. Однако, есть, несомненно, и другой феномен, к которому собственно и относится термин «глоссолалия» - это глаголение на языках абсолютно новых, которые можно и должно при особых обстоятельствах назвать не только человеческими, но и ангельскими (1 Кор. 13, 1). Это особые языковые феномены для выражения идей, чувств и переживаний, которые недоступны обычной членораздельной речи. Возможно, что пришедшие в экстаз или энтузиастический восторг лица даже сочетают в своей речи как обычный человеческий язык, так и ангельскую глоссолалию... Глоссолалия и особенно символическая глоссолалия есть неизменный спутник настоящего искусства слова. С этим и связана главная и бессмертная заслуга Андрея Белого как в теоретическом плане, так и в плане художественных реализаций... Стихия Андрея Белого по преимуществу дионисическая, если угодно – по симпатиям и по бессознательным и подсознательным стихийным влечениям исключительно дионисическая, которая в русских условиях а тем более в условиях имперско-церковных, в условиях соединенных творческих оформляющих сил трона и алтаря превращается в атеизм и анархию, в разрушительный танец, сопровождаемый нечленораздельными примитивно-глоссолалическими воплями... К этому Андрея Белого тянуло с неотразимой силою. Это и легло в основу его близких к гениальности, хотя мрачной и зловещей, обоих романов – особенно «Серебряного голубя». Этот последний и словно в дополнение к нему написанный

теоретический очерк о глоссолалии хочется перечитывать постоянно – верный признак очень большого дарования» (Ильин В. Н. Эссе о русской культуре. СПб., 1997. С. 274 – 275, 276 - 277).

Примечательно, что в первую очередь Белого интересует то бессознательное, которое пребывает вне Бога, существует само по себе. Однако там, где нет Бога, господствует, как известно, другая, противоположная сила. Поэтому голоса бессознательного оказываются в таких случаях ничем иным, как устрашающим гулом, доносящимся из сумрачных глубин инфернального, демонического мира.

Не видя в глоссолалии сакрального смысла и не пытаясь его в ней обнаружить, Белый стремится придать ей натуралистически-космогонический пафос. Его эстетическое сознание как бы погружается в естественную стихию бессознательного, звуки которого в их первоначальном виде напоминают желудочное урчание. Но поскольку последнее обстоятельство Белого не устраивает, он прилагает огромные усилия к тому, чтобы эстетизировать этот звучащий хаос.

«Глоссолалия» - не христианская поэма. В ней очень много того, что Белый почерпнул из теософии. Антропософия Рудольфа Штейнера побудила его погрузиться в новый для него проблемный мир, где главенствовало бессознательное. Увлечение идеями Штейнера оказалось столь сильным, что Белый даже признавался, будто «доктор Штейнер» стал лучшей частью его души, и что в какое-то время он даже не мог отделить в содержании собственного «я» «свое» от «штейнеровского».

Несмотря на увлечение антропософией, Белый не стал противником христианства. Многие в его творчестве свидетельствуют о совершившейся внутри его творческого «я» борьбе христианского и антропософского начал.

Вряд ли можно согласиться с философом К. Свасьяном, который ставит в заслугу Белому его антропософские увлечения и считает, что тот обрел, благодаря им, собственный стиль в литературе. Впрочем, понять философа можно: с позиций секулярного литературоведения все равно, кто и что движет поэтом. Важны лишь плоды его творческих усилий. Бог или дьявол, ангелы или бесы водят его пером – это не существенно. Главное, чтобы перо было талантливим.

Эта логика внехристианского мышления давно известна. Прискорбно лишь то, что губительная сила подобной религиозной неразборчивости и этической беспринципности мэтров критики лишила способности противостоять темным демоническим соблазнам, разрушила и омертвила такое множество поэтических душ, что ими можно заселить целый круг дантовского ада.

МУЗА ЛЕРМОНТОВА В ПЛЕНУ ДЕМОНИЧЕСКИХ СОБЛАЗНОВ

Лермонтов был художником-романтиком, испытавшим на себе влияние Дж. Байрона, Ф. Шиллера, А. С. Пушкина. Его влекли образы незаурядных личностей с гордыми душами - одиноких героев, неустрашимых корсаров, демонических преступников, вольнолюбивых узников, отважно противопоставлявших себя всему миру. Молодой поэт не просто подражал Байрону, но видел в нем родственную душу, сознавал ее глубокое сходство со своим внутренним миром. В стихотворении 1830-го года он писал:

Я молод; но кипят на сердце звуки,
И Байрона достигнуть я б хотел;
У нас одна душа, одни и те же муки, -
О, если б одинаков был удел!..

Как он, ищу забвенья и свободы,
Как он, в ребячестве пылал уж я душой.
Любил закат в горах, пенящиеся воды
И бурь земных, и бурь небесных вой.

Как он, ищу спокойствия напрасно,
Гоним повсюду мыслию одной.
Гляжу назад – прошедшее ужасно;
Гляжу вперед – там нет души родной!

Благодаря кавказским впечатлениям байронические настроения, романтические грезы поэта облеклись в новые художественно-эстетические формы. Под влиянием этих впечатлений родились поэмы «Мцыри» и «Демон» с их ярким кавказским колоритом.

Значительная часть романтических образов Лермонтова – поэтические свидетельства того духовного одиночества, в котором пребывал поэт. А само это одиночество, в свою очередь, было следствием того, что в его внутреннем мире доминировала гордыня и не было прочных связей с Богом. У него отсутствовало ощущение Божьего присутствия в своей жизни. Его вера имела пульсирующий характер и походила на мерцающее пламя догорающей свечи: она то вспыхивала ярким светом, то едва теплилась и почти гасла. При ее вспышках рождались стихотворения, подобные «Молитве» 1837 года. Когда же она покидала поэта, его внутренний мир погружался в сумрак, и в нем начинали властвовать демонические образы.

Это состояние было мучительно, и не существовало оснований, позволявших винить в нем кого-нибудь, кроме самого себя:

**Находишь корень мук в себе самом,
И небо обвинять нельзя ни в чем.**

Отсутствие глубокой веры, состояние отстраненности от Бога привели к тому, что демоническая тема стала одной из доминирующих в творчестве Лермонтова. Поэт давал себе в этом отчет, но менять что-либо не желал. Не пытаясь противостоять натиску демонических умонастроений, находя в них нечто пьянящее и притягательное, он пытался их поэтизировать:

**И гордый демон не отстанет,
Пока живу я, от меня,
И ум мой озарять он станет
Лучом чудесного огня;
Покажет образ совершенства
И вдруг отнимет навсегда
И, дав предчувствия блаженства,
Не даст мне счастья никогда.**

Сознавая, что он находится в плену темных сил, из-под власти которых ему не вырваться, и в то же время памятуя о существовании Бога, поэт готов был предпринять безумный в глазах христиан шаг – молить Всевышнего о том, чтобы ему было позволено и далее пребывать во мраке:

**Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей Твоих струя;
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далеко от Тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К Тебе ж приникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, Боже, не тебе молюсь.**

Поэтическая демонстрация подобных деформаций духовного «я» была в новинку для русской литературы. Позднее, на Западе, этот феномен обнаружится в творчестве Ламартина, Бодлера и ряда других

поэтов. Но в русской литературе он так и останется в статусе скорее исключения, чем правила.

Особый, романтический настрой лермонтовской музыки сохранялся даже в тех его стихотворениях, где воспроизводились сугубо библейские сюжеты. Ему принадлежит стихотворение «Пророк», которое критики часто ставят в один ряд с одноименным стихотворением А. С. Пушкина. В теме пророческого служения Лермонтова в наибольшей степени привлек мотив противостояния одинокой личности грубой толпе духовно чуждых ей людей.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой

«Смотрите, вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что Бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!

Следует признать, что герой Лермонтова мало похож на библейского пророка. В его образе на передний план выступает не миссия служения Богу, а его отшельничество. Он изображается не пламенным обличителем тех, кто отвернулся от Бога, а презренным изгоем.

Критики (Э. Эгеберг) обратили внимание, что в «Пророке» есть строфы, напоминающие библейское описание пророка Елисея: «Когда он шел дорогою, малые дети вышли из города, и насмеялись над ним, и говорили ему: иди, плешивый! Иди, плешивый! Он оглянулся и увидел их, и проклял их именем Господним. И вышли две медведицы из леса, и растерзали из них сорок два ребенка» (4 Цар. 2, 23 – 24).

У Лермонтова нет буквального воспроизведения этой ситуации. Но это еще больше подчеркивает отличие его героя от библейского пророка. Он, несомненно, мельче: в нем не чувствуется той силы духа, которая была в израильских пророках. Сохранена лишь фабула противостояния личности и общества, одиночки и массы.

Впрочем, иначе и не могло быть. Поэт не стоял на той духовной высоте, которая сопряжена с верой, и потому не располагал той творческой силой, которая позволила бы ему создавать образы, подобные библейским. И когда некоторые авторы говорят о присущем самому поэту пророческом даре, эти слова следует расценивать как

литературные гиперболы - преувеличения действительных масштабов его творческого духа.

Несмотря на явную затемненность своей внутренней жизни, Лермонтов не был убежденным богоборцем. От приверженности демонической теме страдал в первую очередь он сам. Он не ведал душевного покоя, почти не знал истинных и светлых радостей. Его редко посещало смирение. Когда же такие минуты приходили, то в эти мгновения рождались его лучшие стихотворения, свидетельствовавшие о том, что христианская душа в нем еще не погибла. Именно ее голос мы слышим в стихотворении «Молитва»:

**Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред Твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,**

**Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой Заступнице мира холодного.**

Примечательно, что поэту легче было говорить о Боге и Его святынях тогда, когда речь шла не о нем самом, а о ком-то другом. Так обстояло дело с «Казачьей колыбельной песней» (1838), в которой звучат материнские слова:

**Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся Богу,
Ставь перед собой.**

В исключительные мгновения духовных просветлений поэта посещало стремление к покаянному примирению со всем сущим. Сосуд его великой души вмещал очень многое, и ему дано было испытать сладость молитвенного освобождения от мирской скверны:

**В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.**

**Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.**

С души все бремя скатится,
Сомненье далеко –
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

Но, к сожалению, подобные состояния редко посещали Лермонтова. Поэтических свидетельств тому сохранилось не так уж много.

Точную и глубокую оценку личности Лермонтова, его дара и трагической судьбы дал Владимир Соловьев: «Мы знаем, что как высока была степень прирожденной гениальности Лермонтова, так же низка была его степень нравственного усовершенствования. Лермонтов ушел с бременем неисполненного долга – развить тот задаток великолепный и божественный, который он получил даром. Он был призван сообщить нам, своим потомкам, могучее движение вперед и вверх к истинному сверхчеловечеству, - но этого мы от него не получили... У Лермонтова с бременем неисполненного призвания связано еще другое тяжкое бремя, облегчить которое мы можем и должны. Облекая в красоту формы ложные мысли и чувства, он делал и делает еще их привлекательными для неопытных, и если хоть один из малых сих вовлечен им на ложный путь, то сознание этого, теперь уже невольного и ясного для него, греха должно тяжелым камнем лежать на душе его. Обличая ложь воспетого им демонизма, только останавливающего людей на пути к их истинной сверхчеловеческой цели, мы во всяком случае подрываем эту ложь и уменьшаем хоть сколько-нибудь тяжесть, лежащую на этой великой душе» (Соловьев В. С. Литературная критика. М., 1990. С. 290 – 292).

Проживи Лермонтов дольше, то, вероятно, перешагнув через бурную юность, мятежную молодость, вступив в пору зрелости и обретя истинную мудрость, он освободился бы от морока демонических настроений, и миру мог бы явиться гениальный поэт-христианин.

ИНФЕРНАЛЬНАЯ ПОЭТИКА «ЦВЕТОВ ЗЛА»

Французский поэт Шарль Бодлер (1821-1867) родился в семье шестидесятилетнего бонапартиста Жозефа-Франсуа Бодлера, который умер, когда сыну было шесть лет. Отчимом Шарля стал офицер Опик, будущий генерал и военный комендант Парижа.

Юноша учился в колледжах Лиона и Парижа. Не стремясь к получению университетского образования, он заявил матери и отчиму, что будет поэтом. Их реакцией на его беспорядочный образ жизни была отправка Шарля в дальние французские колонии.

К двадцати трем годам Бодлер растратил половину наследства, оставшегося ему от отца. Мать с отчимом установили над ним через суд пожизненную опеку. Во время революции 1848 г. бунтарский характер Бодлера вывел его на баррикады. После появления книги «Цветы зла» против автора было возбуждено дело и начато судебное разбирательство. В августе 1857 г. суд вынес приговор об уплате денежного штрафа и запрете публиковать ряд стихотворений сборника.

Французский философ Альбер Камю назвал Бодлера «поэтом преступления», сумевшим придать злодеянию, этому «закону мира», поэтическое обрамление и взрастившим на почве имморальной эстетики свой поэтический цветник зла.

Всю свою сознательную жизнь Бодлер, подобно сатане из поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай», штурмовавшему небо и бастионы Бога, атаковал укрепления здравого смысла, нападал на нормы морали и стереотипы благопристойности. И хотя его воинствующий негативизм не нарушал норм уголовного права, творческое «я» поэта существовало в атмосфере разнообразных воображаемых «мыслепреступлений», которые под его пером превращались в рифмованные «словопреступления».

Бодлер всю жизнь ускользал от обращенных к нему призывов и требований общества - от необходимости учиться и получить университетское образование, от семьи и семейных обязанностей, от чиновничьего поприща и гнета служебного долга. Огибая преграды и оказываясь вне досягаемости общественных кодексов морали, Бодлер взрастил свои «Цветы зла» и протянул их публике.

Подобно змию-искусителю, он взывал к читателям в «Эпиграфе к осужденной книге»:

Невинный, честно-близорукий
 Читатель благонравных книг,
 Брось этот горестный дневник
 Греха, раскаянья и муки.

Когда у Сатаны в науке
 Ты совершенства не достиг,
 Брось, не поймешь ты этот крик
 И скажешь: он блажит от скуки.

Но если, трезвый ум храня,
 Ты в силах не прельститься бездной,
 Читай, чтоб полюбить меня.

Брат, ищущий в наш век железный,
 Как я, в свой рай неторный путь,
 Жалей меня... Иль проклят будь!

Стихотворный сборник «Цветы зла» явил собой откровенную апологию темных, разрушительных, проявлений жизни. В нем поэт открыто демонстрирует, что он на стороне не Бога, а дьявола, поддерживает силы не добра, а зла. В его поэтическом мире царит злая воля, сеющая вокруг себя разрушения и толкающая человека к злодеяниям.

Вместе с тем негативизм Бодлера не всеобъемлющ: искусство, поэзия продолжают оставаться для него предметами поклонения. Он не позволяет духу распада проникнуть в его стихотворные формы и превратить материю стиха в подобие органической материи, изображенной им в стихотворении «Падалъ». Ему всегда удавалось облечь представления о хаосе, разложении, безобразных пороках и чудовищных преступлениях в безупречные эстетические формы. На этой напряженности контрастов между безобразием содержания и красотой формы, держится поэтический мир Бодлера, творца и разрушителя в одном лице.

Бодлер явился одним из создателей эстетики символизма. В его поэзии высокая художественность сочеталась с откровенным имморализмом, прославлением зла, воспеванием насилия и преступлений. Он стал создателем поэтической дьяволодицеи: его «Цветы зла» – это не просто стихотворное «оправдание дьявола»; это дифирамбы и гимны в честь «трижды величайшего» «Демона Трисмегиста».

Подобные восхваления оказались возможны только потому, что душа поэта пребывала во власти темных наваждений. Сам он воспринимал их гнет как должное и только изредка сетовал, как, например, в стихотворении «Непоправимое»:

В простом театре я, случалось, наблюдал,
 Как, по веленью нежной феи,
     Тьму адскую восход волшебный побеждал,
     В раскатах меди пламенея,
 В простом театре я, случалось, наблюдал,
 Как злого Сатану крылатое созданье
     Ликуя, повергало в прах...
 Но в твой театр, душа, не вхоже ликованье.
     И ты напрасно ждешь впотьмах,
 Что сцену осветит крылатое Созданье.

В стихотворении «Осенняя мелодия» поэт рассказывает о грядущем нисхождении своей души в ад:

В моей душе – зима, и снова гнев и дрожь,
 И безотчетный страх, и снова труд суровый;
 Как солнца льдистый диск, так, сердце, ты замрешь,

Ниспав в полярный ад громадою багровой!

Множественно он говорит о том, что воображает себя в бездне ада, где «хаос погребен». Для него небо молчаливо и пусто, Бог мертв, а красота, вместо того, чтобы быть атрибутом Творца, становится принадлежностью дьявола, спутницей пороков и преступлений.

Структуры внутреннего мира поэта столь чудовищно деформированы, что вид неба вызывает у него ассоциации с крышкой склепа, под которой страшно находиться и нечем дышать:

**О Небо! черный свод, стена глухого склепа,
О шутовской плафон, разубранный нелепо,
Где под ногой шутов от века кровь текла,**

**Гроза развратника, прибежище монаха!
Ты – крышка черная гигантского котла,
Где человечество горит, как груда праха!**

Французский философ Жан-Поль Сартр писал о Бодлере как о «словопреступнике»: «Его деяния и деяния заурядного преступника различаются между собой подобно черной мессе и атеизму. Атеист не беспокоит себя мыслью о Боге, раз и навсегда решив, что он не существует. Но жрец черной мессы ненавидит Бога, потому что Он достоин любви, глумится над Ним, потому что Он достоин уважения; он направляет всю свою волю на отрицание установленного порядка, но в то же время сохраняет и более, чем когда-либо, утверждает этот порядок. Прекрати он хоть на мгновение – и его сознание снова придет в согласие с собой. Зло разом превратится в Добро, и, минуя все порядки, имеющие источником не его самого, он вынырнет в «ничто», без Бога, без оправданий, с полной ответственностью» (Цит. по: Батай Ж. Литература и зло. М., 1994. С. 30).

Любимым чтением Бодлера были песни «Ада» из «Божественной комедии» Данте Алигьери. Характерно, что первоначальное название книги «Цветы зла» было иным – «Лимбы» (у Данте Лимб – это первый, предварительный круг Ада).

Обращает на себя внимание и сходство формы первого издания «Цветов зла», состоящих из ста пронумерованных стихотворений, со ста песнями дантовской поэмы.

Существует также смысловое сходство между «Вступлением» к «Цветам зла» и вступительной песней «Ада». Близки символические языки двух поэтов. Данте говорит в начале поэмы о том, что, пройдя половину жизненного пути, он оказался в состоянии глубокого внутреннего кризиса, когда душа ощутила, что ее опутали грехи, представшие в образах рыси (сладострастия), льва (гордыни) и волчицы (алчности). О сходных пороках, но представших в еще более устрашающих образах, говорит и Бодлер. При этом его пафос

противоположен дантовскому: он не ищет спасения от пороков, а готов еще глубже погрузиться в inferнальную (адскую) бездну зла, где его поджидают и «рой демонов безумных», и «зверинец всех страстей». Навстречу им «опять путем греха, смеясь, скользит душа». При этом Бодлер открыто взывает к дьяволу, рассчитывая на способность того убаюкивать разум и совесть человека:

Сам Дьявол нас влечет сетями преступления
И, смело шествуя среди зловонной тьмы,
Мы к Аду близимся, но даже в бездне мы
Без дрожи ужаса хватаем наслажденья.

Сцены дантовского «Ада» напоминает стихотворение «Маяки», выполненное как своеобразный поэтический обзор истории мировой живописи. У О. Мандельштама в его эссе «Разговоры о Данте» есть мысль о том, что если бы сюжеты картин Эрмитажа ожили и слились воедино, то возникло бы нечто, напоминающее дантовский Ад. Это очень похоже на то, что Бодлер изобразил в «Маяках», где у него смешались между собой картины буйств рубенсовской обнаженной плоти, льдистая сумрачность иномирных ландшафтов Леонардо, зрелища предсмертных страданий микеланджеловских мучеников, мглистый мир рембрандтовских страдальцев, заточенных в нем, как в тюрьме, а также пестрые «вихри легких душ» с куртуазно-фривольных полотен Антуана Ватто, сцены гнусных шабашей ведьм и чудовищ Франсиско Гойи, и совершенно дантовские образы, усмотренные в живописи Эжена Делакруа: «Вот крови озеро; его взлюбили бесы».

У Бодлера была своя Беатриче, которую звали Жанна Дюваль. Любовь к ней стала для поэта проклятием всей его жизни, легла на него тяжким бременем, от которого он не имел сил освободиться. Это была женщина—«вампир», «чудовище», «злая сила», «черный смерч». К ней он обращал слова страшных проклятий: «Ты, бездной адскою, ты, небом проклятая». Он признавался, что неоднократно мечтал убить ее, но не делал этого, каждый раз успевая удержаться у роковой черты:

Все смертных семь Грехов возьму и наточу,
И эти семь Ножей, с усердьем иноверца,
С проворством дикаря в твое всажу я Сердце –
В трепещущий комок, тайник твоей любви, -
Чтоб плачем изошел и утонул в крови.

Остро ощущая текучесть времени, Бодлер особенно любил вечерние сумерки. Приход ночи всегда совпадал для него с пробуждением внутри его существа чего-то мрачного, зловещего, ищущего выхода наружу и жаждущего жертв:

**Вот вечер сладостный, всех преступлений друг.
Таясь, он близится, как сообщник; вокруг
Смыкает тихо ночь и завесы, и двери,
И люди, торопясь, становятся – как звери!**

Сумерки – это не столько время отдыха от дневных трудов, сколько пора пробуждения злых демонов порока и разврата, когда раскрываются двери игорных домов и притонов. В зловещих недрах городских урочищ рождаются и зреют зародыши ночных преступлений. Их совершат те, кого не страшат ад и возмездие, чьи мысли и чувства свободны от сомнений и мук совести, кто отгорожен от божественного света барьером духовной слепоты.

В описаниях отношения Бодлера к людям вообще и к женщинам, в особенности, преобладают некрофильские метафоры. Ими насыщены стихотворения «Цветов зла»: «моя душа мне – гроб»; «мой дух, гремя, как барабан, несется с маршем погребальным»; «как с гробом бледный труп сливается, сгнивая» и т. п.).

Стихотворение «Разрушение» имеет вид поэтической исповеди Бодлера, из которой становятся ясны истоки его столь мрачного мироотношения:

**Мой Демон - близ меня, - повсюду, ночью, днем,
Неосязаемый, как воздух, недоступный,
Он плавает вокруг, он входит в грудь огнем,
Он жаждой мучает, извечной и преступной.**

**Он, зная страсть мою к Искусству, предстает
Мне в виде женщины, неслыханно прекрасной,
И, повод отыскав, вливает грубо в рот
Мне зелье мерзкое, напиток Зла ужасный.**

**И, заманив меня – так, чтоб не видел Бог,-
Усталого, без сил, скучнейшей из дорог
В безлюдье страшное, в пустыню Пресыщенья,
Бросает мне в глаза сквозь морок, сквозь туман
Одежды грязные и кровь открытых ран, -
Весь мир, охваченный безумством Разрушенья.**

Роль Бодлера в европейской поэзии сопоставима с ролью Фридриха Ницше в европейской философии. Оба они стояли у истоков культуры модерна. Сходны не только их творческие позиции, но и судьбы. Личная жизнь обоих отличалась неустроенностью. Ни у того, ни у другого не было семьи. Оба пренебрежительно относились к общественному мнению и охотно шли на сознательный эпатаж читающей публики. Для обоих характерны неверие в Бога,

нигилистические умонастроения и откровенные дифирамбы духу разрушения. Обоих медленно подтачивала тяжелая венерическая болезнь и поджидало погружение во мрак безумия.

Финал жизни Бодлера был печален. В 1866 г. сорокапятилетнего поэта разбил паралич: он лишился дара речи, утратил способность к нормальной умственной деятельности и через год умер.

СОДЕРЖАНИЕ РАНЕЕ ОПУБЛИКОВАННЫХ ВЫПУСКОВ АВТОРСКОГО ЖУРНАЛА В. А. БАЧИНИНА «ХРИСТИАНСКАЯ МЫСЛЬ»

Том I

АКТУАЛЬНОЕ ХРИСТИАНСТВО

Проект социальной концепции евангельских церквей России, входящих в Ассоциацию христианских церквей «Союз христиан»

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЕВАНГЕЛИЗМА

Новгородское «окно в Европу» и несостоявшаяся русская Реформация

ХРИСТИАНСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Притча о сеятеле как введение в христианскую социологию

В чем нуждается Россия – в гражданской религии или в христианской идее? (Выступление за Круглым столом «Объединяющая идеология России XXI века». Академия наук России. Санкт-Петербургское отделение. 26.12.2003)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ

Политическая теология: любовь к Христу и любовь к политике

О социально-политической доктрине католической церкви эпохи модерна

ВИЗАНТИЗМ И РУССКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Византизм и византизм

Ф. И. Тютчев и Николай I: прожект неовизантийской империи

АНТРОПОСОЦИОЛОГИЯ

Русские религиозные типы: царь Петр I

Тело, душа и дух перед судом гендерной социологии

ХРИСТИАНСКОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Митрополит Филарет и его социально-правовые идеи

Владимир Соловьев: социальная миссия права – не дать миру превратиться в ад

Том II

БИБЛИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

БИБЛЕЙСКИЙ ИНТЕРТЕКСТ – ПЕРВИЧНОЕ ОСНОВАНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

ХРИСТИАНСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

ПОПЫТКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА МОЛИТВЫ

СЕРГЕЙ БУЛГАКОВ – ХРИСТИАНСКИЙ СОЦИОЛОГ

О КРИЗИСЕ СОВРЕМЕННОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ И ОБ ОДНОМ СЦЕНАРИИ ВЫХОДА ИЗ НЕГО

РЕЛИГИОЗНО-ГРАЖДАНСКАЯ ЖИЗНЬ В РОССИИ

ЛОРД Г. РЕДСТОК И ГЕНЕРАЛЬША Е. И. ЧЕРТКОВА (ИСТОКИ ЕВАНГЕЛЬСКОГО ПРОБУЖДЕНИЯ В АРИСТОКРАТИЧЕСКОМ ПЕТЕРБУРГЕ)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ

ТЕОЛОГИЯ И ТЕОКРАТИЯ ЖАНА КАЛЬВИНА

РУССКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ТИПЫ

КНЯзь ВЛАДИМИР: «ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ», ИЗ ЯЗЫЧЕСТВА В ХРИСТИАНСТВО

ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ДУХОВНОСТЬ НИЛА СОРСКОГО

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

ХРИСТИАНСКИЕ И СЕКУЛЯРНЫЕ ЭНЦИКЛОПЕДИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ХРИСТИАНСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ТЕОЛОГИЯ ГРЕХА И РЕЛИГИОЗНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП «ПОДПОЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА»

РЕЛИГИОЗНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

ДУХОВНЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТЫ ИКОНОПОЧИТАНИЯ И ИКОНОБОРЧЕСТВА

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЛИЦА И ЖИВОПИСНЫЕ ПОРТРЕТЫ (ВВЕДЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКУЮ АНТРОПОЛОГИЮ)

Том III

ЕВАНГЕЛИЗМ И ВИЗАНТИЗМ

ЕВАНГЕЛЬСКОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ В ПЕТЕРБУРГСКОМ ВЫСШЕМ СВЕТЕ (ПОЛКОВНИК В. А. ПАШКОВ, ГРАФ М. М. КОРФ, МИНИСТР А. П. БОБРИНСКИЙ И ДРУГИЕ)
АРНОЛЬД ТОЙНБИ О РУССКОМ ВИЗАНТИЗМЕ

ХРИСТИАНСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

АНТРОПОСОЦИОСФЕРА НОВОГО ЗАВЕТА
О БИБЛЕЙСКОЙ ДЕВИАНТОЛОГИИ
ТАЙНА БЕЗЗАКОНИЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ МАРТИНА ЛЮТЕРА
ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВЛАСТИ
ФЕНОМЕН ХАРИЗМАТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В ТЕОЛОГИИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

ХРИСТИАНСТВО И ПОЛИТИКА

ТЕРРОР КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕМОНИЗМА (Взгляд из прошлого в настоящее)

ХРИСТИАНСТВО И ФАШИЗМ

ХРИСТИАНСТВО И ПРАВО. Словарь понятий, имен, событий

АБОЛИЦИОНИЗМ

АБОРТ
АКТ ВЕРОТЕРПИМОСТИ
АНТИСЕМИТИЗМ
«АПОЛОГИЯ АУГСБУРГСКОГО ИСПОВЕДАНИЯ»
АУГСБУРГСКИЙ МИР
«АУГСБУРГСКОЕ ИСПОВЕДАНИЕ»
БОГОХУЛЬСТВО
БОЖЕСТВЕННОЕ ПРАВО КОРОЛЕЙ
БОЖЕСТВЕННЫЕ ЗАКОНЫ
БОНХЁФФЕР
БРЕСТСКАЯ УНИЯ

АНТРОПОЛОГИЯ

АНТРОПОЛОГЕМА БЕЗУМИЯ

ХРИСТИАНСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

О ЖИВОПИСНОЙ ХРИСТОЛОГИИ И МАРИОЛОГИИ

Том IV

БИБЛИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОЛОГИЯ

АНТРОПОСОЦИОЛОГИЯ НОВОГО ЗАВЕТА

ФИЛОСОФИЯ И АПОСТОЛ ПАВЕЛ

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЕВАНГЕЛИЗМА

ЕВАНГЕЛЬСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В ИМПЕРАТОРСКОМ ПЕТЕРБУРГЕ (Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ О ФЕНОМЕНЕ ЛОРДА РЕДСТОКА)

ПРОБЛЕМЫ ПРАВА, ПОЛИТИКИ И ЭКОНОМИКИ В ЕВАНГЕЛЬСКОМ ХРИСТИАНСТВЕ ИВАНА ПРОХАНОВА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК СФЕРА ДЕЙСТВИЙ БОГА И ЛЮДЕЙ

СЛОВАРЬ ХРИСТИАНСКОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

ВАНДАЛИЗМ РЕЛИГИОЗНЫЙ
ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ
«ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ»
ВЕРООТСТУПНИЧЕСТВО
ВИЗАНТИЙСКОЕ ПРАВО
ВИНА
ВОЙНА
ВОРОВСТВО
ВСЕДОЗВОЛЕННОСТЬ
ВСЕМИРНЫЙ СОВЕТ ЦЕРКВЕЙ
«ВСЕОБЩАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА»
ВТОРОЙ ВАТИКАНСКИЙ СОБОР
СОЦИОЛОГИЯ И ХРИСТИАНСТВО
ПИТИРИМ СОРОКИН КАК СОЦИОЛОГ И ХРИСТИАНИН
ХРИСТИАНСТВО И КУЛЬТУРА

СИМВОЛ, АЛЛЕГОРИЯ И МЕТАФОРА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И САКРАЛЬНЫХ
ТЕКСТАХ

ХРИСТИАНСТВО И ТЕАТР
О РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИВОПИСИ (КАРТИНЫ РЕМБРАНДТА КАК УРОКИ ВЕРЫ)
МИСТИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА ПЕЙЗАЖА И НАТЮРМОРТА

Том V

**СЛОВАРЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОЛОГИИ И ПРАВОВОЙ
СОЦИОЛОГИИ**

ГЕНОЦИД РЕЛИГИОЗНО МОТИВИРОВАННЫЙ
«ГОЛУБЫЕ ЗАКОНЫ»
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЦЕРКОВЬ
ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЕЗБОЖИЕ
ГОСУДАРСТВО
ГРАЖДАНИН
ГРАЖДАНСКАЯ РЕЛИГИЯ
ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
ГРИГОРИАНСКАЯ РЕФОРМА
ГРОЦИЙ
ГУГЕНОТЫ
«ДЕКЛАРАЦИЯ ВЕРОТЕРПИМОСТИ»
«ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ»
«ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА»
ДЕКРЕТАЛИЯ
«ДОМОСТРОЙ»
ДУХОВЕНСТВО
«ДУХОВНЫЙ РЕГЛАМЕНТ»
ЕВРАЗИЙСТВО
ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО
ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ В РОССИИ
ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
ЗАКОН
ЗАКОН О ГАРАНТИЯХ
ЗАКОНЫ ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ
ИЕЗУИТЫ
ИМПЕРИЯ
ИНДЕПЕНДЕНТЫ
ИНДУЛЬГЕНЦИЯ
ИНКВИЗИЦИЯ
КАЗНЬ
КАИНОВА ПЕЧАТЬ
КАНОНИЧЕСКОЕ ПРАВО
КАПЕЛЛАН
КВАКЕРЫ
КОНГРЕГАЦИОНАЛИЗМ
КОНТРЕФОРМАЦИЯ
КРИМИНОЛОГИЯ РЕЛИГИОЗНАЯ
ЛЕВЕЛЛЕРЫ
ЛИБЕРАЛИЗМ
ЛИБЕРАЛИЗМ ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ
ЛИБЕРТИНЫ
МАСОНСТВО
МЕДИАЦИЯ
МЕННОНИТЫ
МЕСТЬ
МЕТОДИЗМ
МИЛАНСКИЙ ЭДИКТ
МИССИОНЕРСТВО
МОИСЕЕВО ПРАВО
МОЛОКАНЕ
МОНАРХИЯ
МОНАШЕСТВО
МОРАВСКИЕ (ЧЕШСКИЕ) БРАТЯ
«МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ»
НАКАЗАНИЕ
НАНТСКИЙ ЭДИКТ
«НОМОКАНОН»
НОРМАТИВНАЯ СИСТЕМА
НОРМЫ РЕЛИГИОЗНЫЕ
НУНЦИЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР
ОБЫЧАЙ
ОРДАЛИЯ

ОТЛУЧЕНИЕ ОТ ЦЕРКВИ
 ПАЛОМНИЧЕСТВО
 ПАПА РИМСКИЙ
 ПАРТИИ ХРИСТИАНСКИЕ
 ПАТРИАРШЕСТВО
 ПАЦИФИЗМ ХРИСТИАНСКИЙ
 ПЕРВОРОДСТВА ПРАВО
 ПОМАЗАНИЕ
 ПОРЯДОК
 ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
 ПРАВО
 ПРАВО РЕЛИГИОЗНОЕ
 ПРЕСТУПНОСТЬ
 ПРИВИЛЕГИИ ДУХОВЕНСТВА
 ПРОИЗВОЛ
 ПРОСТИТУЦИЯ

Том VI

СЛОВАРЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОЛОГИИ И ПРАВОВОЙ СОЦИОЛОГИИ

РАДИКАЛИЗМ
 РАСКОЛ
 РАСШИРЕНИЕ ПРАВ КАТОЛИКОВ В АНГЛИИ
 РЕЛИГИОЗНО-ЦЕРКОВНЫЕ ИНСТИТУТЫ
 РЕФОРМАЦИЯ
 СВОБОДА
 СВОБОДА ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ
 «СВОД КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА»
 СВЯТОТАТСТВО
 СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ НАСИЛЬСТВЕННАЯ
 СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ ПРАВА
 СЕКУЛЯРНОЕ ПРАВО
 СЕМЬЯ
 СИМФОНИЯ ВЛАСТЕЙ
 СИНОД
 СИСТЕМА ПРАВА
 «СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ»
 СОБОРНОСТЬ
 СОБСТВЕННОСТЬ
 СОВЕСТЬ
 СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК
 СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА
 СПРАВЕДЛИВОСТЬ
 «СТОГЛАВ»
 СТРАСТЬ
 СТРАШНЫЙ СУД
 СУД
 СУД ОБЩЕСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЙ
 СУД ПРИСЯЖНЫХ
 СУД ТРЕТЕЙСКИЙ
 СУД ЦЕРКОВНЫЙ
 ТЕОКРАТИЯ
 ТЕРРОРИЗМ
 ТЮРЬМА
 УБИЙСТВО
 ФУНДАМЕНТАЛИЗМ
 ЦЕЗАРОПАПИЗМ
 ЦЕЛИБАТ
 ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ
 ЦЕРКОВЬ
 ЧЕЛОВЕК ЮРИДИЧЕСКИЙ
 ЧЕТЫРЕ ДУХОВНЫХ ЗАКОНА
 ШПЕЙЕРСКИЕ РЕЙХСТАГИ
 ЭВТАНАЗИЯ
 «ЭДИКТ О ВЕРОТЕРПИМОСТИ»
 ЭКСТРЕМИЗМ РЕЛИГИОЗНЫЙ
 ЭКУМЕНИЗМ
 ЭНЦИКЛИКА
 ЮРОДСТВО
ХРИСТИАНСТВО И СОЦИОЛОГИЯ
 ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ
 О СОЦИАЛЬНОМ МЫШЛЕНИИ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА
 СЕКУЛЯРИЗМ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО «ВЕЛИКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ДЕПРЕССИИ»

Том VII

БИБЛИЯ И КУЛЬТУРА

ОБРАЗ ДОМА БОЖЬЕГО В БИБЛИИ И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ

СОЦИАЛЬНАЯ МЫСЛЬ В ХРИСТИАНСТВЕРАННЯЯ ЦЕРКОВЬ И ЕЕ СОЦИАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ: ПИСАНИЯ МУЖЕЙ АПОСТОЛЬСКИХ
ПРАКТИЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСТВО ИОАННА АРНДТА
ДВА ТИПА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ – СЕКУЛЯРНАЯ И ХРИСТИАНСКАЯ**ХРИСТИАНСТВО И СОЦИОЛОГИЯ**

СОЦИОЛОГИЯ – ДЕТИЩЕ КЛАССИКИ ИЛИ МОДЕРНА?

ТЮРЕМНОЕ СЛУЖЕНИЕ В РОССИИ

РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

ЛЕВ ТОЛСТОЙ ОБ ИИСУСЕ ХРИСТЕ

НЕПРАВОСЛАВНОЕ ХРИСТИАНСТВО ДМИТРИЯ МЕРЕЖКОВСКОГО

ХРИСТИАНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

АНТРОПОЛОГИЯ – НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ

КАТЕГОРИЯ АРХЕТИПА В ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ И ХРИСТИАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

ФЕНОМЕН АСКЕТИЗМА В ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

БИБЛЕЙСКИЙ БИОГРАФИЗМ И ЕГО СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

ВНЕШНИЙ И ВНУТРЕННИЙ ЧЕЛОВЕК

ФЕНОМЕН ВОЛИ В ТЕОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

О СЕКУЛЯРНОМ ГУМАНИЗМЕ

ГОРДЫНЯ И ДЕРЗОСТЬ - АТРИБУТЫ ПАДШЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ

КОГДА РАЗУМНОСТЬ И СВОБОДА ОБРАЩАЮТСЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕКА?

ТЕОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ СТРАХА

ХРИСТИАНСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

КУЛЬТУРА БАРОККО И МУЗЫКА БАХА

ВООБРАЖЕНИЕ ХУДОЖНИКА

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО В БИБЛИИ И В ИСКУССТВЕ

«БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ» - ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ЗАГРОБНОМУ МИРУ

«ДЕМОНИАНА» МИХАИЛА ВРУБЕЛЯ

ЮЛИЯ КРИСТЕВА: ДЕРЗКИЕ ВЫЗОВЫ СЕКУЛЯРНОГО МЫШЛЕНИЯ

Том VIII

БИБЛИЯ И КУЛЬТУРА

ИЗРАИЛЬСКИЙ ПРОРОК И ГРЕЧЕСКИЙ ФИЛОСОФ: ДВА ТИПА МЕНТАЛЬНОСТИ

ОДНО ЗАМЕЧАНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНО ПОНЯТИЯ «ОСЕВОГО ВРЕМЕНИ» И МЕСТА ХРИСТА В МИРОВОЙ
ИСТОРИИ (Против Карла Ясперса)**СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ПРОТЕСТАНТИЗМА**АССОЦИАЦИЯ «СОЮЗ ХРИСТИАН»: ВКЛАД В СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА**ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

АНТИХРИСТИАНСКИЙ ГЕНОЦИД: ПРЕДОСТЕРЕГАЮЩИЕ УРОКИ ИСТОРИИ

ХРИСТИАНСТВО И СОЦИОЛОГИЯ

ХРИСТИАНСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ

ПРОСТИТУЦИЯ И РЕЛИГИЯ

АЗБУКА БИБЛЕЙСКОЙ ЭТИКИ

ВЕТХОЗАВЕТНАЯ И НОВОЗАВЕТНАЯ ЭТИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ

ОДУХОТВОРЕННОСТЬ ГАРМОНИИ И СОВЕРШЕНСТВА

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ГЛУПОСТЬ «БОЛЕЗНЬЮ, ОТ КОТОРОЙ НЕТ ЛЕКАРСТВА»?

ГНЕВ ПРАВЕДНЫЙ И НЕПРАВЕДНЫЙ

ФОРМУЛА ДЕПРЕССИИ – УНЫНИЕ ПЛЮС ОТЧАЯНИЕ

ИСКУСИТЕЛЬНАЯ ЛОЖЬ

ПРИРОДА ЗЛА

ХРИСТИАНСТВО И КУЛЬТУРА

ГОГОЛЬ КАК ХРИСТИАНИН

КАРТИНА И. Н. КРАМСКОГО «ХРИСТОС В ПУСТЫНЕ»

АНТИХРИСТИАНСКИЙ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ПОСТМОДЕРНА

Ф. И. ТЮТЧЕВ: «Я ЛЮТЕРАН ЛЮБЛЮ БОГОСЛУЖЕНИЕ...»

Том IX

АКТУАЛЬНОЕ ХРИСТИАНСТВО

ЕЩЕ РАЗ О РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ

МЕДИАСРЕДА – ПРОСТРАНСТВО, ГДЕ ДЬЯВОЛ С БОГОМ БОРЕТСЯ

РУССКИЙ ИМПЕРАТОР КАК РЕЛИГИОЗНЫЙ ТИП

ЕКАТЕРИНА II: «УВАЖАТЬ ВЕРУ, НО НЕ ДАВАТЬ ЕЙ ВЛИЯТЬ НА ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЛА»

ПАВЕЛ I – УБИЕННЫЙ ГЛАВА РУССКОЙ ЦЕРКВИ

АЛЕКСАНДР I – «РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ НА ТРОНЕ»

НИКОЛАЙ I – НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ВЛАСТЕЛИН НЕОВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
 АЛЕКСАНДР II - ЦАРЬ-РЕФОРМАТОР, КАЗНЕННЫЙ ТЕРРОРИСТАМИ
 КОНТРЕФОРМАТОР АЛЕКСАНДР III: ЗА ЕДИНЕНИЕ САМОДЕРЖАВНОГО ГОСУДАРСТВА И
 ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
 ПОСЛЕДНИЙ РУССКИЙ ИМПЕРАТОР

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ XIX - XX ВВ.

ХРИСТИАНСКОЕ МЫШЛЕНИЕ А. ПУШКИНА
 ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И РЕЛИГИЯ (Концепция Семена Франка)
 ВАСИЛИЙ ЗЕНЬКОВСКИЙ О «СИМФОНИИ», ТЕОКРАТИИ И СЕКУЛЯРИЗМЕ
 ХРИСТИАНСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ ИОАНН ПАВЕЛ II
 ИЗ КОЛЛЕКЦИИ СИМУЛЯКРОВ: «ПРОТОКОЛЫ СИОНСКИХ МУДРЕЦОВ»
 «МАСТЕР И МАРГАРИТА»: РОМАН-ДЬЯВОЛОДИЦЯ В СОЦИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОГО
 МОДЕРНА

ХРИСТИАНСКАЯ КНИЖНАЯ ЛАВКА

КНИГА, СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩАЯ О СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО
 СОЗНАНИЯ РОССИЙСКИХ ПРОТЕСТАНТОВ

Об авторе

Бачинин Владислав Аркадьевич - доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии гуманитарных наук. Окончил философский факультет Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета и аспирантуру Института философии АН СССР (Москва). С 1991 г. доктор социологических наук, с 1992 г. профессор. В настоящее время ведущий научный сотрудник Социологического института Российской Академии наук, руководитель научно-исследовательского центра Ассоциации «Союз христиан». Автор трехсот опубликованных научных работ, в том числе 50 книг по социологии, праву, философии, истории религии, культурологии, среди которых:

1. «Философия права. Краткий словарь». (СПб., 2000).
2. «Достоевский: метафизика преступления. Художественная феноменология русского протомодерна» (СПб., 2001).
3. «Философия преступления. Конспект лекций» (СПб., 2001).
4. «История философии и социологии права» (СПб., 2001)
5. «Достоевский: философия, социология и психология преступления» (Харьков, 2001).
6. «Основы социологии права и преступности» (СПб., 2001).
7. «История западной социологии» (СПб., 2002).
8. «Причинность как философско-правовая проблема» (СПб., 2002).
9. «Философия права. Хрестоматия» (Киев, 2002).
10. «Философия права» (Киев, 2003).
11. «Философия права. Словарь» (Киев, 2003).
12. «Истоки конфликта между византизмом и евангелизмом. Исторические портреты Иосифа Волоцкого и Нила Сорского» (СПб., 2003);
13. «Византизм и евангелизм: генеалогия русского протестантизма. Очерки исторической социологии религиозно-гражданской жизни» (СПб., 2003).
14. «Малая христианская энциклопедия. Т. 1. Религиозная философия» (СПб., 2003).
15. «Малая христианская энциклопедия. Т. 2. Социология. Политология. Правоведение» (СПб., 2004).
16. «Малая христианская энциклопедия. Т. 3. Антропология. Психология. Этика» (СПб., 2005).
17. «Социология. Академический курс» (СПб., 2004).
18. «Социальное кредо и мировоззренческая позиция Ассоциации христианских церквей «Союз христиан» (СПб., 2004).
19. «Христианская мысль: социология, политология, культурология». Т. I. (СПб., 2004).
20. «Христианская мысль: социология, политическая теология, культурология». Т. II. (СПб., 2004).
21. «Христианская мысль: социология, политическая теология, культурология». Т. III. (СПб., 2005).

22. «Христианская мысль: социология, политическая теология, культурология». Т. IV. (СПб., 2005).
23. «Христианская мысль: политическая теология и правовая социология». Т. V. (СПб., 2005).
24. «Христианская мысль: политическая теология и христианское право». Т. VI. (СПб., 2005).
25. «Христианская мысль: Библия и культура. Христианство, социология и антропология». Т. VII. (СПб., 2005).
26. «Христианская мысль: Библия и культура. Христианство, социология и антропология». Т. VIII. (СПб., 2006).
27. «Христианская мысль: Политическая теология». Т. IX. (СПб., 2006).
28. «Философия. Энциклопедический словарь» (СПб., 2005).
29. «Психология. Энциклопедический словарь» (СПб., 2005).
30. «Социология. Энциклопедический словарь» (СПб., 2005).
31. «Политология. Энциклопедический словарь» (СПб., 2005).
32. «Эстетика. Энциклопедический словарь» (СПб., 2005).
33. «Культурология. Энциклопедический словарь» (СПб., 2005).
34. «Религиоведение. Энциклопедический словарь» (СПб., 2005).
35. «Этика. Энциклопедический словарь» (СПб., 2005).
36. «Национальная идея для России: выбор между византизмом, евангелизмом и секуляризмом. (Исторические очерки политической теологии и культурной антропологии)» (СПб., 2005).
37. Введение в христианскую эстетику (СПб., 2005).
38. Ассоциация христианских церквей «Союз христиан»: вклад в развитие российского гражданского общества (СПб., 2006).
39. Энциклопедия философии и социологии права (СПб., 2006).
40. Евангельские ценности в гражданском обществе. Ассоциация «Союз христиан» и ее опыт построения альтернативной модели гражданских отношений (СПб., 2006).

Периодическое издание

Бачинин Владислав Аркадьевич

ХРИСТИАНСКАЯ МЫСЛЬ:

Библия и культура. Христианство и литература

Том X

Ответственный редактор

Редактор Н. В. Бачинина

Корректор

Компьютерная верстка